

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

Матэрыялы
навукова-практычнай
канферэнцыі

2016

Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

*(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2016 г.)*

Мінск
«Медысонт»
2019

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Беи)я43

М35

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнай рады
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Укладальнік:

намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

М35 **Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі** : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2016 г.) / уклад. Т. У. Явіч.— Мінск : Медысонт, 2019.— 152 с. : іл.

ISBN 978-985-7199-92-1

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы музейнай дзейнасці.

Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культуролагам.

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Беи)я43

ISBN 978-985-7199-92-1

© Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, 2019
© Афармленне. ТАА «Медысонт», 2019

ЗМЕСТ

Авчинникова Ю. А.

Объекты монументально-декоративного искусства советской эпохи в застройке площади Свободы в г. Полоцке (1919—1944 гг.) 5

Андреева Н. А.

Инновационные педагогические технологии в образовательной деятельности музея 17

Воднева И. П., Гаўрылава С. В.

Навуковая канцэпцыя выстаўкі «Ганаровыя грамадзяне горада Полацка» 27

Гаўрылава С. В.

Да пытання аб суадносінах паняццяў «рэгіянальны музей» і «краязнаўчы музей» 30

Грыб Я. П.

Прадметы з косці і рога з раскопак на тэрыторыі былога Кадэцкага корпуса ў 2001—2003 гг. у фондах НПКМЗ 36

Довгун О. М.

Альбом с фотографіямі другой паловіны XIX — пачатку XX вв. из музейнага збору НПКМЗ 46

Егоренко О. Д.

Портрет Іоанна Кронштадтскага в экспазіцыі Художественнага галерэі 57

Копыл С. П.

Путь на Восток: действия немецкого 23-го армейского корпуса под Полоцком летом 1941 г. 63

Кочерягина Ю. Н.

Формы работы с семейным посетителем в условиях Детского музея..... 79

Ледник В. А.

Полоцкая областная инспекция государственного рыбного надзора в 40-е — начале 50-х годов XX ст. 86

<i>Магалінскі І. У.</i>	
Рогавая ліцейная форма XII—XIII стст. з музейных збораў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка	96
<i>Нарейко К. А.</i>	
Сведения о немецких военных объектах в г. Полоцке согласно разведанным партизанской бригады им. В. И. Чапаева	100
<i>Ситдикова Н. И.</i>	
Игровой путеводитель по экспозиции Детского музея	112
<i>Смирнова Т. Р.</i>	
Внедрение музейно-педагогической технологии в воспитательно- образовательный процесс дошкольного образовательного учреждения (из опыта работы Детского музея, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника)	119
<i>Соловьёв А. А.</i>	
Историческая топография юго-западной части Полоцкого Великого посада в первой половине XVI в.	124
<i>Шыпіла Н. А.</i>	
Калекцыя абрусаў з музейнага збору Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка	136
<i>Явич Т. В.</i>	
К вопросу об утраченном наследии Полоцка: С. Роза	144
<i>Звесткі аб аўтарах</i>	151

Ю. А. Авчинникова

ОБЪЕКТЫ МОНУМЕНТАЛЬНО-ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ЗАСТРОЙКЕ ПЛОЩАДИ СВОБОДЫ В Г. ПОЛОЦКЕ (1919—1944 ГГ.)

Площадь Свободы — знаменательное место, с которым связана история г. Полоцка на протяжении многих столетий. Близкие к современным параметры площадь приобрела в последней четверти XVIII в. в ходе регулярной перепланировки города по проекту архитектора И. Зигфридена 1793 г. К началу XIX в. завершился процесс формирования оригинального архитектурного ансамбля площади, получившей в 1830-х гг. название Корпусной [16, с. 274—277].

В соответствии с проектным замыслом И. Зигфридена, Парадной (Корпусной) площади были отведены функции административного центра города. Наличие в комплексе застройки площади таких масштабных культовых и мемориальных объектов, как иезуитский костёл Св. Стефана (с 1838 г. — православный Свято-Николаевский собор), Доминиканский костёл, обелиск в память событий Отечественной войны 1812 г. и др. придавали ей также важное социально-культурное значение.

После революционных событий 1917 г. площадь сохранила функцию центрального исторического и административно-культурного ядра города. В зданиях на площади и прилегающих к ней улицах разместились учреждения советской власти, храмы были переоборудованы под объекты гражданского назначения. Центральная площадь стала местом проведения парадов Красной Армии и демонстраций трудящихся города. Постановлением Полоцкого уездного исполкома и ВРК от 7 декабря 1919 г. Корпусная площадь была переименована в площадь Свободы.

Первым объектом монументально-декоративного искусства советской эпохи на главной площади г. Полоцка должен был стать памятник К. Марксу. Соответствующее решение было принято Полоцким уездным исполкомом в 1919 г. во исполнение декрета СНК РСФСР «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 г. и так называемого «Ленинского плана монументальной пропаганды», согласно которому монументальное искусство провозглашалось важнейшим агитационным средством революции и коммунистической идеологии [3, с. 70].

В 1919 г. на площади Свободы был проведён митинг в честь торжественного заложения монумента. По воспоминаниям полоцкого краеведа И. П. Дейниса постамент будущего памятника К. Марксу находился «... на кадетском плацу ... у аллеи, идущей параллельно Советской улице, где начинается улица Фрунзе». В современной планировке города предполагаемое место размещения объекта можно определить на северной стороне пл. Свободы в районе пересечения условного продолжения современной ул. Замковой (что соответствовало трассе ул. Советской) с современной ул. Евфросинии Полоцкой (бывшей ул. Фрунзе) [1, с. 83—84].

Однако завершить строительство монумента не удалось в связи с событиями советско-польской войны (1919—1921 гг.).

В первой половине 20-х гг. XX в. на центральной площади были установлены арки и трибуна (предположительно деревянные) для проведения митингов и городских массовых мероприятий [4, л. 44 об.].

После смерти В. И. Ленина 21 января 1924 г., в целях увековечивания памяти «вождя мирового пролетариата» Полоцким уездным исполкомом и горсоветом был принят ряд решений о присвоении важным объектам города имени В. И. Ленина, а также о возведении памятника на площади Свободы [1, с. 116]. В 1927 г. именем В. И. Ленина был назван клуб в здании бывшего кадетского корпуса, в 1930 г. — городская больница на Верхнем замке [5, л. 349]. Однако реализация решения об установке памятника В. И. Ленину стала возможной только к середине 30-х гг. XX в.

В 1930 г. Полоцк получил статус районного центра. В годы первой и второй пятилеток (1928—1937 гг.) в городе значительными темпами развивалось промышленное и жилищное строительство, активно проводилось благоустройство. Облик архитектурного ансамбля центральной площади также претерпел определённые изменения. В 1930 г. Полоцким горсоветом было принято решение о демонтаже чугунного памятника героям Отечественной войны 1812 г. с целью его последующей переплавки на металл для нужд первой пятилетки [1, с. 137]. На смену чуждому коммунистической идеологии монументу с церковной и царской символикой должен был прийти памятник основателю большевистской партии и Советского государства — В. И. Ленину.

Автором проекта монумента стал выдающийся белорусский скульптор Андрей Онуфриевич Бембель [3, с. 119; 17]. Памятники В. И. Ленину в г. Полоцке (1935 г.) и в г. Слуцке (1938 г.) принадлежат к числу самых ранних работ мастера.

Скульптуры для полоцкого монумента были выполнены в мастерских Белорусского товарищества художников «Белмастак» в г. Минске и к концу октября 1935 г. доставлены в г. Полоцк [12, л. 660].

18 ноября 1935 г. в 13.00 состоялось торжественное открытие нового памятника, сопровождавшееся массовым митингом и демонстрацией, в которой приняли участие рабочие предприятий города, представители профсоюзных и общественных организаций, учащиеся школ, военнослужащие Полоцкого гарнизона. Пять колонн демонстрантов с оркестрами прошествовало к центральной площади города по ул. Ленинской (современная ул. Нижне-Покровская), Задвинской (современная ул. Свердлова), К. Маркса (современный пр. Ф. Скорины) [7, л. 618].

Памятник В. И. Ленину размещался в западной части площади Свободы перед главным фасадом бывшего Свято-Николаевского собора (по линии начала ул. Фрунзе (современная ул. Евфросинии Полоцкой)).

Монумент представлял собой скульптурную композицию, выполненную в бетоне. В центре ансамбля — динамичная фигура В. И. Ленина в полный рост, в длинном пальто поверх костюма тройки, держащего в правой руке книгу. Скульптура была размещена на высоком четырёхугольном постаменте, углы которого фланкировались выступами, имитирующими пилястры. Постамент был установлен на прямоугольном в плане бетонном подиуме, служившем одновременно трибуной для президиума. Вход на трибуну осуществлялся по ступеням с тыльной стороны подиума. Передняя часть трибуны была декорирована тематическим горельефом «Октябрь в Белоруссии», призванным дополнить образно-пластическое решение памятника. Высота центральной части композиции от цоколя подиума до завершения скульптуры В. И. Ленина составляла около 12—15 м (рис. 1, 2) [3, с. 120].

Направо и налево от центра композиции (на расстоянии около 5—6 м) располагались две бетонные тумбы высотой около 1 м, служившие постаментами ещё для двух фигур. Все три элемента ансамбля (центральный подиум и боковые постаменты) были связаны между собой общим фундаментом.

На тумбе справа была установлена фигура красноармейца в форме образца 20-х гг. XX в. (в шинели и будёновке), держащего в правой руке винтовку со штыком и смотрящего в сторону р. Западной Двины. По сюжету композиции скульптура солдата служила олицетворением Красной Армии, стоящей на защите границ Советского Союза [3, с. 120].

На тумбе слева размещалась фигура матроса с карабином на ремне и гранатой за поясом, грудь которого была крест-накрест обвязана пулемётной лентой. Образ матроса олицетворял защиту Октябрьской революции от контрреволюционных сил [3, с. 120].

Согласно постановлению президиума Полоцкого районного исполнительного комитета от 13 декабря 1935 г. Полоцким горсоветом на оплату расходов по возведению памятника В. И. Ленину было затрачено 40 тыс. рублей [10, л. 211].

*Рис. 1. Памятник В. И. Ленину на пл. Свободы в г. Полоцке
(1936–1941 гг.)*

В 1936 г. в ходе работ по благоустройству города властями было усмотрено, что на фоне величественного здания бывшего Свято-Николаевского собора высотой 53 м пятнадцатиметровая скульптурная композиция, посвящённая В. И. Ленину, выглядит недостаточно масштабно, что существенно снижало идеологическую значимость монумента. В этой связи было принято решение о понижении собора, путём сноса верхних ярусов башен до уровня колоколен. Кроме того фасад «обезглавленного» храма было предложено задекорировать фоном, тематически дополняющим памятник В. И. Ленину.

*Рис. 2. Памятник В. И. Ленину на пл. Свободы в г. Полоцке
(1936—1941 гг.)*

Между башнями колоколен был установлен огромный поясной портрет И. В. Сталина, выполненный на ткани и оформленный по периметру электрическими лампами. Ниже портрета по карнизу фасада Свято-Николаевского собора поместили транспарант с лозунгом «Пролетарии всех стран соединитесь», также обрамлённый электрическими лампочками. Сам монумент В. И. Ленину освещался дополнительно двумя прожекторами. Таким образом, благодаря иллюминации памятника и портрета И. В. Сталина осуществлялось освещение практически всей площади Свободы в тёмное время

*Рис. 3. Памятник В. И. Ленину на пл. Свободы в г. Полоцке
(июль 1941 г.)*

суток. На «художественное оформление» фасада здания бывшего Свято-Николаевского собора отделом благоустройства Полоцкого горкомхоза было затрачено 5 тыс. рублей [3, с. 121—122; 6, л. 235 об.].

Судьба памятника В. И. Ленину, возведённого в 1935 г., оказалась недолгой. 16 июля 1941 г. монумент был разрушен вошедшими в Полоцк немецкими войсками вместе с другими символами большевизма (рис. 3) [2, л. 33—35].

Возведение новых объектов монументально-декоративного искусства на центральной площади города было связано с увековечиванием памяти воинов Красной Армии, павших в боях за освобождение Полоцка от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Уже в первые недели после изгнания врага из города возобновили свою деятельность Полоцкий исполком городского Совета депутатов трудящихся, районный комитет компартии и другие местные органы власти. В конце июля 1944 г. на заседании Полоцкого горисполкома были приняты решения о восстановлении коммунального хозяйства, расчистке города от руин, организации работы промышленных предприятий и артелей [9, с. 485]. Несмотря на масштаб и сложность задач, стоящих перед разрушенным войной городом, на заседании бюро Полоцкого райкома КП(б)Б от 28 июля 1944 г. (протокол № 20) в ряду первоочередных рассматривался вопрос об увековечивании памяти воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну и захороненных на территории Полоцка и района. В ходе заседания было принято постановление, обязыва-

*Рис. 4. Открытие памятника
«Освободителям Полоцка»
(17 сентября 1944 г.)*

ющее Полоцкий исполком горсовета депутатов трудящихся и исполкомы сельских советов района произвести строгий учёт одиночных и братских могил красноармейцев, составить акты их описания, а также обеспечить надлежащий уход за местами захоронений [8, с. 170].

На главной площади города — площади Свободы, на месте разрушенного немцами в 1941 г. монумента В. И. Ленину была размещена братская могила 15 командиров частей и подразделений, принимавших участие в освобождении г. Полоцка от немецко-фашистских захватчиков летом 1944 г.

Военным Советом 1-го Прибалтийского фронта в августе 1944 г. было принято решение о строительстве на месте братской могилы

«памятника участникам Великой Отечественной войны, погибшим в боях за город». В этой связи Полоцкий райком КП(б)Б 6 августа 1944 г. (протокол № 24) постановил «организовать самое широкое участие трудящихся г. Полоцка в работах по сооружению памятника на площади Свободы» [9, с. 488; 13, л. 111].

Активный отклик полочан и мобилизация их трудовых ресурсов позволили возвести монумент в рекордно короткие сроки. В строительстве принимали участие военнослужащие частей Полоцкого гарнизона и горожане (в том числе пожилые мужчины, женщины, подростки) [9, с. 491; 11, л. 8—9].

Уже в первых числах сентября 1944 г. строительство монумента было завершено, о чём свидетельствует решение исполкома Полоцкого горсовета депутатов трудящихся от 10 сентября 1944 г., согласно которому из городского бюджета были выделены денежные средства в размере 1 736 рублей на организацию торжественного обеда на 20 человек («для инженеров, архитекторов и строителей») в честь окончания работ по сооружению «памятника героям Отечественной войны, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины (при освобождении г. Полоцка)» [14, л. 124].

Рис. 5. Памятник «Освободителям Полоцка» на пл. Свободы в г. Полоцке (1940–50-е гг.)

Открытие памятника состоялось 17 сентября 1944 г. [9, с. 61]. На площади Свободы был организован митинг с участием жителей города, боевых командиров и солдат Красной Армии, городского и партийного руководства, небольшого военного оркестра. В память о погибших героях был произведён артиллерийский салют (рис. 4) [1, с. 199].

Монумент представлял собой вертикально стоящую на прямоугольном постаменте двухстороннюю стелу высотой около 8 м, завершающуюся полукругом с двухметровым шпилем в центре. Стела и постамент (высотой

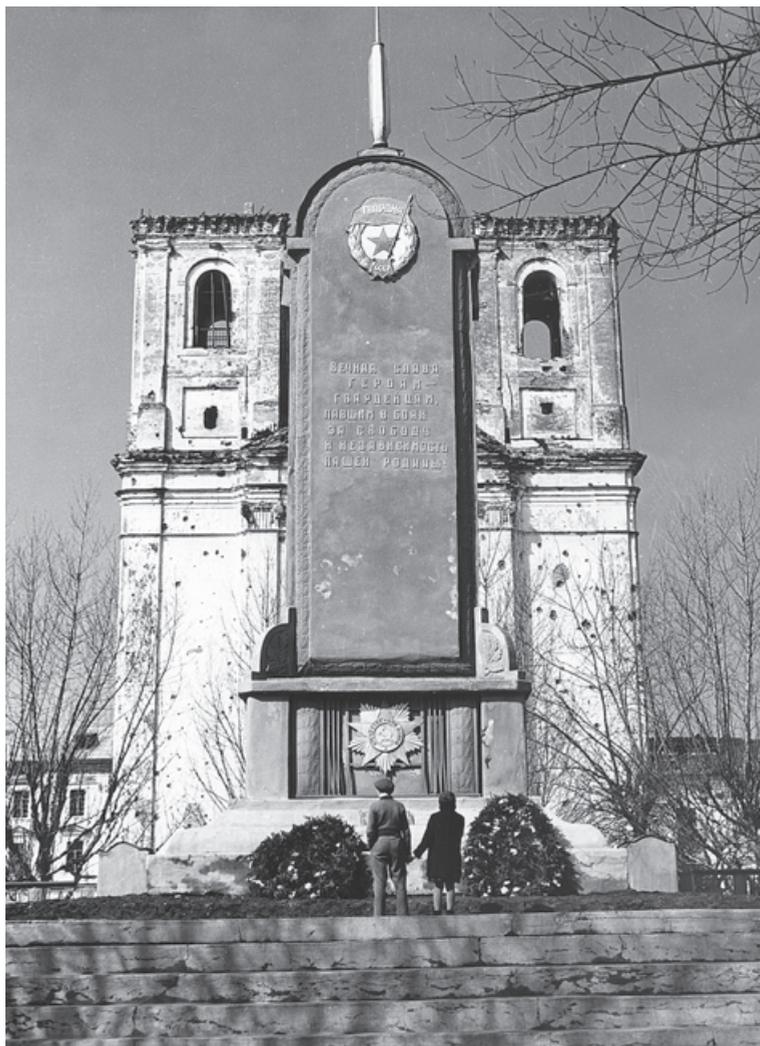

Рис. 6. Памятник «Освободителям Полоцка» на пл. Свободы в г. Полоцке (1950-е — 1964 гг).

около 2 м) были сложены из кирпича и оштукатурены цементным раствором [15, л. 14].

В верхней части лицевой и тыльной плоскостей стелы были размещены барельефные изображения знака Гвардии СССР; в нижней части — барельефы в виде двух скрещённых знамён на фоне очертаний Спасской башни Московского Кремля с пятиконечной звездой на вершине.

В центре лицевой плоскости стелы размещалась рельефная надпись: «Вечная слава героям-гвардейцам, павшим в боях за свободу и независи-

мость нашей Родины», в центре тыльной плоскости — надпись «Ваши славные имена советский народ никогда не забудет». Обе плоскости объекта были украшены декоративным обрамлением с использованием стилизованных лавровых листьев.

Массивный прямоугольный в плане постамент памятника имел размеры около 5,5х4 м, его углы фланкировались выступами, имитирующими пилястры. В сформированные между выступами прямоугольные ниши на лицевой и тыльной плоскостях постамента были помещены рельефные изображения ордена Отечественной войны, а также вертикальные декоративные рельефные панели, стилизованные в виде лавровых венков. На боковых гранях постамента крепились таблички с фамилиями и инициалами 15 воинов, захороненных в братской могиле: «Бабахин Н. И., Галушко П. П., Голубев М. С., Кессель А. А., Клименко В. И., Коновалов С. Н., Краснов И. А., Кутушев Г. Р., Литвинов В. И., Магалашвили И. И., Мараховский И. Ф., Сушков Ф. Т., Чайко В. Г., Шенягин А. А., Щербина И. Ф.» [8, с. 171—174].

Общая высота стелы и постамента, установленного на двухступенчатом бетонном цоколе, составляла около 12 м (рис. 5, 6).

В ансамбле застройки площади Свободы монументу была отведена довольно значительная территория. Памятник размещался на прямоугольном в плане подиуме размерами около 22,5х12,5 м и высотой около 1,5 м, расположенном перед главным фасадом бывшего Свято-Николаевского собора. Подход к стеле был организован в виде широких бетонных лестниц с пятью ступенями, размещенных симметрично с лицевой и тыльной стороны объекта. На высоком цоколе подиума, облицованного «рваным» камнем, по периметру были установлены декоративные металлические ограждения с рельефными изображениями пятиконечных звезд. Пролёты ограждений памятника разделялись десятью плоскими прямоугольными столбиками, на лицевой стороне которых были размещены барельефные изображения знака Гвардии СССР, тематически дополнявшие общую композицию монумента.

Автор проекта памятника неизвестен. Вероятно, проектное решение монумента было коллективным и принадлежало группе архитекторов и военных инженеров-строителей, принимавших участие в восстановлении разрушенного войной города [14, л. 124].

Памятник «Освободителям г. Полоцка» на площади Свободы стал местом проведения городского митинга в честь первого Дня Победы 9 мая 1945 г. [1, с. 208].

Список литературы и источников

1. Дейнис, И. П. Полоцк в XX веке (1905—1967 гг.). Рукопись. Фонды НПИКМЗ КП5-2774 экз. № 5 781 26.04.1972.
2. Докладная записка о разрушениях и злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в г. Полоцке и районах Полоцкой области // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 687.— Оп. 1.— Д. 2.— Л. 33—35.
3. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс. — Мінск: Медисонт, 2007.— 330 с.
4. Исполнительный комитет Полоцкого окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Отчёты, доклады о работе окрисполкома его отделов, служб, райисполкомов, организаций и предприятий за 1924—1925 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 5.— Д. 3.— Т. 1.— Л. 44 об.
5. Исполнительный комитет Полоцкого окружного Совета депутатов трудящихся. Постановления СНК БССР, постановления, планы, доклады оргкомитета и райисполкомов по отчётной компании перед избирателями, подготовке к I-му окружному съезду Советов // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 94.— Т. 2.— Л. 349.
6. Исполнительный комитет Полоцкого окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Постановления, циркуляры президиума ЦИК БССР, постановления Дриссенского и Освейского РК КП(б)Б, доклады оргкомитета округа о состоянии оргмассовой работы сельских Советов // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 93.— Т. 2.— Л. 235 об.
7. Исполнительный комитет Полоцкого окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Постановления, циркуляры президиума ЦИК БССР, постановления Дриссенского и Освейского РК КП(б)Б, доклады оргкомитета округа о состоянии оргмассовой работы сельских Советов // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 93.— Т. 4.— Л. 618.
8. Корсак, А. И. Памятники Полоцка как способ сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны / А. И. Корсак // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов: материалы Республиканского научно-практического семинара, Полоцк, 8—9 октября 2015 г. / Полоц. гос. ун-т.— Новополоцк, 2015.— С. 170—175.
9. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.— Мінск: БелЭн, 2002.— 912 с.
10. Пастанова прэзідыума Полацкага раённага выканаўчага камітэта ад 13 студзеня 1935 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 95.— Т. 1.— Л. 211.

11. Постановление Полоцкого городского комитета КПБ и исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 7 апреля 1966 № 95 // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 658.— Оп. 1.— Д. 497.— Л. 8—9.
12. Постановления президиума ЦИК и СНК БССР, Совета национальностей, выписки из протоколов заседаний президиума ЦИК БССР и его комиссий, переписка с Госпланом БССР о финансировании строительства в округе // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 92.— Т. 4.— Л. 660.
13. Протокол заседания исполкома Полоцкого областного Совета депутатов трудящихся от 9 октября 1944 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 658.— Оп. 1.— Д. 3.— Л. 111.
14. Решение Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся от 10 сентября 1944 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 658.— Оп. 1.— Д. 3.— Л. 124.
15. Список историко-революционных архитектурных и археологических памятников, расположенных на территории г. Полоцка // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 1152.— Оп. 4.— Д. 140.— Л. 14.
16. Чантурия, Ю. В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в.: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю. В. Чантурия. — Минск: Беларуская навука, 2005.— 375 с.
17. Шапошникова, Е. Д. Из опыта формирования музейных коллекций. Произведения А. О. Бембеля в Национальном художественном музее Республики Беларусь. К 100-летию со дня рождения мастера / Е. Д. Шапошникова // [Электронный ресурс].— 2017.— Режим доступа: <http://www.artmuseum.by/ru/nauka/research/razdel/iz-opyita-formirovaniya-muzejnyix-kollekcij.-proizvedeniya-a.o.-bembelya-v-nxm-rb.-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-mastera>.— Дата доступа: 12.01.2017.

Н. А. Андреева

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

Под образовательной деятельностью музея понимается специфическая форма музейной деятельности, которая характеризуется педагогической направленностью и ставит своей целью творческое развитие личности. Образовательная деятельность музеев осуществляется в музейной среде, которая представляет собой 3 взаимосвязанных компонента: музейный предмет, музейная экспозиция, музейная коммуникация [1, с. 99].

Образовательные возможности музея реализуются благодаря развитию такой интегративной научной и практической дисциплины, как музейная педагогика, которая исследует все аспекты взаимодействия с аудиторией и (по мнению М. Ю. Юхневич), рассматривает музей в качестве образовательной системы [2, с. 5—8]. Музейная педагогика призвана осуществлять нетрадиционный подход к образованию и способствовать самореализации каждого ребёнка. До недавнего времени считалось, что музей даёт школьникам дополнительные знания и возможность заниматься творчеством в необычной для них среде, т. е. музей позиционировался как вспомогательное средство учебно-воспитательного процесса. Сегодня ставка делается на тесное сотрудничество музейщиков с педагогами, позволяющее учителям использовать все преимущества музейной экспозиции. В связи с этим в 2014 г. в Москве был запущен совместный проект Департамента культуры и Департамента образования «Урок в музее», который предполагал организацию музейных уроков на базе столичных музеев. Однако только 5% музеев заявили о своей готовности сотрудничать с учителями, и в реализации проекта приняли участие 12 из 244 музеев. Музейщики разработали для старшеклассников 120 уроков, из которых наблюдательным советом было отобрано всего 25 уроков, соответствующих современным требованиям [3, с. 120], [4].

Несмотря на разные точки зрения, музейный урок способствует развитию личностных качеств ребёнка, помогает сформировать навыки исследовательской деятельности; в музеях внедряются новые педагогические технологии, направленные на развитие творческих способностей, на развитие познавательной активности юных посетителей.

Фундамент для кардинального изменения взгляда на образовательную функцию музея и формирования новой научной дисциплины, которая называется музейная педагогика, был заложен ещё в XIX в., когда в Санкт-Петербурге в 1865 г. был образован Педагогический музей, который стал общественным, научным, просветительским центром. Надо отметить, что деятельность первых музеев учебных заведений (вторая половина XVIII в.) носила образовательный характер и была обусловлена задачами этих учебных заведений. Образовательная деятельность современного музея рассматривается в трёх аспектах: познавательном, творческом и социальном.

Познавательный аспект предполагает наличие практического и теоретического знаний, которые реализуются в творческой деятельности человека.

Художественное творчество связано с формированием художественного вкуса и опытом эстетического восприятия окружающего мира.

Социальный аспект образовательной деятельности современного музея заключается в том, что музей развивает чувственный опыт восприятия человеком окружающего мира, просвещает, даёт новое знание о ранее неизвестном и, в первую очередь, о человеке. В этом случае музейная педагогика является инструментом интеграции социального и культурного в современном обществе [5].

В качестве самостоятельного направления работа с посетителем выделялась из других сфер музейной деятельности в конце XIX — начале XX в. На каждом историческом этапе изменение термина, обозначающего направление работы с посетителем, отражало и новые содержательные аспекты музейной работы, и новые задачи музея в обществе, и реформы, происходившие в образовании. В начале XX в. формирующееся направление работы с посетителем обозначается термином культурно-просветительная работа, внешкольное образование, вплоть до 50-х гг. XX в. утверждается термин политико-просветительная и массовая работа, начиная с 60-х гг. — научно-просветительная работа.

Очень важным этапом являются 80—90-е гг. XX в. [6, с. 418—427]. В этот период формируются новые представления о роли музея как культурного центра, что предполагало сотрудничество музея с образовательными учреждениями. Происходит переход от просветительной к культурно-образовательной деятельности музеев, т. е. образование в пространстве культуры. При этом понятие «образование» предполагает не только развитие интеллекта человека, но развитие его душевных и личностных качеств, ценностного отношения к миру. В это время (1990 г.) на базе Государственного Русского музея создаётся Российский центр музейной педагогики и детского творчества. Ведущей тенденцией музейной педагогики становится пере-

ход от единичных и эпизодических контактов с посетителями к созданию многоступенчатой системы музейного образования.

На рубеже XX—XXI вв. формируется коммуникативная модель образовательной деятельности музеев. В новой образовательной концепции большая роль отводится внутреннему миру человека, его чувственно-эмоциональной сфере, творческому воображению. Модель реализуется через разработку музейно-педагогических программ, разработку инновационных музейно-педагогических технологий, проектирование интерактивного музейного пространства.

Исходя из специфики музейного образования и теории музейной коммуникации, можно в самом общем виде определить круг задач в сфере музейного образования на современном этапе [7].

- 1) Развитие у детей способности извлекать информацию из первоисточника на основе наблюдения явлений природы или предметов материальной среды.
- 2) Формирование понятийного аппарата через наблюдение и общение с природой и предметами материальной среды.
- 3) Привитие навыков самостоятельного обучения.
- 4) Мотивация процесса обучения, приобретение детьми «опыта радости» в процессе обучения.

Таким образом, музейная педагогика на современном этапе развивается в русле проблем музейной коммуникации и направлена в первую очередь на решение задач развития творческих способностей личности. Существует 2 варианта музейно-педагогической деятельности: технократический (функционально-информационный) и гуманитарный (диалоговый). При технократическом подходе посетитель — объект, воспринимающий информацию. Гуманитарный подход даёт право ребёнку на доступные для него формы восприятия, переживание, выражение своих чувств и эмоций, отношения к музею. Гуманитарному подходу соответствуют 4 модели обучения [8]:

- поисковая модель (включает проблемное изложение материала и поисковую деятельность учащихся);
- коммуникативная модель (основана на педагогике сотрудничества);
- модель имитационного моделирования (как разновидность педагогического моделирования, она включает в себя имитацию отдельных элементов производственного, жизненного или творческого процесса);
- инновационно-игровая модель (формирует исследовательское и творческое отношение к действительности).

Очевидно, что музейная педагогика, как и педагогика в целом, направлена на задачи воспитания и развития личности, оперирует теми же понятиями и категориями и подчиняется тем же законам, что и общая педагогика. Рассматривая формы, методы, принципы и средства музейной педагогики, можно выделить и технологии музейной педагогики. Более того, сама музейная педагогика рассматривается как инновационная педагогическая технология. Одной из самых востребованных инновационных технологий является сегодня музейно-педагогическая программа, при условии оценки её эффективности. Как пример инновационной технологии музейной педагогики можно привести программу Государственного Русского музея «Здравствуй, музей».

Особенно эффективными в музейной педагогике признаны следующие педагогические технологии: информационно-компьютерные, интерактивные, а также педагогические технологии на основе активизации и интенсификации деятельности учащихся, куда относятся игровые технологии, технология коллективных творческих дел, технологии проблемного и индивидуального обучения.

Несколько слов о терминологии.

Сегодня в педагогической литературе наряду с термином «педагогическая технология» используются термины «образовательная технология» и «технология обучения», которые часто прочитываются как синонимы. Есть мнение, что словосочетание «педагогическая технология» является неточным переводом английского *an educational technology* «образовательная технология» [9]. Согласимся с тем, что по сути образовательная технология может относиться к любым образовательным процессам и включает, кроме педагогических, социальные, управленческие, культурологические, психолого-педагогические и др. аспекты. Т. о., это более широкое понятие, чем педагогическая технология. Термин же «технология обучения» отражает путь освоения учебного материала и относится непосредственно к процессу обучения. Т. е. отождествлять понятия «педагогическая технология», «технология обучения», «образовательная технология» не целесообразно [10, с. 12].

Кроме того, некоторые авторы [11] отождествляют нетрадиционные формы работы, например, музейные уроки на базе школьных музеев, с технологиями. Мы будем придерживаться точки зрения известных теоретиков в области музейной педагогики, в частности, по вопросам классификации музейно-педагогических форм, и различать дефиниции: формы, методы, технологии [12], [13, с. 145—153], [2, с. 42—49].

На практике, как правило, под педагогической технологией понимается системное и последовательное воплощение заранее спроектированного

учебно-воспитательного процесса. Алгоритм такого педагогического процесса представляется формулой:

ПТ = диагностические цели + задачи + содержание + методы (приёмы, средства) + формы обучения [14].

Из этой формулы видно, что педагогическая технология — это не дидактика, не теория воспитания и не методика обучения или воспитания. Суть педагогической технологии в том, что она отвечает не столько на вопрос «как учить?», сколько на вопрос «как учить результативно?» Она проектируется с учётом конкретных условий и ориентируется на чётко заданный, а не предполагаемый результат, поэтому цели педагогической технологии называются диагностические, т. е. предполагают ясное понимание того, каких результатов мы хотим достичь. И именно по целевому признаку чаще всего и называют педагогические технологии.

Любая педагогическая технология должна соответствовать определённым методологическим требованиям (концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость, которые определяют её трёхчастную структуру [15, с. 10]:

- 1) концептуальная часть педагогической технологии — это научная база технологии, те психолого-педагогические идеи, которые заложены в её фундамент;
- 2) содержательную часть технологии составляют:
 - диагностические цели обучения — общие и конкретные;
 - содержание учебного материала;
- 3) процессуальная часть — это сам технологический процесс, куда входит
 - организация учебного процесса;
 - методы и формы учебной деятельности школьников;
 - методы и формы работы учителя;
 - деятельность учителя по управлению процессом усвоения материала;
 - диагностика учебного процесса.

В образовательной практике понятие «педагогическая технология» употребляется на трёх уровнях [15, с. 12]:

- 1) Общепедагогический уровень характеризует целостный образовательный процесс в данном регионе, учебном заведении, на определённой ступени обучения.
- 2) Частнометодический (предметный) уровень употребляется в значении «частная методика», т. е. как совокупность методов и средств в целях ре-

ализации определённого содержания обучения и воспитания в рамках одного предмета, класса, учителя (методика преподавания предметов, методика компенсирующего обучения, методика работы учителя).

- 3) Локальный (модульный) уровень представляет собой технологию отдельных частей учебно-воспитательного процесса, решение частных дидактических и воспитательных задач (технология отдельных видов деятельности, формирование понятий, воспитание отдельных личностных качеств, технология урока, усвоения новых знаний, технология повторения и контроля материала, технология самостоятельной работы и др.).

Общепринятой классификации педагогических технологий в российской и зарубежной педагогике на сегодняшний день не существует. Но, тем не менее, в наиболее обобщенном виде все известные в педагогической науке и практике технологии систематизировал Г. К. Селевко, в своей работе «Современные образовательные технологии» [16, с. 27–32].

Он предложил классификацию по следующим основаниям: по уровню применения, по философской основе, по ведущему фактору психического развития, по концепции усвоения, по ориентации на личностные структуры, по характеру содержания и структуры, по организационным формам, по типу управления познавательной деятельности, по подходу к ребёнку, по преобладающему (доминирующему) методу, по направлению модернизации существующей традиционной системы, по категории обучающихся.

Поскольку принципиально важной стороной в педагогической технологии (включая музейно-педагогические) на сегодняшний день является позиция ребёнка в образовательном процессе, отношение к ребёнку со стороны взрослых, обратим внимание на следующие технологии:

1. Технологии развивающего обучения. При таком обучении дети учатся способам самостоятельного постижения знаний, у них вырабатывается творческое отношение к деятельности, развиваются мышление, воображение, внимание, память, воля. В основе обучения фактически заложено диалоговое общение, понимаемое в широком смысле этого термина [16, с. 210].

К технологиям развивающего обучения относятся:

- 1) Система развивающего обучения Л. В. Занкова.
- 2) Технология развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова.
- 3) Системы развивающего обучения с направленностью на развитие творческих качеств личности (И. П. Волков, Г. С. Альтшуллер, И. П. Иванов).
- 4) Личностно-ориентированное развивающее обучение (И. С. Якиманская).
- 5) Технология саморазвивающего обучения (Г. К. Селевко).

Методика развивающего обучения строится на групповой, межгрупповой, индивидуальной работе, в результате чего акцент смещается на собственно учебную деятельность обучающихся, и в центре внимания педагога оказывается не информирование, а поиск приёмов эффективной организации учебно-познавательной деятельности школьников. Для педагога большую ценность представляет не сам результат (знает или не знает ученик?), а познавательные мотивации ученика [17].

II. Педагогические технологии на основе активизации и интенсификации деятельности учащихся включают в себя [16, с. 56]:

1) Игровые технологии.

В отличие от игр вообще педагогическая игра обладает существенным признаком: чётко поставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатом.

2) Проблемное обучение.

В проблемном обучении главным является исследовательский метод — такая организация учебной работы, при которой учащиеся овладевают умением самостоятельно добывать новые знания.

Существуют четыре уровня «проблемности» в обучении [15, с. 42]:

- Учитель сам ставит проблему (задачу) и сам решает её при активном внимании и обсуждении учениками (традиционная система).
- Учитель ставит проблему, ученики самостоятельно или под его руководством находят решение; он же направляет самостоятельные поиски путей решения (частично-поисковый метод).
- Ученик ставит проблему, преподаватель помогает её решить. У ученика воспитывается способность самостоятельно формулировать проблему (исследовательский метод).
- Ученик сам ставит проблему и сам её решает (исследовательский метод).

3) Технология интенсификации обучения на основе схем и знаковых моделей учебного материала (опорные схемы В. Ф. Шаталова).

4) Технологии уровневой дифференциации.

5) Технология индивидуализации обучения (Инге Унт, А. С. Границкая, В. Д. Шадриков).

6) Технология программированного обучения.

7) Коллективный способ обучения (А. Г. Ривин, В. К. Дьяченко)

8) Групповые технологии.

9) Компьютерные (новые информационные) технологии обучения.

10) Интерактивные технологии.

Под новыми педагогическими технологиями (или инновационными) понимается не временной аспект, а качественный, понимаемый как «отличающийся от привычных, традиционных».

Что же такое «инновационная педагогическая технология»? Это комплекс из трёх взаимосвязанных составляющих (по О. В. Бондаренко) [18]:

- 1) Современное содержание, которое предполагает не столько освоение предметных знаний, сколько развитие компетенций (это слово является определяющим).
- 2) Современные методы и средства обучения — активные методы формирования компетенций, основанные на взаимодействии обучающихся и их вовлечении в учебный процесс, а не на пассивном восприятии материала.
- 3) Современная инфраструктура обучения, которая включает информационную, технологическую, организационную и коммуникационную составляющие.

III. Педагогические технологии на основе личностной ориентации педагогического процесса (в музейной педагогике — личностно ориентированный метод) [16].

Это направление представлено педагогами-новаторами и в её основе — теория гуманизации образовательного процесса.

- 1) Педагогика сотрудничества.
- 2) Гуманно-личностная технология Ш. А. Амонашвили.
- 3) Система Е. Н. Ильина: преподавание литературы как предмета, формирующего человека.

Личностно ориентированные технологии ставят в центр всей образовательной системы личность обучаемого. Первостепенной задачей является развитие личности ребёнка. Что это значит?

- 1) Акцент смещается с вопроса, что ребёнок усвоил, на вопрос, зачем он усвоил, для чего, как он думает на самом деле, какие эмоции переживает, т. е. абсолютно меняется мотив учения.
- 2) Основная задача педагога — организовать продуктивную учебную деятельность и обеспечить комфортные бесконфликтные условия развития личности, реализацию её природных потенциалов.
- 3) Сам процесс познания трактуется как индивидуализированный, требующий высокой степени самостоятельности и активности детей, уме-

ния грамотно работать с информацией. Поэтому особое место отводится сотрудничеству, коллективной учебной деятельности.

- 4) Методика личностно ориентированного обучения построена на заданиях аналитического, поискового, исследовательского характера.

Т. о., можно сказать, что главной задачей педагогов, которые практикуют личностно ориентированное обучение, является обучение ребёнка тому, как эффективнее всего учиться.

Действительный член Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор Е. В. Бондаревская выделяет ряд существенных требований к технологии личностно ориентированного обучения [19]:

- диалогичность;
- деятельностно-творческий характер;
- поддержка индивидуального развития ребёнка;
- предоставление ему необходимого пространства свободы для принятия самостоятельных решений, творчества, выбора содержания и способов обучения и поведения.

В заключение хотелось бы отметить, что речь не идёт о слепом копировании инновационных методик. Они требуют изучения, адаптации, опробирования, анализа. Однако хочется думать, что их применение в образовательном пространстве музея поможет решить всем хорошо известные проблемы музейно-педагогической деятельности: такие, как вопросы эффективности музейной коммуникации, отсутствие постоянной обратной связи, односторонний характер сотрудничества со школами и дошкольными учреждениями, отсутствие у большинства детей (как и у взрослых) необходимых навыков восприятия и обработки информации, общекультурных навыков общения с музейной экспозицией и т. д.

Список литературы и источников

1. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. Истории, теория, практика / Б. А. Столяров; под ред. М. В. Лагунова.— Смоленск: Высшая школа, 2004.— С. 99.
2. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич.— М.: Рос. ин-т культурологии, 2001.— С. 5—8, 42—49.
3. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. Выпуск 2: программа «Новые музеи для Сибири» / сост. Н. Копелянская; под ред. Н. Толстой.— М., 2015.— С. 120.
4. Тайны взаимодействия: музей и школа: отчет о проведении дискуссионного круглого стола в рамках проекта «Культурная среда на Самоетеке»

- [Электронный ресурс].— 2015.— Режим доступа: <https://old.mgpu.ru/materials/43/43815.pdf>.— Дата доступа: 20.01.2017.
5. Мышева, Т. П. Музейная педагогика в современном социокультурном образовательном контексте: дис. канд. пед. наук: 13 00 01/ Т. П. Мышева.— Ростов-на-Дону, 2007.— 25 с.
 6. Беззубова, О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса / О. В. Беззубова // Коммуникация и образование: сб. ст. / Санкт-Петербургское философское общество; под ред. С. И. Дудника.— С.-Петербург, 2004.— С. 418—427.
 7. Бонами, Э. А. Музей — образование — дети: по материалам музейно-педагогических изданий США / Э. А. Бонами // Музейная педагогика за рубежом: работа музеев с детской аудиторией [Электронный ресурс].— 1997.— Вып. 5.0.— Режим доступа: http://www.musrzn.ru/uploads/images/files/muzeynaya_pedagogika_zh_rubezhom.pdf.— Дата доступа: 21.01.2017.
 8. Столяров, Б. А. Педагогические аспекты образовательной деятельности музея: уч. пособие / Б. А. Столяров.— СПб., 2013.— С. 275.
 9. Рогозина, Т. В. Современные образовательные технологии как способ формирования образовательных результатов учащихся / Т. В. Рогозина // ДОСМЕ [Электронный ресурс].— 2013.— Режим доступа: <http://www.docme.ru/doc/844711/rogozina-t.v.-sovremennye-obrazovatelnye-tehnologii-kak>.— Дата доступа: 21.01.2017.
 10. Зайцев, В. С. Педагогические технологии: элективный курс для подготовки бакалавров и магистров: в 2 т. / В. С. Зайцев.— Челябинск: ЧГПУ, 2012.— Т. 1.— С. 12.
 11. Воронович, В. М. Музейная педагогика / В. М. Воронович // Сборник материалов к областному семинару «Музейная педагогика в современном дополненном образовании» [Электронный ресурс].— 2013.— Режим доступа: pioneer-samara.ru/sites...files...muzeynaya_pedagogika.... — Дата доступа: 21.01.2017.
 12. Ботякова, О.А. Формы культурно-образовательной деятельности музея. Проблема классификации / О.А. Ботякова // База текстов [Электронный ресурс].— 2013.— Режим доступа: <http://migha.ru/tezisi-botyakova-o-a.html>.— Дата доступа: 21.01.2017.
 13. Галкина, Т. В. Основы классификации музейно-педагогических форм в российских музеях / Т. В. Галкина // Вопросы музеологии.— 2011.— № 2.— С. 145—153.
 14. Богданов, И. Развивающие педагогические технологии / И. Богданов // Психология и педагогика / И. Богданов [и др.] [Электронный ресурс].— 2010.— Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/bogd/13.php.— Дата доступа: 19.01.2017.

15. Сивашинская, Е. Ф. Педагогические системы и технологии: курс лекций для студентов пед. специальностей вузов / Е. Ф. Сивашинская, В. Н. Пунчик; под общ. ред. Е. Ф. Сивашинской.— Минск: Экоперспектива, 2010.— С. 10, 12, 42.
16. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г. К. Селевко.— М.: Народное образование, 1998.— С. 27—32, 56, 210.
17. Самусева, Н. В. Педагогика. Педагогические системы и технологии / Н. В. Самусева // Репозиторий Белорусского национального технического университета [Электронный ресурс].— 2015.— Режим доступа: <https://rep.bntu.by/handle/data/15364>.— Дата доступа: 21.01.2017.
18. Бондаренко, О.В. Современные инновационные технологии в образовании / О.В. Бондаренко // Электронный журнал «РОНО» [Электронный ресурс].— 2012.— № 16.— Режим доступа: https://sites.google.com/a/shko.la/ejrono_1/vypuski-zurnala/vypusk-16-sentabr-2012/innovacii-poiski-i-issledovania/sovremennye-innovacionnye-tehnologii-v-obrazovanii.— Дата доступа: 21.01.2017.
19. Михайлова, Е. В. Личностно-ориентированный подход в педагогической деятельности учителя / Е. В. Махайлова // Начальная школа. Все для учителя! [Электронный ресурс].— 2015.— № 4(40).— Режим доступа: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_12_40_11407.pdf.— Дата доступа: 21.01.2017.

УДК [069+94](476.5-21Полацк)

І. П. Воднева, С. В. Гаўрылава

НАВУКОВАЯ КАНЦЭПЦЫЯ ВЫСТАЎКІ «ГАНАРОВЫЯ ГРАМАДЗЯНЕ ГОРАДА ПОЛАЦКА»

Выстаўка ствараецца да 50-годдзя зацвярджэння Палажэння аб прысваенні звання «Ганаровы грамадзянін горада Полацка».

Мэта выстаўкі: паказаць уклад палачан, удастоеных звання «Ганаровы грамадзянін горада Полацка», у развіццё сацыякультурнай прасторы горада праз актуалізацыю іх прафесійных і творчых дасягненняў.

Задачы:

- расказаць пра гісторыю зацвярджэння звання «Ганаровы грамадзянін горада Полацка» (1967, 2003 гг.);
- разгледзець прафесійныя і творчыя дасягненні Ганаровых грамадзян у кантэксце гістарычнага часу;
- паказаць уклад Ганаровых грамадзян у развіццё той сферы, у якой ажыццяўлялася іх працоўная і творчая дзейнасць;

- раскрыць сувязь Ганаровых грамадзян з важнымі падзеямі ў гісторыі Полацка;
- папулярызаваць фондавыя калекцыі;
- садзейнічаць патрыятычнаму выхаванню маладога пакалення.

Новая выстаўка будзе арганічна звязана з усёй экспазіцыяй музея і дазволіць пашырыць часавыя межы рэпрэзентацыі гісторыі Полацка ў Краязнаўчым музеі.

Кароткая гістарычная даведка. У 1967 г., калі па ўсёй краіне адзначалася 50-годдзе кастрычніцкай рэвалюцыі, па ініцыятыве бюро ГК КПБ Полацкім гарвыканкамам савета дэпутатаў працоўных было прынята Палажэнне аб прысваенні звання «Ганаровы грамадзянін горада Полацка» за шматгадовую і плённую дзейнасць у партыйных, савецкіх і гаспадарчых арганізацыях горада, а таксама за вялікія заслугі ў справе камуністычнага выхавання працоўных. У 1960—1970-я гг. званне атрымалі члены партыі, ветэраны вайны і сацыялістычнай працы, якія кіравалі і ўдзельнічалі ў аднаўленні народнай гаспадаркі горада, перабудове і рэканструкцыі прадпрыемстваў, жыллёвым і культурным будаўніцтве, выхаванні моладзі: Н. Ш. Сіманоўскі, А. А. Дабравольскі, В. С. Свірко, І. М. Ліхачоў, В. С. Барэйка, Г. С. Пятроў, С. П. Партноў, М. І. Чысцякоў, В. А. Пянькоўскі, І. П. Дэйніс, З. М. Тусналобава-Марчанка, А. П. Глебаў, П. Г. Якаўлевіч, Н. А. Кляпацкая, С. А. Пашкевіч, І. П. Казлоў.

Апошні раз у перыяд існавання СССР званне было прысвоена ў 1987 г. У час святкавання 1125-годдзя Полацка яго атрымалі кіраўнікі і работнікі сферы адукацыі, медыцыны, культуры, прамысловасці: П. К. Пацэй, Г. М. Лебедзева, А. А. Савіцкі, Л. І. Грыгор’ева, В. П. Кундалевіч.

Пасля атрымання Рэспублікай Беларусь суверэннага звання «Ганаровы грамадзянін горада Полацка» было прысвоена толькі аднаму палачаніну — выкладчыку Полацкага педагагічнага вучылішча, самадзейнаму кампазітару М. М. Пятрэнку (1995 г.).

У 2003 г. па ініцыятыве гарвыканкама Полацкі гарадскі савет дэпутатаў прыняў паўторнае рашэнне аб прысваенні звання (распаўсюджвалася і на тых палачан, якія атрымалі яго раней) з мэтай прызнання выдатных заслуг грамадзян перад горадам Полацкам, пашырэння дзейнасці, накіраванай на рост сацыяльна-эканамічнага развіцця, забеспячэння дабрабыту, павышэння аўтарытэту горада. З 2003 па 2016 г. званне атрымалі палачане, якія ўнеслі ўклад у развіццё адукацыі, культуры, мастацтва і духоўнасці, чыя дзейнасць садзейнічала павышэнню аўтарытэту горада на рэспубліканскім і міжнародным узроўні: Н. І. Шчасная, К. М. Пагарэлая, Н. Я. Гальпяровіч,

Э. М. Бабенка, Патрыяршы Экзарх усяе Беларусі Філарэт, архіепіскап Полацкі і Глыбоцкі Феадосій, ігумення Еўдакія. За знакавы ўклад у справу сацыяльна-эканамічнага развіцця горада званне атрымалі старшыня гарвыканкама У. С. Тачыла, дырэктар завода «Шкловалакно» Я. А. Барысаў і кіраўнікі будаўнічых арганізацый П. І. Цімашэнка і П. М. Кляймёнаў.

Крыніцы для стварэння выстаўкі: музейныя прадметы з фондаў НПГКМЗ і асабістых калекцый Ганаровых грамадзян, матэрыялы СМІ, інтэрв'ю з удзельнікамі падзей. Музейны фонд НПГКМЗ налічвае болей за 1 000 прадметаў (асноўны і навукова-дапаможны фонд), звязаных з жыццём і дзейнасцю Ганаровых грамадзян горада Полацка. Большасць прадметаў адносіцца да калекцый фатаграфій, дакументаў, друкаваных выданняў, рукапісаў, жывапісу і прадметаў побыту. У музеях запаведніка прадстаўлены ў асноўным толькі асабістыя рэчы З. М. Тусналобай-Марчанка, якія экспануюцца ў мемарыяльным музеі-кватэры.

Экспазіцыя будзе размяшчацца ў зале плошчай 38 кв. м і складацца з некалькіх раздзелаў.

Першы раздзел — «Званне «Ганаровы грамадзянін горада Полацка» — прысвячаецца паказу гісторыі з'яўлення звання «Ганаровы грамадзянін горада Полацка» ў 1967 г. і працягу традыцыі ўшанавання асобных палачан за іх выдатныя заслугі перад горадам з 2003 г.

У гэтым раздзеле будуць прадстаўлены дакументы па зацвярджэнні Палажэння аб прысваенні звання, памятных стужкі, нагрудны знак, пасведчанні і фотаздымкі Ганаровых грамадзян розных часоў.

Другі раздзел — «З фронту ваеннага на фронт працоўны» — прысвячаецца аповеду пра людзей, якія ў напружаны для горада і рэгіёна пасляваенны час, маючы багаты жыццёвы і баявы вопыт, сталі на чале горада, арганізаваным і ўстаноў і змаглі, нягледзячы на ўсе цяжкасці, сканцэнтравана сілы для наладжвання здавальняючых умоў жыцця і працы.

У гэтым раздзеле будуць прадстаўлены асабістыя рэчы ўдзельнікаў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай вайны І. М. Чысцякова, В. А. Пянькоўскага, Г. С. Пятрова, С. П. Партнова, І. М. Ліхачова, В. С. Барэйкі, А. А. Дабравольскага, В. С. Свірко, Н. Ш. Сіманоўскага, І. П. Дэйніса, І. П. Казлова, С. А. Пашкевіча.

Трэці раздзел — «На шляху вялікіх здзяйсненняў» — прысвячаецца палачанам, якія атрымалі ганаровае званне ў мірны час, калі Полацк ператварыўся ў буйны прамысловы цэнтр. Гэта прадстаўнікі самых розных сфер — чыгуначнікі, ткачы, медыкі, настаўнікі, пісьменнікі.

У гэтым раздзеле будуць прадстаўлены асабістыя рэчы П. Г. Якаўлевіча, Н. А. Кляпацкай, А. В. Глебава, Л. І. Грыгор'евай, В. П. Кундалевіч, Г. М. Лебедзевай, П. К. Пацэя, М. М. Пятрэнка, А. А. Савіцкага.

Чацвёрты раздзел — «Адраджэнне памяці — абуджэнне душы» — прысвячаецца аповеду пра Ганаровых палачан, якія атрымалі званне ў перыяд незалежнай Беларусі, стаўшы прыкладам новага стаўлення да ролі чалавека ў жыцці горада. Ганаровыя грамадзяне ХХІ ст. працавалі на ніве захавання гісторыка-культурнай спадчыны Полацка, адраджэння духоўнасці палачан.

У гэтым раздзеле будуць прадстаўлены асабістыя рэчы У. С. Тачылы, В. А. Кляймёнава, П. І. Цімашэнкі, Я. А. Барысава, Патрыяршага Экзарха ўсяе Беларусі Філарэта, Архіепіскапа Полацкага і Глыбоцкага Феадосія, настояцельніцы Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра ігуменні Еўдакіі, Н. І. Шчаснай, К. М. Пагарэлай, Н. С. Салодкай, Н. Я. Гальпяровіча, Э. М. Бабенкі.

Кожны раздзел будзе ўключаць як вядучыя экспанаты, так і другарадныя, у большасці сваёй звязаныя з жыццём і дзейнасцю названых вышэй асоб. Архітэктурна-мастацкае вырашэнне будзе прадугледжваць дапаўненне экспазіцыі сродкамі дэманстрацыі аўдыя- і відэазапісаў, магчымасць правядзення групавых і індывідуальных экскурсій, музейна-педагагічных заняткаў, рознага кшталту мерапрыемстваў у выставачнай зале.

Стварэнне новай выстаўкі, прысвечанай Ганаровым грамадзянам горада Полацка, дасць магчымасць праз іх асабістыя матэрыялы расказаць аб сацыяльна-эканамічным і культурным развіцці Полацка ў другой палове ХХ — пачатку ХХІ стст. Экспазіцыя, насычаная гісторыка-дакументальным матэрыялам і аўтэнтчнымі прадметамі, паспрыяе росту цікавасці да наведвання музея як у мясцовага насельніцтва, так і турыстаў, стане дадатковым інструментам патрыятычнага выхавання падрастаючага пакалення.

УДК 069.1(476)

С. В. Гаўрылава

ДА ПЫТАННЯ АБ СУАДНОСІНАХ ПАНЯЦЦЯЎ «РЭГІЯНАЛЬНЫ МУЗЕЙ» І «КРАЯЗНАЎЧЫ МУЗЕЙ»

Як адзначаюць даследчыкі, у сучасным свеце на фоне працэсу глабалізацыі ўсё больш ўзрастае роля рэгіёнаў, узмацняецца іх самастойнае грамадскае і культурнае развіццё, важнае значэнне для якога мае дзейнасць рэгіянальных музеяў. Яны набылі статус культурных, навуковых, у шырокім сэнсе духоўных цэнтраў, што з'яўляецца «естественной реакцией на потребности общества в сохранении, эффективном использовании и вос-

производстве историко-культурного наследия, без которого невозможен процесс просвещения, образования и воспитания, активизации духовной жизни региона» [3, с. 354]. Асобую місію рэгіянальных музеяў падкрэсліваюць у сваіх працах як замежныя, так і айчынныя даследчыкі.

На сённяшні дзень у спецыялістаў не склалася адзінага падыходу ў вызначэнні паняцця «рэгіянальны музей». У першую чаргу гэта звязана з нявызначанасцю самога паняцця «рэгіён», якое, не залежна ад таго, у праблемным полі якой навукі яно разглядаецца, трактуецца як некаторая тэрыторыя, што характарызуецца адпаведным наборам рыс ці характарыстык, актуальных для канкрэтнай навукі. Так, у залежнасці ад кантэксту ў якасці рэгіёну могуць выступаць адміністрацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі — раён, вобласць, край і інш., гістарычныя вобласці і больш буйныя тэрыторыі і акваторыі. Напрыклад, у суседняй Расіі паняцце «рэгіён» тоесна паняццю «суб'ект Расійскай Федэрацыі», г.зн. рэгіёнамі з'яўляюцца і Рэспубліка Адыгея, і Краснадарскі край, і Ленінградская вобласць. У Рэспубліцы Беларусь рэгіёны таксама адпавядаюць адміністрацыйна-тэрытарыяльным адзінкам — абласцям.

У статуце Міжнароднага камітэта рэгіянальных музеяў (адзін з дэпартаментаў ICOM) запісана, што рэгіянальныя музеі вызначаюцца ў шырокім сэнсе як музеі, якія збіраюць, вывучаюць і прадстаўляюць аб'екты і іншыя адпаведны змест рэгіёну, у большасці выпадкаў меншага за тэрыторыю краіны (раёна, мясцовасці, горада ці вёскі). Як правіла, яны працуюць у полі прыроднай, сацыяльнай, этнічнай і культурнай гісторыі дадзенага рэгіёну ў агульных ці спецыяльных калекцыях і выстаўках [12].

Гэтае азначэнне вельмі блізка да паняцця «краязнаўчы музей», такім чынам, напрыклад, сфармуляваным аўтарамі «Расійскай музейнай энцыклапедыі»: краязнаўчыя музеі, якія носяць комплексны характар, прызваны дакументаваць асаблівасці прыроднага развіцця, гісторыі, гаспадарчага жыцця, культуры і быту вызначанай тэрыторыі ці населенага пункта (рэспублікі, краю, вобласці, раёна, горада, сяла) [6, с. 158]. Часта абодва гэтыя паняцці ўжываюцца як сінонімы [5, с. 103], паколькі, напрыклад, у Расіі больш за 60%, а ў Беларусі больш за 50% профільнага складу музейнай сеткі ўтвараюць краязнаўчыя музеі, і ім належыць перавага «в определении профильной принадлежности регионального музея» [6, с. 158].

Камітэт рэгіянальных музеяў адзначае, што рэгіянальныя музеі — самая шматлікая група музеяў, якія працуюць на ўсіх кантынентах ад Арктыкі да тропікаў, маюць розны ўзровень фінансавых рэсурсаў, расказваюць пра ўласную рэгіянальную гісторыю і акаляючае асяроддзе і адыгрываюць усё

больш значную ролю ў свеце, сцвярджаючы багацце нашай разнастайнасці і каштоўнасць чалавечага жыцця. Рэгіянальныя музеі супрацьпастаўляюцца музеямі нацыянальнымі.

Адпаведна і ў расійскай, і ў беларускай музейналогіі рэгіянальнымі з'яўляюцца ўсе музеі, акрамя рэспубліканскіх, сканцэнтраваных, як правіла, у сталіцы краіны, не залежна ад профілю музея (літаратурныя, гістарычныя, краязнаўчыя і г. д.). У аснове гэтага раздзялення ляжыць апазіцыя «сталіца-правінцыя», а слова «рэгіянальны» набывае сэнс «правінцыйны» ў значэнні «які знаходзіцца не ў сталіцы». Так, да прыкладу, у артыкуле доктара гістарычных навук М. А. Бяспалай да катэгорыі «рэгіянальны» аднесены абласныя, гарадскія і раённыя музеі розных профільных груп (краязнаўчыя, гістарычныя, мастацкія, літаратурныя і іншыя) [2, с. 449]. Па тым жа прынцыпе, напэўна, у 2012 г. на Першым нацыянальным форуме «Музеі Беларусі» Полацкі музей-запаведнік атрымаў прэмію ў намінацыі «Лепшы рэгіянальны музей», нягледзячы на тое, што мае статус нацыянальнага. У адносінах да краязнаўчага музея паняцце «рэгіянальны» ў сэнсе «правінцыйны» з'яўляецца сінонімам, т. ч. ні адзін краязнаўчы музей не знаходзіцца ў сталіцы і па сваёй прыродзе супрацьпастаўлены рэспубліканскім гістарычным/мастацкім/этнаграфічным музеямі ў адносінах да тэрыторыі, якая з'яўляецца аб'ектам інтарэсаў музея.

У большасці выпадкаў тэрытарыяльны ахоп адлюстраваны ў самой назве музея: у Беларусі краязнаўчы музей можа быць абласным, раённым і населенага пункту. Калі прыняць да ўвагі, што рэгіён і вобласць — гэта сінонімы, то вынікае, што рэгіянальнымі з'яўляюцца толькі абласныя музеі. Ні гарадскія, ні раённыя краязнаўчыя музеі не дадуць наведвальнікам цэласнага ўяўлення пра гісторыю, культуру, прыроду рэгіёну, а толькі яго часткі. Выраз «рэгіянальны музей» у шырокім сэнсе не дасць наведвальніку ніякай інфармацыі, у сваю чаргу выразы «абласны краязнаўчы музей», «раённы краязнаўчы музей» ці «гарадскі краязнаўчы музей» падказваюць яму, пра гісторыю якой тэрыторыі вядзецца гаворка ў музеі.

Адной з катэгорый сучаснай класіфікацыі музеяў з'яўляецца катэгорыя культурнай значнасці, адносна якой выдзяляюць музеі рэспубліканскага, рэгіянальнага і мясцовага значэння, а таксама музеі — асабліва каштоўныя аб'екты культурнай спадчыны і музеі, уключаныя ў Спіс аб'ектаў Сусветнай спадчыны ЮНЭСКО. Аднясенне музея да той ці іншай падкатэгорыі (за выключэннем дзвюх апошніх) часцей за ўсё адбываецца з улікам яго падпарадкавання: сельскага, гарадскога, раённага — музей мясцовага значэння, абласнога і рэспубліканскага падпарадкавання — рэгіянальнага і рэспубліканскага адпаведна.

Адсутнасць адзінства ў вызначэнні паняцця рэгіянальнага музея выклікае разыходжанні ў яго разуменні і ўжыванні. Часта словы «рэгіянальны» і «мясцовы» ўжываюцца побач у адным кантэксце. Прыкладзём для прыкладу некалькі цытат: «Тут вельмі важна выкарыстаць патэнцыял мясцовых рэгіянальных музеяў, асяродкаў культурнага і мастацкага жыцця рэгіёну» [9, с. 8]; «Менавіта рэгіянальныя музеі з'яўляюцца часткаю мясцовага сацыяльна-культурнага асяроддзя, дзе ажыццяўляецца актыўны дыялог з насельніцтвам...» [8, с. 31]; «Не першае дзесяцігоддзе адным з самых дзейсных спосабаў знаёмства з рэгіянальнай культурай, мясцовымі гістарычнымі, этнаграфічнымі асаблівасцямі і традыцыямі застаецца наведванне краязнаўчага музея» [4, с. 40]; «Безумоўна, у гэтым шматвектарным працэсе адно з галоўных месцаў займае рэгіянальны музей, як самы выразны маркер культурнай самабытнасці дадзенай мясцовасці, яе захавальнік і транслятар» [2, с. 449]. Зразумела, што паняцце «мясцовы» (ці «лакальны») значна вузей, чым паняцце «рэгіянальны».

Для прыкладу, у Еўропе таксама існуюць музеі мясцовай культуры і гісторыі, т. зв. «local museums», якія ў залежнасці ад аб'екту інтарэсу могуць быць «city museums» (музеі гарадоў) і «town museums» (музеі сёлаў). У Германіі такія музеі маюць назвы «Heimatmuseum» (музей малой радзімы) ці «Stadtmuseum» (музей горада). У Іспаніі адпаведна гэта «museos locales» (мясцовыя музеі), якім супрацьпастаўлены музеі нацыянальныя [1]. Гэта музеі розных профільных груп, т. я. адпаведнікаў нашым краязнаўчым музеем у Еўропе няма, аднак па сутнасці сваёй дзейнасці яны вельмі блізкія.

Разглядаючы суадносіны паняццяў «рэгіянальны» і «лакальны» музей, аспірант Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў К. Ф. Каткова прыйшла да высновы, што адпаведнікам паняцця «краязнаўчы» з'яўляецца «лакальны» музей, а «рэгіянальны» — гэта статус, і «локальны музей можа ўзяць на сябя функцыю рэгіянальнага музея, т. е. стать культурным, духовным и даже экономическим центром местности. Но, определяя может ли музей носить статус регионального, мы должны с позиций междисциплинарного подхода анализировать ту местность, на которой располагается музей, можно ли ее считать регионом как территориальной единицей государства» [6, с. 159].

Некаторыя даследчыкі ў адносінах да не-нацыянальных музеяў увогуле і краязнаўчых музеяў у прыватнасці выкарыстоўваюць словы «правінцыйны» [10], «малы» [11] ці «мясцовы» [7, с. 11].

Менавіта т. зв. мясцовыя музеі былі прататыпам сучаснага краязнаўчага музея. Яны арганізаваліся з 2-й паловы XIX ст. пры статыстычных камітэтах, архіўных і царкоўна-археалагічных камісіях, вучэбных устано-

вах і «былі прызваны выявляць, захоўваць і перадаваць індывідуальнае ўнікальнае своеабразіе апрадэленай месчнасці, што было прадиктавана іх сацыюкультурнымі функцыямі, якія заключаліся ў захоўванні отобраных з апрадукаваўшага сусвету прадметаў, ў іх осмысленні і стварэнні на іх аснове апрадукаваўшага месца, ў трансляцыі апрадукаваўшага месца праз экспазіцыю для апрадэлення прасветіцельскіх, апрадукаваўшых мэтаў» [5, с. 102]. У XX ст. у паслярэвалюцыйны час у сувязі з увядзеннем новай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі «край» мясцовыя музеі атрымалі назву краязнаўчых. Пасля распаду СССР апрадэленнявалася развіццё рэгіёнаў, што выклікала неабходнасць пошуку «новай дэфініцыі для музеяў на месцах, якая атражала бы ў поўнай меры працэс рэгіяналізацыі. У сувязі з гэтым зноў праходзіць змяненне ў паняццёвым апрадэленням музеяўвядзення — краеведчыя музеі атрымліваюць названне „рэгіянальныя“» [5, с. 104]. У адрозненне ад Расіі, у Беларусі згаданы працэс не адбываўся. Тэрыторыя нашай рэспублікі кампактная, такіх яркага адрознення паміж рэгіёнамі, як у шматнацыянальнай Расійскай Федэрацыі, няма, таму ўзнікае пытанне, наколькі апрадэлена ўвогуле выкарыстанне паняцця «рэгіянальны» ў адносінах да беларускіх музеяў? Аднак пытанне застаецца адкрытым, пакуль не будзе апрадэлена адзінага падыходу ў вызначэнні гэтага паняцця.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Алькаде Гурт, Габрыэль. Історическое развитие местных музеев Каталонии (1975—2010 гг.) / Габрыэль Алькаде Гурт, Жузеп Мануэль Руэда Торрес // Вопросы музеологии.— 2010.— № 2.— С. 107—112.
2. Бяспалая, М. А. Музей у сацыякультурнай прасторы рэгіёна / М. А. Бяспалая // Культура. Наука. Творчество: сборник научных статей / Белорусский государственный университет культуры и искусств [и др.].— Минск, 2012.— [Вып. 6].— С. 449—455.— (Культурно-эстетические потребности в процессе ценностной трансформации общества).
3. Васильева, Т. Е. Региональный музей как центр духовной жизни / Т. Е. Васильева // Регионология.— 2009.— № 2.— С. 351—357.
4. Ганчар, С. М. Роля і значэнне краязнаўчага музея ў культурным жыцці рэгіёна / С. М. Ганчар // Музейная адукацыя і музейная справа ў Рэспубліцы Беларусь: стан, тэндэнцыі, перспектывы: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі 24 лістапада 2011 г. / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.— Мінск, 2012.— С. 39—42.
5. Каткова, К. Ф. Дэфініцыя паняцця рэгіянальнага музея як атражэнне історыі яго фарміравання / К. Ф. Каткова // Історыя, філасофія, палітычныя і юрыдычныя навуки, культуралогія і мастацтвавядзенне.

- Вопросы теории и практики.— Тамбов: ООО Издательство «Грамота», 2014.— № 7 (45): в 2-х ч.— Ч. II.— С. 102—104.
6. Каткова, К. Ф. Региональный и локальный музей: соотношение понятий / К. Ф. Каткова // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры: сборник статей аспирантов, магистрантов, студентов.— СПб., 2013.— № 1 (2).— С. 157—160.
 7. Каулен, М. Е. Историческая экспозиция и историческое сознание: к постановке проблемы / М. Е. Каулен // Роль музеев в формировании исторического сознания: Международная научно-практическая конференция (Рязань, 25—28 апреля 2011 г.: материалы и доклады / отв. ред. И. В. Чувилова.— М.: ООО «НБ-Медиа», 2011.— С. 11—15.
 8. Трусаў, А. А. Рэгіянальны музей як сацыяльна-культурны інстытут (на прыкладзе Мсціслаўскага гісторыка-археалагічнага музея) / А. А. Трусаў // Музеі і патрыятычнае выхаванне : матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 28 лістапада 2012 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.— Мінск, 2013.— С. 31—36.
 9. Трусаў, А. Рэгіянальныя музеі і турызм. Роля гістарычна-культурнай спадчыны ў фармаванні беларускай ментальнасці / А. Трусаў // Сучасны стан беларускага краязнаўства і валанцёрскі рух: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 16 красавіка 2011 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.— Мінск, 2013.— С. 7—13.
 10. Филатова, А. Л. Развитие провинциальных музеев России в постперестроечный период / А. Л. Филатова // Регионоведение.— 2008.— № 1.— С. 253—259.
 11. Яковенко, А. В. Взаимодействие малых музеев с местным сообществом в реалиях современных практик / А. В. Яковенко // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры: сборник статей аспирантов, магистрантов, студентов.— СПб., 2016.— № 1 (5).— С. 104—106.
 12. Statutes Of The International Committee For Regional Museums (ICR) [Electronic resource].— Mode of access: <http://network.icom.museum/icr/who-we-are/statutes/>.— Date of access: 15.01.2017.

УДК [069+904-35](476.5-21Полацк)

Я. П. Грыб

ПРАДМЕТЫ З КОСЦІ І РОГА З РАСКОПАК НА ТЭРЫТОРЫІ БЫЛОГА КАДЭЦКАГА КОРПУСА Ў 2001—2003 ГГ. У ФОНДАХ НІПГКМЗ

У 2016 г. падчас работы над каталогам касцяных і рагавых вырабаў была апрацавана і здадзена ў фонды музея-запаведніка калекцыя прадметаў з археалагічных раскопак у 2001—2003 гг. на Вялікім пасадзе пад кіраўніцтвам выкладчыка Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта Дзяніса Уладзіміравіча Дука. Даследаванні праводзіліся на тэрыторыі былога Кадэцкага корпуса, у паўднёва-ўсходняй частцы сучаснага ўніверсітэцкага комплексу, у паркавай зоне. За тры гады была даследавана тэрыторыя ў межах чатырох раскопаў агульнай плошчай 248 кв. м (мал. 1). Раскопкі далі багаты матэрыял для аднаўлення стратыграфіі гэтай часткі Вялікага пасада, а таксама для вывучэння матэрыяльнай культуры палачан у X—XIX стст. У артыкуле будуць разгледжаны 74 прадметы з косці і рога з адзначаных даследаванняў, якія непасрэдна звязаны з развіццём кастарэзнай справы ў Полацку ў X—XVIII стст.

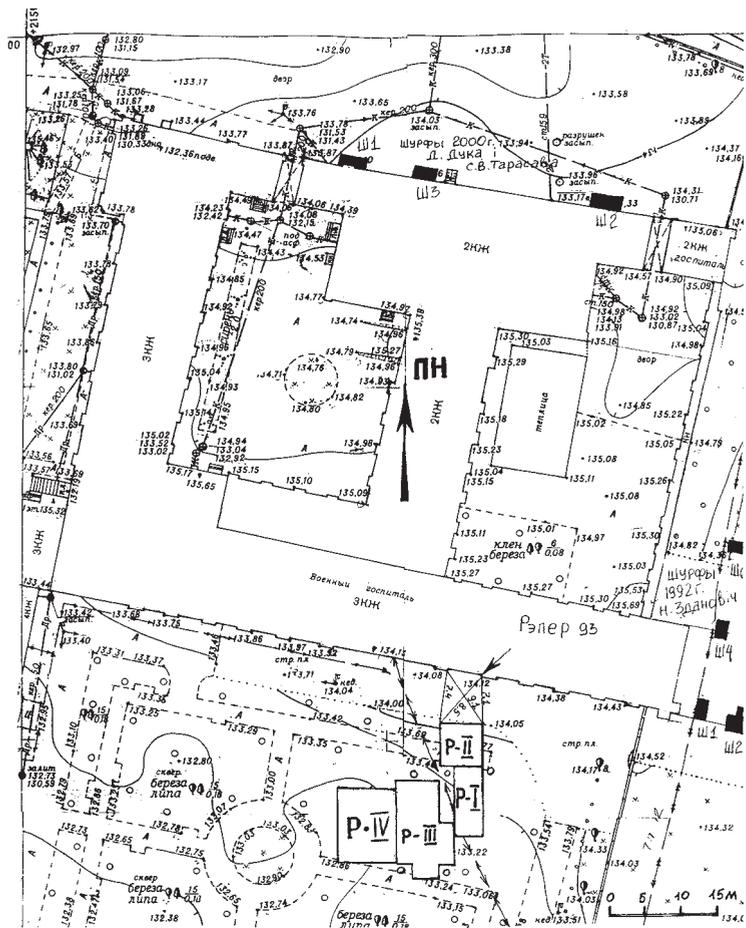
Усе прадметы можна падзяліць на 6 груп згодна з іх функцыянальным прызначэннем (см. *табліца*).

Табліца.

<i>Назва групы</i>	<i>Колькасць прадметаў</i>
Прадметы гаспадарчага прызначэння	5
Прадметы бытавога ўжытку	16
Накладкі	18
Прадметы гульняў і забаў	2
Музычныя інструменты	1
Сыравіна, нарыхтоўкі, паўфабрыкаты і адходы	29

Да прадметаў гаспадарчага прызначэння намі аднесены праколкі і накладкі на ручкі нажоў. Праколкі (мал. 2) былі знойдзены ў раскопе 2 (2002 г.) у межах жылой пабудовы палачаніна першай паловы XVI ст.¹ Яны нічым не

¹ Справаздача Дука Д. У. аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку ў 2002 г. (захоўваецца ў НІПГКМЗ).

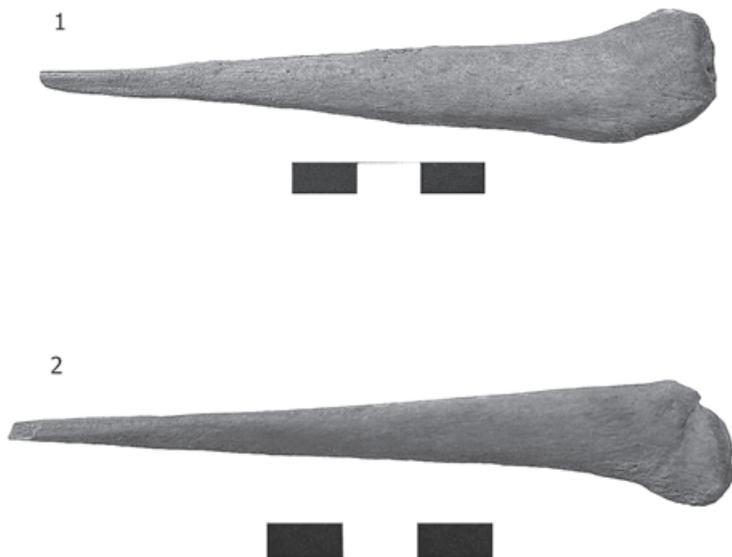

Мал. 1. План размяшчэння раскопаў 1–4 у двары былога Кадэцкага корпуса (са справаздачы Д. У. Дука аб палых археалагічных даследаваннях у Полачку ў 2003 г.)

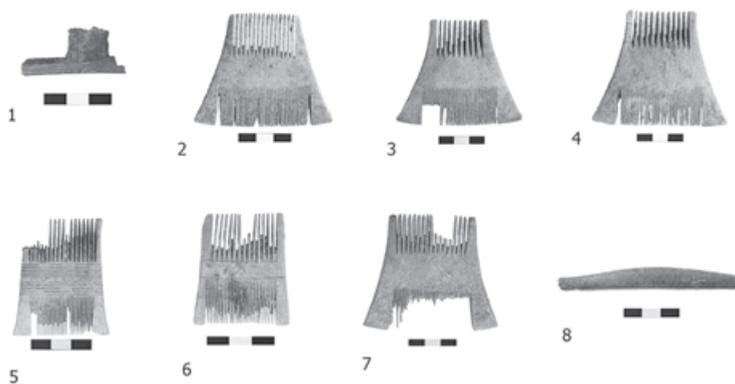
адрозніваюцца па знешнім выглядзе і форме ад падобных ім касцяных праколак жалезнага веку і сярэднявечча [2, с. 99]. Прадметы маюць даўжыню 9,5 і 10,5 см і абламаны на канцах. Адсутнасць слядоў глянцавання на захаванай паверхні гаворыць пра тое, што рабочай часткай былі як раз абламаныя канцы.

Групу «Прадметы бытавога ўжытку» складаюць прадметы туалету (грабяні, капавушка і зубная шчотка) і элементы адзення (гузікі).

Калекцыя рагавых грабянёў налічвае 7 экзэмпляраў (мал. 3: 1–7), 6 з якіх адносяцца да тыпаў «Л», «М» і «Н» па ноўгарадскай класіфікацыі [4, с. 165–166]. Згодна з В. У. Мядзведзевай, супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдатам гістарычных навук, на тэрыторыі Полаччыны гэтыя вырабы дату-

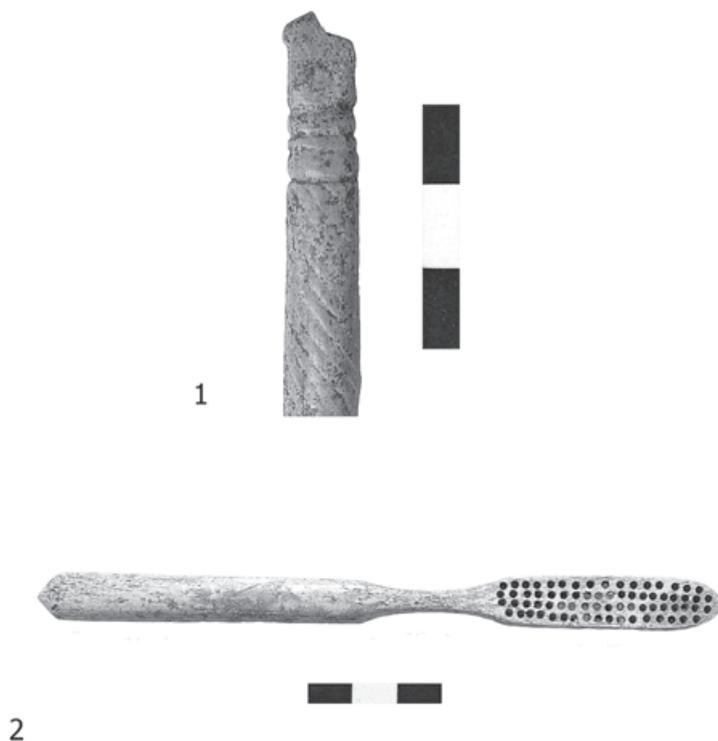
Мал. 2. Касцяныя праколкі з пабудовы першай паловы XVI ст.
(раскоп 2)

Мал. 3. Касцяныя і рагавыя грэбні, накладка на раскоску
(раскопы 1 і 4)

юцца канцом X—XIV стст. [9, с. 52]. Тры грабяні былі знойдзены ў раскопе 3, у яме № 47 (2002 г.), якая, на думку кіраўніка раскопак, з’яўлялася патаемным склепам. Пабудова, якая папярэдне прадатавана XIII—XIV стст., загінула ў пажары¹. У

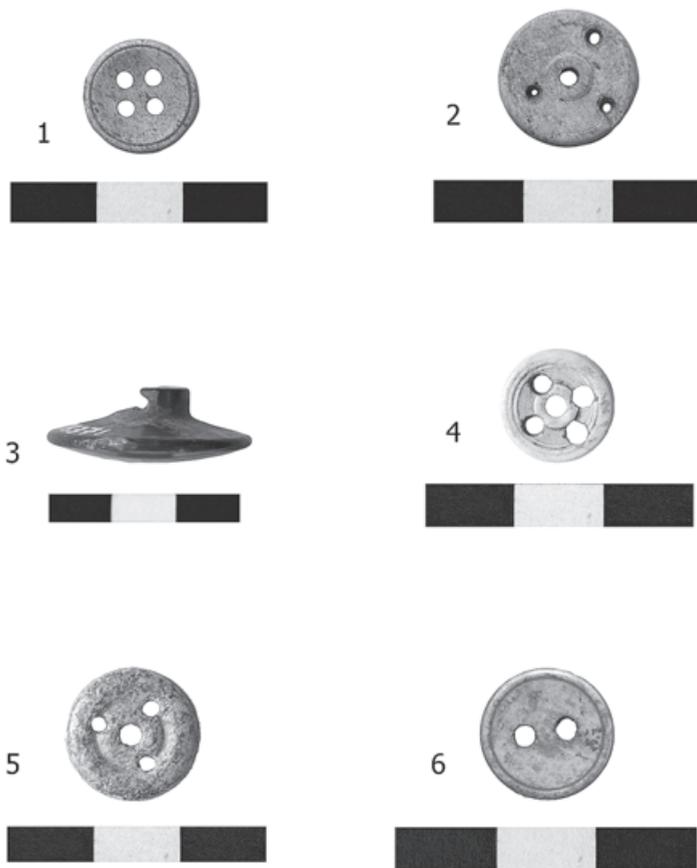
¹ Справаздача Дука Д. У. аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку ў 2002 г. (захоўваецца ў НІПГКМЗ).

Мал. 4. Капавушка і зубная шчотка з археалагічных даследаванняў на тэрыторыі былога Кадэцкага корпуса ў 2001–2002 гг.

раскопе 4 у стратыграфічных напластаваннях XV–XVI стст. была знойдзена вузкая сегментападобная накладка (мал. 3: 8) з лінейна-цыркульным арнаментам на аднабаковы наборны грэбень, якія бытавалі на тэрыторыі Полацкага княства ў IX — першай палове X ст. [9, с. 49].

Да прадметаў туалету адносіцца і капавушка (мал. 4: 1), знойдзеная на тэрыторыі былога Кадэцкага корпуса ў 2001 г. Прадмет уяўляе сабой верхнюю частку капавушкі, якая была выраблена з метаподыі буйной рагатай жывёлы [7, с. 145]. Па аналогіі з капавушкамі з Заслаўя, Мінска, Пінска і Верхняга замка ў Полацку, верхняя частка прадмета ўяўляе сабой стылізаваны грэбень пеўня са свідраванай адтулінай для нашэння на шнурку. Верх вырабу адзелены ад сярэдняй часткі трыма валікамі, сярэдняя частка арнаментавана кручаным стужкавым арнаментам. Ніжняя частка з лапатачкай страчана. У Ноўгарадзе падобныя капавушкі вядомы з 2-й пал. XI ст. і бытавалі да 70-х гг. XIII ст. [4, с. 166]. Разглядаемы намі выраб датуецца

Мал. 5. Гузікі з раскопак Д. У. Дука на тэрыторыі былога Кадэцкага корпуса ў 2001–2003 гг.

XII–XIII стст. Да ліку рэдкіх знаходак адносіцца зубная шчотка (мал. 4: 2). Дадзены выраб стратыграфічна датуецца XVI–XVIII стст¹. Сёння ў фондах НІГКМЗ захоўваецца 5 экзэмпляраў зубных шчотак, большасць з якіх была знойдзена на тэрыторыі былога Кадэцкага корпуса.

Гузікі (мал. 5) прадстаўлены 6-цю экзэмплярамі, 5 з іх уяўляюць сабой вырабы круглай формы з рэльефным ці крыху ўвагнутым верхам з 2-ма, 4-ма ці 5-цю свідраванымі адтулінамі. Згодна з стратыграфіяй, апісаныя гузікі датуюцца XVI–XVIII стст. Яшчэ адзін экзэмпляр адносіцца да элементаў верхняга адзення. Выраб з дыскападобным верхам і цыліндрычнай

¹ Справаздача Дука Д. У. аб палявых археалагічных даследаваннях у горадзе Полацку ў 2003 г. (захоўваецца ў НІГКМЗ).

Мал. 6. Свісцёлка (раскоп 1)

полай ножкай са свідраванымі адтулінамі, праз якія гузік мацаваўся да адзення. Прадмет датуецца XVI—XIX стст.¹

Фрагментарная захаванасць накладак не дазваляе дакладна вызначыць іх прызначэнне, таму яны былі выдзелены ў асобную групу. З 18-ці экзэмпляраў толькі 5 накладак арнаментаваны па ўсёй паверхні, большасць фрагментаў (11 экз.) не мае арнаменту ўвогуле.

Да прадметаў гульняў і забаў адносяцца шахматная фігура (ферзь) і ігральны кубік.

Музычныя інструменты прадстаўлены адным прадметам — свісцёлкай (мал. 6). Экзэмпляр, знойдзены ў раскопе 1 у 2001 г., захаванасць фрагментарна. Выраб крыху загнуты і пашыраны на абламаным канцы, супрацьлеглы канец мае абрысы шасцівугольніка. Захаваная частка мае даўжыню 6,5 см і дыяметр 1,7—1,8 см². Свісцёлка выраблена з дыяфізу плечавой косткі птушкі і па аналогіі датуецца XII—XIII стст. [8, с. 98].

Два прадметы (мал. 7) на сённяшні дзень не атрыбуваны, што звязана ў першую чаргу з іх захаванасцю (прадстаўлены фрагментарна).

У раскопе 3 быў знойдзены цікавы выраб, выкананы на такарным станку. Ён уяўляе сабой прадмет цыліндрычнай формы з трапецападобным верхам на круглым аснаванні. Па вызначэнні навуковага супрацоўніка Інстытута гісторыі НАН А. А. Разлуцкай, прадмет быў выраблены з адростка рога самца аленя 7—10-гадовага ўзросту³. Складаная форма, наяўнасць свідраваных адтулін, пацёртасці, драпіны і іншыя сляды гавораць пра

¹ Справаздача Дука Д. У. аб палявых даследаваннях у горадзе Полацку ў 2001 г. (захоўваецца ў НППГМЗ).

² Справаздача Дука Д. У. аб палявых даследаваннях у горадзе Полацку ў 2001 г. (захоўваецца ў НППГМЗ).

³ Справаздача Дука Д. У. аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку ў 2002 г. (захоўваецца ў НППГМЗ).

Мал. 7. Касцяныя вырабы нявызначанага функцыянальнага прызначэння

састаўны характар вырабу. У 2003 г. у напластаваннях XVII—XVIII стст. раскопа 4 быў знойдзены фрагмент вырабу ў выглядзе пласціны амаль паўкруглай формы. З абодвух бакоў прадмета ў сярэдняй частцы маюцца дзве паралельныя працэрчаныя лініі. Функцыянальнае назначэнне вырабу невядома.

У сувязі з праблемамі атрыбутацыі трэба адзначыць і фрагмент кольца (мал. 8: 2), які быў знойдзены ў раскопе 4 у стратыграфічным пласце 3, які датуецца XV—XVI стст.¹ Знешні дыяметр прадмета 2,2 см, таўшчыня 0,4 см, шырыня 0,9 см. На думку Д. У. Дука, выраб з’яўляецца пярсцёнкам [1, с. 89]. Наяўнасць вялікай колькасці барознаў і пацёртасцяў на знешнім і ўнутраным баках можа ўказваць на пастаяннае трэнне аб нейкую паверхню. Зыходзячы з гэтага, а таксама з памераў і знешняга выгляду прадмета, яго атрыбутацыя як упрыгожвання выклікае сумненні і патрабуе ўдакладненняў і прывядзення аналогій з падобнымі прадметамі з іншых тэрыторый.

¹ Справаздача Дука Д. У. аб палявых археалагічных даследаваннях у горадзе Полацку ў 2003 г. (захоўваецца ў НІПГКМЗ).

Мал. 8. Вырабы з кастарэзнай майстэрні XV—першай паловы XVI ст. (ферзь, ігральны кубік, пярсцёнак (?))

Храналагічна прадметы з раскопак 2001—2003 гг. на тэрыторыі Вялікага пасада пад кіраўніцтвам Д. У. Дука можна падзяліць на наступныя групы: IX—XI стст. — 1 выраб (накладка ад аднабаковага касцянога грэбня); XII—XIII стст. — 46 прадметаў (з іх 26 прадстаўлены нарыхтоўкамі і адходамі рамеснай дзейнасці, 12 — накладкі); XIV—XV стст. — 3 прадметы (2 накладкі і 1 пярсцёнак); XVI—XVIII стст. — 20 вырабаў. Чатыры прадметы маюць больш шырокія храналагічныя межы і не могуць быць аднесены ні да адной з вызначаных груп.

Адметнасцю апісаных вышэй прадметаў з’яўляецца прыналежнасць большай іх часткі да вытворчых комплексаў майстроў-кастарэзаў. У раскопках 2 і 4 былі выяўлены комплексы, звязаныя з развіццём кастарэзнага рамяства ў горадзе ў XII—XIII і XV—XVI стст.

Так, у раскопе 2 у стратыграфічным пласце 4 на глыбіні 1,4—1,6 м было знойдзена 7 касцяных вырабаў, 27 фрагментаў касцяных нарыхтовак і 40 экзэмпляраў адходаў. Кіраўнік раскопак інтэрпрэтаваў гэты комплекс як магчымае падвор’е кастарэзнай майстэрні першай паловы XIII ст. Дакладнае вызначэнне характару комплексу немагчыма з-за таго, што слой са знаходкамі выходзіць за межы раскопа 2. Таму можна гаварыць з упэўненасцю толькі пра наяўнасць слядоў кастарэзнай вытворчасці. У фонды музея-запаведніка былі перададзены 38 прадметаў з гэтага комплексу. Яны прадстаўлены накладкамі (12 экз.), нарыхтоўкамі (3 экз.) і адходамі (23 экз.) кастарэзнай справы. А. А. Разлуцкай быў вызначаны матэрыял вырабу для

32-х з іх: 17 прадметаў зроблены з рога ці косці лася, 12 — рога аленя, 3 — косці свінні¹.

Рэшткі грамадзянскай забудовы, якія былі даследаваны ў раскопе 4 у стратыграфічным пласце 3, прадстаўлялі сабой часткова захаваныя абпаленыя плахі таўшчынёй 3—5 см, спаранхнелыя драўляныя насцілы з дошак. Каля іх былі знойдзены гаршковая кафля, рэшткі глінянай абмазкі печы і пліткі падлогі². На думку Д. У. Дука, рэшткі маглі належаць адной ці некалькім пабудовам. У адной з іх працаваў і жыў рамеснік-кастарэз, пра што гаворыць рэчыўны комплекс, прадстаўлены жалезнымі інструментамі, цэлымі вырабамі і рэшткамі апрацаваных рагоў і костак. Найбольш верагодным часам існавання комплексу кастарэзнай майстэрні з’яўляецца першая палова — сярэдзіна XVI ст., аднак кіраўнік раскопак не выключае, што майстэрня магла дзейнічаць і ў XV ст. [1, с. 89].

У фондах музея-запаведніка захоўваецца 7 прадметаў з рога і косці, якія паходзяць са згаданай вышэй кастарэзнай майстэрні. У іх ліку рытэтнай знаходкай з’яўляецца ферзь (*мал. 8: 1*). Сёння ён знаходзіцца ў экспазіцыі Краязнаўчага музея Полацка. Выраб мае добрую захаванасць. Шахматная фігура была выяўлена ў стратыграфічным гарызонце XV—XVI стст., яна выраблена з рога аленя на такарным станку і адносіцца да шахмат новай абстракцыі. Выраб цыліндрычнай формы складаецца з высокай асновы (2,3 см і дыяметр 2,4 см), па сярэдзіне перахопленая паяском, двух чашападобных ярусаў (маюць па чатыры прарэхі) і конусападобнай верхавіны. Аснова і ярусы ўпрыгожаны лінейным арнаментом. Амаль ідэнтычная па форме, выглядзе і выкананні шахматная фігура знойдзена ў Кіеве на гары Кісялёўка і датуецца XIV—XV стст. Кіеўская знаходка інтэрпрэтавана як кароль. Полацкая фігура меншая па памерах, што дазволіла В. У. Мядзведзевай вызначыць яе як ферзя [5, с. 48]. Прыналежнасць шахматнай фігуры да прадукцыі кастарэзнай майстэрні XV — першай паловы XVI ст., на думку Д. У. Дука, не выклікае сумненняў [3, с. 124].

Верагодна, што з артэфактамі кастарэзнай майстэрні XV — першай паловы XVI ст. звязана і фішка для гульні [3, с. 124]. Выраб уяўляе сабой правільны кубік з рабрам 1,2 см і разметкай у выглядзе вочак на гранях ад 1 да 6 (*мал. 8: 3*). Кубікі маглі выкарыстоўвацца першапачаткова для вызначэння ходу ў шахматных гульнях, а таксама ў якасці самастойнага прадмета ў

¹ Справаздача Дука Д. У. аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку ў 2002 г. (захоўваецца ў НППКМЗ).

² Справаздача Дука Д. У. аб палявых археалагічных даследаваннях у горадзе Полацку ў 2003 г. (захоўваецца ў НППКМЗ).

азартных гульнях (напрыклад, зернь). Ёсць меркаванне, што фішкі для гульні выкарыстоўвалі і ў рытуальных абрадах [9, с. 88]. В. У. Мядзведзева дае полацкі кубік XVII ст., што робіць яго самым познім з васьмі падобных прадметаў, знойдзеных на тэрыторыі Беларусі [6, с. 137]. Д. У. Дук лічыць, што калі кубік быў знойдзены на ніжняй мяжы стратыграфічнага гарызонта 2, які перакрывае напластаванні, дзе выяўлена майстэрня, то абсалютызаваць азначаную вышэй даціроўку нельга [1, с. 89].

Такім чынам, калекцыя рагавых і касцяных прадметаў з раскопак 2001—2003 гг. на Вялікім пасадзе пад кіраўніцтвам Д. У. Дука у фондах НПКМЗ, якая складаецца з 74 артэфактаў, уяўляе інтарэс не толькі з пункту гледжання наяўнасці даволі рэдкіх вырабаў (шахматная фігура, фішка для гульні, капавушка, зубная шчотка, свісцёлка), але і прыналежнасці большай часткі калекцыі да комплексу магчымага падвор'я майстра-кастарэза першай паловы XIII стст. (46 экз.) і кастарэзнай майстэрні XV — першай паловы XVI ст. (7 прадм.). Гэтая акалічнасць дазваляе ў далейшым раскрываць развіццё матэрыяльнай культуры Полацка ў музейнай экспазіцыі не праз асобныя рэчы, а праз цэльныя комплексы, якія ўключаюць усе ступені вытворчасці: ад сыравіны (неапрацаваныя і са слядамі першаснай апрацоўкі косці хатняй і дзікай жывёлы, рог алена і ляся), паўфабрыкатаў і адходаў рамеснай дзейнасці да нарыхтовак і гатовай прадукцыі.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Дук, Д. У. Полацкая касцярэзная майстэрня XV — першай паловы XVI ст. / Д. У. Дук // *Acta archaeologica Albaruthenica*. Vol. II (Вып. 2) / уклад. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч.— Мінск: І. П. Логвінаў, 2007.— С. 86—101.
2. Дук, Д. У. Археалагічны комплекс «Пабудова першай паловы XVI ст.» (па выніках раскопак 2001—2002 гг. на Вялікім пасадзе г. Полацка) / Д. У. Дук // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV міжнар. навук. канф.*, Полацк, 24—25 2007.— Полацк: НПКМЗ, 2003.— С. 88—106.
3. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук.— Наваполацк: ПДУ, 2010.— 180 с., [22] арк. іл.
4. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ин-т археологии АН СССР; под общ.ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина.*— М., 1982.— С. 156—177.
5. Мядзведзева, В. У. Сярэдневяковыя шахматы Беларусі (гісторыка-археалагічнае даследаванне) / В. У. Мядзведзева.— Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2005.— 82 с.
6. Мядзведзева, В. У. Да пытання аб адной групе рагавых вырабаў / В. У. Мядзведзева // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі: науч. сб. / Нац. акад.*

- наук Беларусі, Ін-т історыі.— Мінск, 2006.— Вып. 11: Древности Беларусі в системе межкультурных связей.— С. 136—139.
7. Мядзведзева, В. У. Капавушкі X—XV стст. з тэрыторыі Беларусі / В. У. Мядзведзева // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі.— Мінск, 2007.— Вып. 23.— С. 144—151.
 8. Мядзведзева, В. У. Касцярэзнае рамяство Полацка X—XVIII стст. / В. У. Мядзведзева // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. прац Міжнар. навук. канф., прысвеч. 160-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова, Полацк, 21—23 крас. 2011 г.: у 2 ч. / пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача.— Наваполацк, 2011.— Ч. 1.— С. 83—94.
 9. Мядзведзева, В. У. Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX—XIII стст. / В. У. Мядзведзева.— Мінск: Беларус. навука, 2013.— 236 с.: іл.

УДК [069+77(09)](476.5-21Полоцк)

О. М. Довгун

АЛЬБОМ С ФОТОГРАФИЯМИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. ИЗ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ НПИКМЗ

Фотография является ценным источником информации. Однако какую информацию несёт старая фотография из семейного альбома? Как грамотно «прочитать» её? И всякая ли фотография способна что-то нам «рассказать»?

В 2004 г. в фонды Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника поступил фотоальбом с фотографиями второй половины XIX — начала XX в. Альбом принадлежал Елене Михайловне Кротковой (1919(?) — 1992), сотруднице Новополоцкого горкома КПБ, участнице Великой Отечественной войны. После смерти владелицы, в отсутствие наследников, её знакомая, Татьяна Анатольевна Савельева, директор централизованной библиотечной системы г. Полоцка, передала альбом с фотографиями в фонды заповедника.

Альбом в переплётё из натуральной коричневой кожи, с тиснёным рисунком в стиле модерн. На переплётё вверху слева — маленькая накладная металлическая корона. Другие накладные детали (или деталь?) изображения утрачены. На нижней крышке переплётё тиснёный растительный орнамент коврового типа и небольшие металлические ножки по углам.

Сохранились фрагменты металлической застёжки. На форзаце альбома находится чернильный отпечаток штампа с датой: «9 дек. 1901». В альбоме 15 листов с ячейками для фотографий трёх форматов: «визит-портрет», «кабинет-портрет» и «будуарный». Срез листов золочёный.

В альбоме 46 фотографий второй половины XIX — начала XX в. Наиболее ранний снимок датируется 1863 г. 39 фотографий на фирменных бланках паспарту или имеют штамп фотоателье. На некоторых фотографиях сохранились автографы и дарственные надписи изображённых лиц, что помогло в уточнении датировок снимков.

Большая часть фотографий выполнена известными фотографами Нижнего Новгорода. Во второй половине XIX в. в Нижнем Новгороде искусство фотографирования — или как тогда называли «светописи» — развивалось достаточно интенсивно. Этому способствовало расположение в городе крупнейшего в России центра оптовой и розничной торговли — Нижегородской ярмарки, на которую ежегодно съезжалось до 200 тысяч человек, тогда как в самом Нижнем Новгороде проживало менее 20 тысяч. Фотографы работали в условиях острой конкурентной борьбы, старались привлечь внимание публики высоким качеством, профессионализмом и художественным уровнем своих работ.

Авторами 29 фотографий из альбома являются нижегородские мастера: Б. Барро, М. П. Дмитриев, И. И. Иванов, А. О. Карелин, М. Т. Кудрин, Д. С. Лейбовский, А. В. Тэпфер, В. Г. Фёдоров.

Андрей Осипович Карелин (1837—1906) внёс значительный вклад в развитие российского и мирового фотоискусства и явился основоположником жанра художественной фотографии. В условиях примитивной техники А. О. Карелин первый делал сложные снимки без искажения пропорций, получая резкость во всех планах изображаемого пространства. Талант художника и фотографа сочетался в нём с талантом изобретателя и конструктора оптических систем. Он первым стал использовать насадочные линзы, изобрёл объектив, позволявший делать чёткие многоплановые фотографии. Мастер печатал с двух стеклянных негативов — одного слабого и другого более сильного, что придавало необычайную мягкость при печати. Нижегородский фотограф отказывался от традиционной среды съёмочного павильона, наполненной балюстрадами, драпировками и рисованными декорациями, избегал шаблонных поз. Знатоки освещения и композиции, А. О. Карелин стремился приблизить фотографию к живописи и достиг в этом значительных успехов.

В 1876 г. за заслуги в области фотоискусства А. О. Карелин был удостоен звания «Фотограф Императорской академии художеств» — едва ли не самого

Рис. 1. Фотопортрет неизвестной.
Фотограф А. О. Карелин. 1870—1890 гг.
Нижний Новгород. КП18-21724

привлекательного для русских мастеров, имевших профессиональное отношение к изобразительному искусству. Творчество фотографа было безоговорочно признано современниками не только в России, но в Европе и Америке, его произведениями восхищались на всероссийских и международных выставках.

Достижения фотографа отмечены медалями VI Всемирной выставки художественной фотографии в Вене (1873 г.), Специальной выставки французского фотографического общества в Париже (1876 г.), Всемирной международной выставки в Филадельфии (1876 г.), VIII Всемирной выставки в Париже (1876 г.), Специальной выставки Эдинбургского (Шотландия) фотографического общества (1877 г.), XV Всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве (1882 г.). За заслуги перед

Отечеством император Александр III пожаловал А. О. Карелину золотую медаль на Станиславской ленте (1879 г.).

В альбоме представлена одна фотография (КП18-21724), выполненная фотографом А. О. Карелиным в 1870—1890 гг. Пожилая дама на фото выглядит непринуждённо и естественно. Портрет выполнен в мягких нежных тонах и отличается психологической глубиной и выразительностью (рис. 1).

Одной из самых ярких личностей в истории фотографии является Максим Петрович Дмитриев (1858—1948) — ученик А. О. Карелина, Действительный член Русского Географического общества, основоположник публицистической, документальной и социальной фотографии в России. М. П. Дмитриев создал множество документальных серий, среди которых «Виды и люди Нижнего Новгорода», «Сормово», «Волжская коллекция», «Неурожайный 1891—1892 год в Нижегородской губернии», «Русь верующая», «Нижегородская выставка» и др. Эти фотографии сегодня являются яркой документальной летописью жизни Нижегородской губернии и России в целом.

Рис. 2. Фотопортрет неизвестной.
Фотограф М. П. Дмитриев. 1899 г.
Нижний Новгород. КП18-21695

Портретный жанр также нашёл отражение в творчестве М. П. Дмитриева. В разное время гостями и клиентами его фотостудии были Леонид Андреев, Иван Бунин, Фёдор Шляпин, Вера Комиссаржевская, Максим Горький.

Работы М. П. Дмитриева получали похвальные отзывы современников и удостоивались высших наград на российских и международных выставках. Среди его наград: золотая медаль на Всемирной выставке в Париже (1892 г.), «Гран-При» на Международной выставке в Сен-Жиле (1892 г.), почётный диплом Международной выставки в Брюсселе (1892 г.), золотая медаль Колумбийской выставки в Чикаго (1893 г.), почётный диплом Всемирной фотографической выставки в Антверпене (1895 г.), золотая медаль на Всемирной выставке в Париже (1900 г.), почётный диплом на Всемирной фотографической выставке в Нью-Йорке (1914 г.).

В альбоме 11 портретных фотографий, выполненных М. П. Дмитриевым с 1899 по 1907 г. Художественный уровень портретов неизменно высок. Фотоработы М. П. Дмитриева отличаются обдуманностью поз, удачным освещением, мягкими линиями фигур.

На фотографии М. П. Дмитриева 1899 г. (КП18-21695) юная девушка в светлом платье с рюшами опирается на спинку кресла. Кружевная салфетка, наброшенная на кресло, смягчает плотную темноту обивки, добавляя композиции лёгкости. Естественна и мила улыбка девушки, проста и выразительна поза. Созданный фотографом образ нежен и трогателен (рис. 2).

Погрудный портрет мужчины 1907 г. (КП18-21685), выполненный фотографом М. П. Дмитриевым, отличается утончённой лаконичностью образа. Всё внимание фотограф сосредотачивает на благородном лице модели.

Кроме фотографий нижегородских фотографов, в альбоме представлены 10 снимков, которые были выполнены мастерами других городов: Санкт-Петербурга, Казани, Калуги, Макарьева и села Лысково Макарьевоуезда Нижегородской губернии.

Среди наиболее известных и модных фотографов Санкт-Петербурга конца XIX—начала XX в. — Александр Александрович Пазетти. Придворный фотограф Двора Его Императорского Величества, Потомственный Почётный гражданин Санкт-Петербурга — А. Пазетти содержал фотографическое заведение на Невском проспекте. Его работы были удостоены Золотой медали на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

В альбоме одна фотография 1900—1902 гг. фотографа А. Пазетти с изображением семейной пары (КП18-21698). Женщина в платье с эффектно орнаментированным лифом, мужчина в костюме с галстуком-бабочкой. На лацкане его пиджака — знак выпускника немедицинского факультета Императорского Университета.

Фотограф Соломон Симонович Фельзер — представитель семейной «фотографической династии» в Казани, которая проработала на ниве «светописи» более 40 лет. С 1901 г. С. С. Фельзер впервые в Казани и один из первых в России начал использовать при фотосъёмке электрическое освещение. Virtuозность светотеневого рисунка, простота композиции, целостность и законченность образа присущи фотографиям С. С. Фельзера. В альбоме 5 фотографий этого мастера, датированных 1902 г.

Информация обо всех фотографах и фотомастерских, представленных снимками в альбоме, систематизирована в таблице (см. *таблица*).

Таблица. Сведения о фотографах и фотомастерских

<i>№ n/n</i>	<i>Фотограф</i>	<i>Населённый пункт</i>	<i>Информация о фотографе (фотомастерской)</i>	<i>Номера фотографий по КП</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
1.	Барро Баптист	Нижний Новгород	Уроженец Франции, владелец фотомастерских в Москве (1863—1865), в Нижнем Новгороде (с 1865 г.).	КП18-21709

1	2	3	4	5
2	Дмитриев Максим Петрович (1858—1948 гг.)	Нижний Новгород	Учился у фотографов М. П. Настюкова (Москва), Д. С. Лейбовского (Нижний Новгород; 1877—1878) и А. О. Карелина (Нижний Новгород; 1879—1886). В 1886 г. открыл собственный павильон, который был национализирован в 1929 г.	КП18-21686 КП18-21695 КП18-21703 КП18-21710 КП18-21691 КП18-21693 КП18-21692 КП18-21701 КП18-21728 КП18-21725 КП18-21685
3	Дмитриев Николай Дмитриевич	с. Лысково Макарьевс- кого уезда Нижегород- ской губернии		КП18-21707
4	Иванов Иван Иванович (1873—1942)	Нижний Новгород	Учился у фотографа А. А. Карелина, сына А. О. Карелина. Фотомастерскую открыл в 1905 г.	КП18-21717 КП18-21721 КП18-21696 КП18-21702
5	Карелин Андрей Осипович (1837—1906)	Нижний Новгород	Выпускник Петербургской Академии художеств (1864). Открыл собственную фотомастерскую в 1869 г.	КП18-21724
6	Кудрин Михаил Тимофеевич	Нижний Новгород	Собственный фотопавильон открыл в 1900 г.	КП18-21684 КП18-21715
7	Лейбовский Давид Симхович	Нижний Новгород	Учился у фотографа А. О. Карелина.	КП18-21708 КП18-21716
8	Пазетти Александр Александрович	Санкт- Петербург	Владелец фотомастерской до 1902 г.	КП18-21698

1	2	3	4	5
9	Протасевич Франц Трифонович (Трофимович) (1868–19?)	Калуга		КП18-21719
10	«Т-во „Светопись“»	Нижний Новгород	Владельцами фотомастерской были А. И. Лебедев, затем Л. Р. Чинский. В 1911 г. мастерская переименована в «Художественную фотографию».	КП18-21694 КП18-21711 КП18-21720 КП18-21722
11	Тэпфер Александр Владимирович	Нижний Новгород	Работал в Нижнем Новгороде (до 1905 г.), в Муроме, Пензе, Тамбове.	КП18-21687
12	«Универсальная фотография»	Нижний Новгород	Фотомастерская была открыта в 1901 г. фотографом Хрипковым Михаилом Александровичем.	КП18-21723 КП18-21704
13	Фельзер Соломон Симонович (Семионович)	Казань	Работал с 1896 по 1920-е гг.	КП18-21683 КП18-21697 КП18-21699 КП18-21700 КП18-21705
14	Фёдоров Василий Герасимович (1857–1924)	Нижний Новгород	Выпускник Всероссийской Академии художеств (1889 г.). Работал в Тюмени, Москве, Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде.	КП18-21712
15	Фомин Фёдор Афанасьевич (1866–1944)	г. Макарьев Нижегородской губернии	Учился у фотографа А. О. Карелина. Собственную мастерскую в Нижнем Новгороде открыл в 1889 г. Позже переехал в г. Макарьев.	КП18-21727

Рис. 3. Анна Николаевна Тумботина.
Фотограф С. С. Фельзер. 1902 г. Казань.
КП18-21700

Изучение фотографий и надписей на них позволило определить истинную владелицу фотоальбома. Это потомственная дворянка Анна Николаевна Тумботина 1883—1885(?) г. р. Именно она изображена на фотоснимках 1902 г. казанского фотографа С. С. Фельзера (рис. 3).

Анна Тумботина окончила Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в 1901 г. Учреждение являлось закрытым первообразным учебным заведением, преимущественно для дочерей потомственных дворян и военных чинов не ниже штаб-офицерского, а также для дочерей купечества 1-й и 2-й гильдии. Девочки принимались в институт в возрасте 10—12 лет, обучение длилось 6 лет. Воспитанницам преподавались Закон Божий, история, география, русская словесность, арифметика, естествознание, физика, француз-

ский и немецкий языки, чистописание, рисование, музыка, танцы, изящные и хозяйственные рукоделия. Именной список выпускниц и табель их оценок отсылался императрице.

Анна Тумботина окончила институт с результатом 149 баллов. Оценка складывалась из суммы баллов за экзамены и последний год обучения. Наивысший балл выпуска — 216, самый низкий — 122.

По окончании института, по традиции, выпускницы обменивались фотографиями. В альбоме 9 фотоснимков с изображением молодых девушек. Удалось атрибутировать только одну изображённую на фотографии: это Антонина Савельева. На обратной стороне фото (КП18-21703) сохранилась надпись: «На добрую память дорогой Тумбачки от любящей её Нины Савельевой. Желаю тебе всего наилучшего. 1901. 17 мая». Автор снимка — М. П. Дмитриев.

Предположительно в 1902 г. произошло бракосочетание Анны Тумботиной с Владимиром Кротковым. Неподдельную нежность, душевную

Рис. 4. Анна Тумботина и Владимир Кротков. Фотограф С. С. Фельзер. 1902 г. Казань. КП18-21705

близость, связывавшую молодых людей, особенно полно передаёт фотография С. Фельзера (КП18-21705) с изображением этой пары (рис. 4). На данном фотоснимке, как и на других фотографиях (КП18-21683, КП18-21697, КП18-21728), датированных 1902 г., Владимир запечатлён в мундире чиновника министерства юстиции (образца до 1904 г.).

О том, какие испытания пришлось пройти молодым, говорят строки надписи на одной из фотографий (КП18-21697): «Моей дорогой милой Нюрке въ знакъ слабой благодарности (такъ какъ въ короткой надписи трудно выразить все глубокие чувства) за то неизведанное до встречи с тобой безумное счастье и ласку, которые ты мне дала, не задумавшись пожертвовав и своим лучшим дорогимъ украшениемъ и мнениемъ родни и общества. Твой счастливый Володька. 22 июля 1902. Трофимово».

Фотопортреты позволяют установить круг общения, рассказывают о отношениях с друзьями и знакомыми. На фотографии 1902 г. с изображением неизвестного мужчины (КП18-21727) имеется немного шутивное посвящение на французском языке, адресованное Анне Тумботиной: «un “poulet” gui a la caractere, d homme et les sentiment du femme» («птенчику» с характером мужчины и чувствами женщины»). Как много может сказать о человеке одна надпись на фотографии!

На четырёх студийных фотографиях (КП18-21694, КП18-21711, КП18-21720, КП18-21722) 1906 г. «Товарищества „Светопись“» Анна Тумботина выглядит значительно старше своего возраста (на фотографиях ей около 22 лет). Виною тому — бутафорская театральность фотоснимков.

Фотографии (КП18-21696, КП18-21702) 1909 г. с изображением Анны нижегородского фотографа И. И. Иванова доносят до нас неповторимую ауру, колорит давно ушедшей эпохи. Талантливый фотограф, используя

*Рис. 5. Николай Николаевич Тумботин.
Фотограф Н. Д. Дмитриев. 1911 г.
Лысково. КП18-21707*

разнообразные выразительные средства, создаёт красивые лирические портреты.

На фотоснимке 1911 г. фотографа из с. Лысково Макарьевского уезда Нижегородской губернии Н. Д. Дмитриева (КП18-21707) запечатлён старший брат Анны — Николай Николаевич Тумботин (рис. 5). В 1903 г. Н. Тумботин (1886 г. р.) окончил Кулибинское ремесленное училище, которое готовило мастеров по слесарному и столярному делу и являлось школой кадров для возникающих промышленных предприятий.

На двух фотоснимках (КП18-21684, КП18-21704), которые датированы апрелем 1901 г. и январем 1902 г., изображена одна и та же девочка с серьёзным выражением лица. Есть основания предполагать, что это младшая сестра Анны — Зинаида Тумботина. Известно, что Зинаида окончила Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в 1911 г. В 1901—1902 гг. девочке было около 9 лет, чему соответствует возраст изображаемой.

На обратной стороне фотографии 1901 г. сохранилась надпись: «На память Нюре. Поэтому ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ». Цитируя сестре, выпускнице института, поэта Н. А. Некрасова, маленькая девочка очень хочет казаться взрослее.

На самой ранней, датированной 1863 г., фотографии (КП18-21706) запечатлён Владимир Тумботин. Кем доводился Анне изображённый родственник — неизвестно.

Как свидетельствует надпись на обратной стороне фотоснимка (КП18-21709) 1865—1880 гг. нижегородского фотографа Б. Барро, на карточке изображён «Н. Тумботин». Вполне возможно, что это отец Анны, запечатлённый в молодом возрасте.

Среди фотографических портретов членов семьи можно увидеть два фотоснимка с изображением двоюродного брата Анны Тумботиной — Александра Щепетова, вольноопределяющегося 9-го пехотного Староингерманландского полка. Автор снимка 1897 г. (КП18-21719) — калужский фотограф Ф. Протасевич. Фотография 1898 г. (КП18-21726) сведений об авторе не содержит.

Как сложилась судьба владелицы альбома? Пережила ли Анна Николаевна, имея дворянское происхождение, Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, годы сталинских репрессий? Сохранились лишь две маленькие фотографии 1931 г. с изображениями Анны Николаевны и её брата Николая Николаевича. На обратных сторонах фотоснимков — дарственные надписи племяннице Лене (Елене Михайловне Кротковой). На фотографии Николая Тумботина есть такие строчки: «Мне 45 лет, а тебе 12. Что тебе пожелать? Люби человека как себя. Помни своих родителей и прочих своих родных помни. Целую тебя. Твой дядя Коля». Лена Кроткова до конца жизни бережно хранила альбом с фотографиями родственников.

Фотографии являются не только хранилищами истории семейных династий, но и самыми лаконичными и глубокими документами эпохи, они представляют собой ценный источник информации по своей достоверности, многообразию содержания и возможности зрительного и эмоционального воздействия на человека. Фотоальбом из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника содержит фотоснимки, которые дают представление о бытовом укладе дворянской семьи второй половины XIX — начала XX в., мастерстве павильонной портретной съёмки, несут редкие сведения по истории фотографии. Альбом прекрасно сохранился и, несомненно, служит украшением коллекции фотодокументов.

Список литературы и источников

1. Государственная архивная служба Нижегородской области [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.archiv.nnov.ru>.— Дата доступа: 01.02.2017.
2. Научное описание фотографических материалов: методические рекомендации / сост. И. Д. Иванова, А. П. Попова.— М.: Информ-Знание, 2004.— 80 с.
3. Попов, А. П. Российские фотографы (1839—1930): словарь-справочник: в 3 т. / А. П. Попов.— Коломна: Музей органической культуры, 2013.
4. Русский музей фотографии [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.fotomuseum.nnov.ru/history.html>.— Дата доступа: 02.02.2017.
5. Сабурова, Т. Андрей Карелин из Нижнего Новгорода / Т. Сабурова // Антиквариат.— 2006.— № 7—8 (39).— С. 102—108.

6. Сборник докладов конференции «Фотография в музее», 17–19 мая 2016 г.— СПб., 2016.
7. Стереоскоп. Фотографы Петербурга [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://stereoscop.ru>.— Дата доступа: 15.02.2017.
8. Срезневский, В. И. Справочная книжка фотографа / сост. В. И. Срезневский.— 3-е изд., исправ. и знач. доп.— СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1889.
9. Тарасова, В. Писатель и фотоискусство / В. Тарасова // Мир музея.— 2008.— № 9.— С. 14–17.
10. Фотография: энциклопедический справочник / редкол.: Бояров П. И. [и др].— Минск: Беларуская энцыклапедыя.— 1992.
11. Фотографы и фотографические ателье дореволюционной России // Большой Русский Альбом [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rusalbom.ru/foto-atelie.html>.— Дата доступа: 17.02.2017.
12. Фотодокументы и редкие издания: сохранность в процессе использования / сост. А. А. Колчанова.— М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.— 120 с.
13. Шипова, Т. Петербургские фотографы / Т. Шипова // Антиквариат.— 2006.— № 12 (43).— С. 84–94.
14. Шнеерсон, Д. В поисках утраченного времени / Д. Шнеерсон // Антиквариат.— 2004.— № 7–8 (19).— С. 110–113.

УДК [069+75.03-051]"18"

О. Д. Егоренко

ПОРТРЕТ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО В ЭКСПОЗИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ

В 1999 г. на постоянное хранение в Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник поступил портрет Иоанна Кронштадтского. По академической манере исполнения и датам жизни портретируемого портрет датировали концом XIX в. Более подробных исследований портрета ранее не велось, поэтому тему данной научной работы можно считать актуальной. К тому же на территории Беларуси живописные портреты Иоанна Кронштадтского не известны, так что портрет из экспозиции Художественной галереи безусловно вызывает интерес.

Иоанн Сергиев (1829–1909 гг.), больше известный как Иоанн Кронштадтский — священнослужитель Русской Православной церк-

Рис. 1. Иоанн Кронштадтский (Сергиев)

ви, митрофорный протоиерей (рис. 1). Более 50 лет он прожил в городе Кронштадте, пригороде Санкт-Петербурга, где являлся протоиереем, а впоследствии настоятелем собора Андрея Первозванного. Известно, что в 1906 г., незадолго до своей смерти, Иоанн Кронштадтский посещал г. Витебск.

Известность Иоанн Кронштадтский приобрёл благодаря своим эмоциональным и содержательным проповедям, широкой общественной и благотворительной деятельности. Народ признавал священника Божьим избранником, чудотворцем ещё во время его жизни. Всероссийская известность пришла к нему в 1883 г., когда были опубликованы сведения о чудесах священника.

К 1890-м гг. народное почитание достигло апогея. Практически каждое событие, в котором имело место участие Иоанна Кронштадтского, фотографически документировалось. Также сохранилось много салонных фотографий священника, сделанных в ателье Санкт-Петербурга и Кронштадта. Некоторые фотографии впоследствии широко тиражировались в кругах православных приходов и их прихожан, в особенности после смерти священника.

На сегодняшний день известно около 30 живописных и графических изображений Иоанна Кронштадтского, выполненных с натуры либо по фотографиям. Большинство прижизненных изображений священника относятся к 1890—1908 гг., то есть с начала широкого его почитания и до самой смерти [4].

Портреты Иоанна Кронштадтского писали такие русские художники как: художник-академик Михаил Васильевич Брянский; художник-иллюстратор Пётр Николаевич Троянский, живший в начале XX в. в Санкт-Петербурге; живописец-академик Карл Богданович Вениг; художник-график Сергей Васильевич Животовский, написавший книгу воспоминаний «На север с отцом Иоанном Кронштадтским» и другие [1]. Есть предположение, что священника также писал знаменитый русский живописец Илья Ефимович Репин [8]. Известные портреты выполнены в технике масляной

*Рис. 2. Портрет Иоанна Кронштадтского в экспозиции
Художественной галереи*

живописи, акварельного письма, карандашного рисунка, а также литографии и офорта. Авторство многих портретов не установлено.

Портрет Иоанна Кронштадтского, который находится в экспозиции Художественной галереи, поступил в Полоцкий музей-заповедник путём закупки у владельца. Согласно паспортным данным музейного предмета, портрет был найден на чердаке сельского дома в г. Полоцке в сильно загрязнённом виде и был постиран в стиральной машине, из-за чего теперь имеет сильные затёртости и утраты красочного слоя.

*Рис. 3. Портрет Иоанна Кронштадтского в экспозиции
Художественной галереи*

Портрет написан в академической манере (рис. 2). Академизм предполагает довольно высокий технический уровень живописи и её качество. С середины XIX в. в портретной реалистичной академической живописи наблюдался интерес к социальной характеристике человека. Художники стремились раскрыть в портрете социальный статус человека и проникнуть в его психологию [5]. Красочный слой портрета очень тонкий, краски положены гладко, что характерно для академической живописи.

На погрудном портрете овальной формы Иоанн Кронштадтский изображён в анфас к зрителям. Выражение его лица спокойное, открытое, добродушное. Высокий лоб, крупные миндалевидные серо-голубые глаза, тонкий, слегка удлинённый нос, приоткрытые губы, длинные русые волосы, усы и борода — таким мы видим священника на портрете. Черты его лица являют нам человека довольно красивого, зрелого, мудрого (рис. 3). Одет он в синюю рясу, грудь священника украшают кресты и государственные награды, которые были изучены в соответствии с биографией священника. Ниже приводится их характеристика (рис. 4).

Бронзовым крестом на георгиевской ленте, который мы видим крайним справа, священник был награждён в 1856 г. в память о Крымской войне 1853—1856 гг. Таким крестом и медалью в упомянутом году награждали всех священнослужителей: от простых священников до митрополитов [3].

В 1970 г. от Святейшего синода «за усердную службу и ревностное исполнение обязанностей» Иоанном Кронштадтским был получен золотой крест, который изображён на портрете крайним слева [4].

Рис. 4. Церковные и государственные награды на портрете Иоанна Кронштадтского

На широкой красной ленте с золотой каймой — знак ордена Святой Анны 2-й степени (так называемая «Анна на шее»). Этот орден священник получил в 1883 г. [2].

На широкой георгиевской ленте мы видим знак ордена Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени. Этим почётным орденом Иоанн Кронштадтский был награждён в 1891 г., в возрасте 62 лет; следовательно, ранее этого года портрет написан быть не мог [2].

Большой золотой крест с обильными украшениями в центре священник получил в 1894 г. от императора Николая II как участник совершения

богослужения по случаю бракосочетания императора и императрицы. Этот факт даёт возможность ещё точнее определить датировку портрета [6].

Впоследствии Иоанн Кронштадтский получил и другие ценные государственные награды. В связи с коронацией Николая II в 1896 г. священник получил орден с. Анны 1-й степени, и на более поздних фотографиях мы видим этот орден и звезду ордена на груди священника. С этой наградой Иоанна Кронштадтского и писали художники с 1896 г., а также фотографировали. Из этого следует, что временные рамки написания портрета в Художественной галерее таковы: 1894—1896 гг.

Таким образом, можно предположить, что портрет Иоанна Кронштадтского в экспозиции Художественной галереи был написан пока не известным нам российским художником в период с 1894 г. по 1896 г. Следовательно, священнику на портрете около 65 лет. Художник изобразил его на полотне несколько моложе своих лет, хотя стоит заметить, что, согласно воспоминаниям современников, Иоанн Кронштадтский также выглядел довольно молодо в 1890-е гг. Академическая манера, в которой художник работал над портретом, предполагает лёгкую идеализацию, что мы и видим во внешности священника.

Подводя итог, можно сказать, что портрет Иоанна Кронштадтского, находящийся в экспозиции Художественной галереи можно датировать следующим периодом: 1894—1896 гг. Возможно, дальнейший анализ портрета позволит предположить и его авторство.

Список литературы и источников

1. Животовский, С. В. На Север с отцом Иоанном Кронштадтским. Очерки и ил. С. В. Животовского.— СПб.: Худож. типо-лит. А. К. Вейерман, 1903.
2. Кузнецов, А. А. Ордена и медали России / А. А. Кузнецов.— М.: Издательство МГУ, 1985.— 174 с.
3. Наперсный крест для духовенства в память войны 1853—1856 гг. [Электронный ресурс] / Награды императорской России 1702—1917 гг.— М, 2003—2015.— Режим доступа: <http://medalirus.ru/sobitiya1800-1864/krest-dlya-dukhovenstva-1853-1856.php>.— Дата доступа: 04.01.2017 г.
4. Иоанн Кронштадтский: Прот. Геннадий Беловолов, С.Е. Большакова [Электронный ресурс] / Православная энциклопедия.— М., 2010.— Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/471321.html>.— Дата доступа: 10.01.2017 г.
5. Романовский, А. Г. Академизм в русской живописи / А. Г. Романовский.— М.: Белый город, 2005.— 416 с.
6. Святой праведный Иоанн Кронштадтский.— М.: Благовест. 2009.— 352 с.

7. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Священнику: извлечения из дневниковых тетрадей / Сост. м. Серафима (Иванова).— М.: Отчий дом, 2005.— 280 с.
8. Дневник протоиерея Геннадия Беловолова. Почему Репин рисовал Иоанна Кронштадтского [Электронный ресурс] / Livejournal.— Режим доступа: <http://otets-gennadiy.livejournal.com/72200.html>.— Дата доступа: 10.01.2017 г.

УДК 355.48(09)(476.5-21Полоцк)"1941"

С. П. Копыл

ПУТЬ НА ВОСТОК: ДЕЙСТВИЯ НЕМЕЦКОГО 23-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА ПОД ПОЛОЦКОМ ЛЕТОМ 1941 Г.

В июне-июле 1941 г. на ближних подступах к г. Полоцку развернулись ожесточённые бои советской 22-й армии Западного фронта с наступающими корпусами 9-й немецкой армии группы армий «Центр». В их заключительной фазе со стороны противника действовали соединения и части танковой, моторизованной и пяти пехотных дивизий, объединённых штабами 57-го моторизованного, 6-го и 23-го армейских корпусов. Последнему из них довелось первым доложить о взятии древнего белорусского города.

История корпуса была короткой, как и вся история нацистской Германии, а начиналась она с пограничных войск III Рейха. В отличие от Советского Союза, где охрана границ возлагалась на Народный комиссариат внутренних дел СССР, в Германии эти функции выполняли три пограничных корпуса Сухопутной армии. Образованный в 1938 г. штаб Эйфель находился в непосредственном подчинении 2-го военного округа, размещался в г. Бонн и до начала подготовки к вторжению в Польшу руководил пограничными комендатурами Аахен и Трир с общей численностью в 28 000 чел. [4, сс. 492, 493]. В соответствии с мобилизационным планом на 1939 / 1940 г. Вооружённых сил (Вермахт) штаб пограничных войск Эйфель вошёл не в Армию резерва, а в состав Действующей армии. Т. е. уже накануне Второй мировой войны он рассматривался как высшее командование, способное осуществлять оперативно-тактическое руководство несколькими дивизиями. Непосредственно после окончания Польской кампании Вермахта (сентябрь 1939 г.) из штаба Эйфель был выделен штаб 23-го армейского корпуса. Он должен был оставаться в зоне западной линии укреплений с некото-

рыми ограниченными функциями военно-административного управления. Вновь сформированную корпусную штабную инстанцию возглавил генерал-лейтенант Альбрехт Шуберт, прибывший на должность командира армейского корпуса из 44-й австрийской пехотной дивизии. С ней он получил командный опыт управления соединением в современной войне в ходе боёв в Польше. Участник Первой мировой войны, кавалер Железного креста 1-го и 2-го класса, сделавший карьеру при нацистах, он-то и поведёт подчинённые дивизии в июне 1941 г. в Беларусь. А пока в мае 1940 г. в непосредственном подчинении штаба корпуса находился 423-й батальон связи и части корпусного подчинения под номером «308» [4, с. 556]. Среди них части снабжения, полевая жандармерия и полевая почта. С 28.07.1940 г. штаб корпуса в составе 16-й армии размещался на севере Франции в небольшом городке Хесдин, где силами 254-й и 276-й пехотных дивизий нёс гарнизонную службу в департаментах Сомма и Па-де-Кале [5, f. 00013].

Согласно приказа штаба 16-й армии № 1907/40 секр. от 16.10.1940 г. корпус принял активное участие в планировании и подготовке операции «Морской лев» (Unternehmen Seelöwe) [7, f. 00349]. Под этим кодовым названием скрывалась высадка на Британские острова. В октябре 1940 г. штаб 23-го армейского корпуса переместился на территорию бельгийской Западной Фландрии и разместился в её центре — в г. Брюгге. Теперь под его началом были 17-я, 24-я и 35-я пехотные дивизии [6, f. 00862]. После отмены А. Гитлером приказа о вторжении в Англию, с января 1941 г. корпус нёс караульную и гарнизонную службы в местах расквартирования своих дивизий, участвовал в отражении почти еженочных налётов бомбардировщиков англичан, занимался штабной и боевой подготовкой вверенных ему войск и параллельно продолжал планирование по «Морскому льву», осуществляя последнее не столько по инерции, сколько для введения в заблуждение английской разведки, а заодно не давая расслабиться своим войскам.

К середине февраля 1941 г. штабы групп армий, выделенные для войны с СССР в соответствии с Директивой по стратегическому сосредоточению и развёртыванию войск (План «Барбаросса») от 31.01.1941 г., закончили разработку приказов и распоряжений подчинённым штабам и войскам [3, с. 169].

6.04 и 7.04.1941 г. на территорию Восточной Пруссии прибыла рабочая группа штаба 23-го корпуса. Первоначально она разместилась при штабе 1-го армейского корпуса 18-й армии, но уже с 14.04.1941 г. вошла в подчинение штаба «Восточная Пруссия-I». Под этим условным наименованием скрывался штаб группы армий Север, которой предстояло наступать против войск советского Прибалтийского особого военного округа. Переименовала своё название и рабочая группа штаба 23-го армейского корпуса. Теперь

она именовалась: «Крепостной штаб 23» 16-й армии. Её задача заключалась в разработке пакета документов по подготовке к войне и приёма территории, на которую должны были прибыть основные части и подразделения корпуса из Бельгии [8, f. 00934].

К 6.05.1941 г. штаб 16-й армии разработал приказ по Плану «Барбаросса» с 14-ю приложениями. Документ интересен тем, что в нём впервые названы номера пехотных дивизий — участниц похода на Восток. Их-то и должен был повести в бой штаб 23-го армейского корпуса. Это 206-я и 251-я пехотные дивизии, которые уже к этому времени дислоцировались в Восточной Пруссии [9, f. 00404]. 15.05.1941 г. «Крепостной штаб 23» на основании приказа от 16-й армии распорядился штабам вновь подчинённых дивизий предоставить в свой адрес необходимые сведения по организации связи и позывные абонентов. Двое суток спустя 17.05.1941 г. им было приказано быть готовыми перейти в повышенную степень боевой готовности по сигналу «Внимание, Берта» [10, f. 00577].

24.05.1941 г. был утверждён корпусной приказ № 1 (по Плану «Барбаросса»). В его заголовке фигурирует не условное, а действительное наименование: «23-й армейский корпус». Вместе с восемью приложениями, дополнениями и изменениями это был обширный труд, включающий большой круг вопросов от сведений о Красной армии, о своих войсках и их задачах в части, касающейся командного состава корпуса, до видов боевого и тылового обеспечения. Особо обращалось внимание на взаимодействие с авиацией, артиллерией и танковыми войсками. На этапе развёртывания войск в наступательные группировки корпус из подчинения 16-й армии перешёл в подчинение штаба группы армий «Север». Не отрываясь от армии, он должен был совершать марш следом за её армейскими корпусами. 206-я пехотная дивизия получала свою полосу наступления следом за 2-м армейским корпусом, а 251 пехотная дивизия — за 10-м армейским корпусом. Начало движения маршевых колонн устанавливалось в 14.00 дня «Б-1», где «Б» — это день наступления. (Здесь и далее указано берлинское время). Т. е. подтягивание резервов к войскам первого эшелона планировалось совершить накануне начала войны. Этим же приказом контроль марша возлагался на 131-ю моторизованную роту регулирования движением [11, f. 00268].

В 6.00 25.05.1941 г. штаб корпуса с приданными корпусными частями и подразделениями тремя ж.д. эшелонами начал совершать марш из Бельгии в Восточную Пруссию по маршруту Гент — Брюссель — Геленкирхен (Gent — Brüssel — Geilenkirchen). С его прибытием подготовка к боевым действиям вступила в завершающую стадию. В соответствии с разработанным и согласованным графиком движения 206-я и 251-я пехотные дивизии, начиная с

4.06.1941 г., совершали ночные марши в свои исходные районы. На рубеж начала движения непосредственно на территорию Советского Союза 206-й пехотной дивизии надлежало выйти к утру 22.06.1941 г. К этому же сроку ожидалось прибытие и 251-й пехотной дивизии, которая имела двое суток отдыха, связанного с освобождением дорог для 8-й танковой дивизии. Её противотанковый дивизион без одной батареи вошёл в оперативное подчинение 2-го армейского корпуса и должен был усилить оборону передовых частей. Кроме того, для получения оперативной информации в передовые корпуса от 206-й и 251-й пехотных дивизий были назначены офицеры связи. Следом за дивизиями с 9.00 22.06.1941 г. из района г. Инстербурга тремя маршевыми группами было запланировано движение управления, штаба корпуса и частей непосредственного подчинения. К ним добавились приданные Артиллерийское командование Арко-122 (Arko-122) и 24-й дивизион артиллерийской инструментальной разведки [10, f. 00614]. 20.06.1941 г. штаб «Восточная Пруссия-I» сменил условное наименование на воссозданное название: «Штаб группы армий Север». На всю технику корпуса были нанесены новые условные тактические обозначения.

С 12.00 21.06.1941 г. «Крепостной штаб 23» перешёл на своё действительное наименование «Штаб 23-го армейского корпуса». Однако и в последующие дни во многих корпусных документах по инерции ещё появляется прежнее название.

В 13.00 во все штабы немецкой армии на восточной границе был передан условный сигнал «Дортмунд», подтверждающий дату нападения на СССР — 22 июня 1941 г., время вторжения — 3.30.

К исходу 21.06.1941 г. войска группы армий «Север» были полностью готовы к атаке.

На рассвете следующего дня её войска после непродолжительной артиллерийской подготовки перешли в наступление. В 5.00 штаб корпуса составил первое утреннее оперативное донесение, а к 15.05 оформил корпусной приказ № 2. В нём отмечалось, что передовые корпуса ведут боевые действия против слабого противника, который отошёл к Ковно (Kowno). При этом 251-я пехотная дивизия к 16.00 должна выйти на государственную границу с СССР, а штаб корпуса, корпусные части и 206-я пехотная дивизия пока остаются на месте. 206-я дивизия должна была начать марш 23.06.1941 г., пропустив вперёд части 253-й пехотной дивизии РК Сухопутной армии [8, f. 00972]. С утра 23.06.1941 г. соединения корпуса подверглись регулярным ударам с воздуха советской авиации. Однако силы ПВО оказались на высоте: в 10.00 зенитчики сбили 2 русских самолёта, а в 11.00 ещё 7. При этом в плен было взято 5 лётчиков. С 28.06.1941 г. в подчи-

нение штаба 23-го армейского корпуса вошла 86-я и 253-я пехотные дивизии, а 251-я пехотная дивизия была передана в резерв 16-й армии.

Свой марш корпус совершал, прикрывая правый фланг армии, а фактически действовал на стыке групп армий «Центр» и «Север», периодически участвуя в небольших боях с многочисленными группами советских бойцов, отходивших на восток. Так, 30.06.1941 г. 253-я пехотная дивизия в ходе боёв северо-западнее Миткишкес (Mitkiskes) захватила 25—30 орудий лёгкого и среднего калибра, 200 грузовых и много специальных автомашин, а также 15 бронемашин, 2-3 танка, 12 противотанковых пушек и много боеприпасов. Командир дивизии доложил, что это были части советской мотомеханизированной бригады. Удивляет не количество трофейной техники, а отсутствие пленных. Можно предположить, что немцам досталась стоявшая без горючего советская колонна, оставленная её личным составом после небольшой перестрелки. Но есть и другое мнение: все захваченные в плен красноармейцы за сопротивление были уничтожены на месте боя. И в последующие дни столкновения частного характера сопутствовали продвижению вперёд немецкой пехоте. 1.07.1941 г. 206-я пехотная дивизия доложила о бое, в ходе которого было убито 6 русских, а 86-я пехотная дивизия — о захвате 1 советского командира и 30 солдат [8, ff. 01000—01002].

2.07.1941 г. корпус подтягивался к рубежу Неменчин — Подбрэзье (Niemenčyn — Podbrzezie), освобождая район западнее р. Нерис (Neris). Немецкое наступление развивалось более чем успешно: 16-я армия группы армий «Север» и 9-я армия группы армий «Центр» смежными флангами продвигались по шоссе на дорогах к среднему течению Западной Двины, не встречая организованного сопротивления Красной армии. Однако в лесных массивах параллельно им отходили крупные воинские соединения Северо-Западного фронта. Штабы германских групп армий имели весьма смутное представление об их местонахождении. Где-то рядом с ними находились дивизии 16-го советского стрелкового корпуса, избежавшие разгрома и представлявшие из себя значительную силу. Ещё 28.06.1941 г. начальник Генерального штаба Сухопутной армии генерал-полковник Франц Гальдер (Franz Halder) утвердил предложение группы армий «Север» о переброске штаба 50-го армейского корпуса из Резерва Главного командования Сухопутной армии на правый фланг 16-й армии. Первоначально в его подчинение должны были войти 206-я и 86-я пехотные дивизии, которые подтягивал 23-й армейский корпус [2, сс. 35, 36]. Однако 2.07.1941 г. окончательное решение об укреплении смежных флангов было несколько иное: с 12.00 23-й армейский корпус в составе 206-й и 86-й пехотных дивизий вошёл в подчинение 9-й армии группы армий «Центр» и таким образом

прикрыл её левый фланг [8, f. 01005]. За безопасность же правого фланга группы армий «Север» стал отвечать 50-й армейский корпус в составе 251-й и 253-й пехотных дивизий. В 18.40 была установлена связь 23-го корпуса со штаб-квартирой 9-й армии. Начальник штаба 23-го корпуса полковник Генерального штаба Антон фон Маухенхайм (Anton Reichard Freiherr von Mauchenheim genannt Bechtoldsheim) доложил начальнику оперативно-го отдела армии о дальнейших действиях в связи с новым подчинением. Замысел корпуса сводился к продолжению наступления в направлении Свенцяны (Swenzjany) и после обсуждения был одобрен. С этого момента в судьбе 23-го армейского корпуса наступил новый этап. Если первый этап заключался в управлении резервными дивизиями, подтягивании их следом за первым эшелоном группы армий «Север», то теперь корпус получил боевую задачу по наступлению на отходящего противника с целью его скорейшего уничтожения. С этого момента впереди боевых порядков корпуса стал действовать передовой отряд, который с 5.07.1941 г. возглавил командир 122-го артиллерийского командования генерал-майор Макс Линдиг (Max Linding). В отряд вошли штаб 122-го артиллерийского командования на правах артиллерийской бригады, взвод радиосвязи от 423-го корпусного батальона связи, усиленный пехотный батальон 206-й пехотной дивизии, 186-й сапёрный батальон и 186-й противотанковый дивизион. Оба без одной роты каждый были выделены из состава 86-й пехотной дивизии. Их усилили 2-й моторизованный дивизион 51-го моторизованного артполка, моторизованная зенитная батарея тяжёлого зенитного артиллерийского дивизиона Резерва Главного командования и батарея оптической разведки 25-го дивизиона артиллерийской инструментальной разведки. Вместе с выделенными ещё 30.06.1941 г. передовыми отрядами 206-й и 86-й пехотных дивизий передовой мобильный отряд должен был обеспечить продвижение корпуса к Западной Двине [12, ff. 00051, 00061]. Их глазами стала 5-я эскадрилья 41-й разведывательной авиагруппы ближней разведки, помогавшая помимо прочих задач в установлении связи с 19-й танковой дивизией, которая с 4.07.1941 г. вела тяжёлые бои на дисненском плацдарме. Для постройки военного моста через Западную Двину в районе Дисны к отряду Линдига должны были присоединиться 442-я, 186-я моторизованные и 182-я мостовые колонны типа «Б» и «Т». Их задачей было обеспечить бесперебойную переброску сил и средств корпуса на правый берег реки.

Передовой отряд выступил немедленно и в 2.15 3.07.1941 г. достиг населённого пункта Лынтупы (Lyntupy), расположенного на пересечении шоссе и железной дорог. Оставив в нём разведывательный отряд до подхода основных сил корпуса, он продолжил движение на восток. Утром

того же дня штаб корпуса установил телефонную связь с 3-й танковой группой, которая ориентировала пехоту, что её северное крыло 2.07.1941 г. достигло Глубокого и 3.07.1941 г. выступило к г. Дисна. Последовавшие затем переговоры со штабом 9-й армии и соседом справа (6-м армейским корпусом) окончательно прояснили обстановку к моменту прибытия на КП корпуса командующего армией генерал-полковника Адольфа Штрауса (Adolf Strauss). Прилетев на самолёте «Шторьх», он заслушал командира и начальника штаба 23-го корпуса, одоббив замысел и разработанные мероприятия по его реализации. Командующий подчеркнул, что *«Сейчас для армии главным является не задействование всей мощи, а подвод армии в плотных боевых порядках и боеспособном состоянии к Двине позади 3-й танковой группы»* [8, f. 01011]. После его отлёта в 13.00 начальник оперативного отдела корпуса с начальником разведки убыли к передовому отряду, который без соприкосновения с противником достиг Свенцяны. Здесь их ожидало донесение офицера связи при 19-й танковой дивизии. В нём сообщалось, что в лесистой местности в районе Козяны (Koziany) находится до 2-х батальонов противника с артиллерией. В 5.00 танкисты натолкнулись на сопротивление советских частей и сломали его только вводом в бой танкового полка. Разведывательный батальон 19-й танковой дивизии западнее д. Тверец (Twerez) натолкнулся на сильного противника с танками и артиллерией и был вынужден отойти к главным силам. К исходу дня 206-я пехотная дивизия достигла района Повевюрка — Неменчин (Powewiorka — Niemenczyn), а её передовой отряд — Свенцяны. При этом были захвачены и расстреляны небольшие группы красноармейцев. В то же время 86-я пехотная дивизия продвинулась в район Неменчин — Мейшагола (Niemenczyn — Mejszagola).

В последующие дни 23-й армейский корпус в качестве левофлангового корпуса 9-й армии продолжил движение в направлении Дисны. 206-я пехотная дивизия выдвигалась по маршруту Подбродзье — Свенцяны — Годутишки — Поставы — Дуниловичи — Лужки — Язно. Севернее её совершали марш части 86-й пехотной дивизии по маршруту Карвалишки — Подбродзье — Свенцяны — Мелегяны — Козяны — Германовичи — Стефанополь. Левее её через Видзы и Скуряты шли походные колонны 253-й пехотной дивизии в общем направлении на г. Друя. В среднем немецкая пехота совершала 30-км переходы, приближаясь к г. Дисна. А на дисненском плацдарме события развивались совсем не так, как хотелось немецким генералам: советские 98-я и 174-я стрелковые дивизии дрались ожесточённо и умело, грамотно используя артиллерию. Поэтому, начиная с 8.07.1941 г., движение дивизий корпуса организуется с учётом возможной контратаки противника со стороны г. Полоцка. С целью маскировки движения немец-

ких войск было приказано отключить средства радиосвязи. Для усиления 57-го немецкого моторизованного корпуса к Дисне 7.07.1941 г. срочно на автомашинах был переброшен усиленный пехотный батальон из корпусного передового отряда.

В 13.00 8.07.1941 г. в корпус повторно прилетел командующий войсками 9-й армии, который довёл выводы по сложившейся обстановке и предстоящим задачам на ближайшие дни. Согласно им, 23-й армейский корпус во взаимодействии с 57-м моторизованным армейским корпусом должен будет вести наступление с плацдарма, прорываясь через долговременные сооружения Полоцкого укрепрайона. В свою очередь командир корпуса доложил, что в 7.55 86-я пехотная дивизия обнаружила в районе д. Малковщина, что в 5 км севернее Козяны, русский аэродром, на котором находилось 7 легко повреждённых самолётов и множество авиабомб. Вечером, вернувшись из штаб-квартиры 57-го моторизованного армейского корпуса, в 20.00 в д. Лужки, генерал-лейтенант А. Шуберт провёл совещание с командирами дивизий и их начальниками оперативных отделений. Были подведены итоги за период с 22.06 по 8.07.1941 г., согласно которым за этот период, производя зачистку местности, прилегающей к маршрутам движения дивизий, корпус захватил 2856 пленных, 8 танков, 11 самолётов и 19 орудий [8, ff. 01040-01043].

На следующий день в 13.30 9.07.1941 г. из штаба 9-й армии поступила телеграмма о передаче 23-й армейского корпуса в подчинение 3-й танковой группы. Для уточнения дальнейших действий начальник оперативного отдела корпуса срочно вылетел на командный пункт танковой группы. Общая задача теперь звучала следующим образом: «*23-й армейский корпус берёт Полоцк ударом с юга и севера*» [8, f. 01045]. Для этого его дивизии должен был прорвать хорошо оборудованный укреплённый район, обороняемый противником, настроенным драться до последнего солдата. С учётом сложностей предстоящих боёв корпусу, помимо артиллерийских и сапёрных частей усиления немедленно передавались 110-я пехотная дивизия, а также передовой отряд 6-го армейского корпуса, который под командованием полковника Фрица Херцша (Hertzsch, Fritz) прикрывал дисненскую группировку войск в районе д. Полюдовичи от ударов советских частей со стороны Полоцка. Т. е. к 9.07.1941 г. никаких иллюзий у немецкого командования не осталось. После того, как 3-я танковая группа не смогла с ходу захватить г. Полоцк, проблеме взятия его и мостов через Западную Двину необходимо было решать пехотой в кратчайшие сроки. В соответствии с приказом по корпусу № 17 от 9.07.1941 г., подписанного в 24.00, 206-я пехотная дивизия в 6.00 10.07.1941 (без одного пехотного полка) пересекает Двину по восточному военному мо-

сту и, продвигаясь через Луначарское, Перемерка, достигает рубежа Голиково — Микулино. Командирам полков было приказано в ночь с 10 на 11.07.1941 г. сменить части 19-й танковой дивизии. Третий пехотный полк (301-й) составлял второй эшелон дивизии. В это же время 86-я пехотная дивизия должна была выйти авангардом через западный военный мост и следовать через Горки, Нарковичи, Мышки к рубежу Куликово — Михаси. Ей также было приказано в предстоящую ночь сменить действующие в её полосе части 19-й танковой дивизии. Переход резервного 167-го пехотного полка на северный берег планировалось осуществить днём 11.07.1941 г. В период с 7.30 до 9.30 по восточному мосту в обратном направлении был запланирован вывод с плацдарма 30-го полка 18-й моторизованной пехотной дивизии, которая уже была переброшена по г.п. Улла. Из-за угрозы воздушного нападения советской авиации переход по мостам было приказано осуществлять походными колоннами с увеличенными интервалами между ними [8, f. 01046]. Прибытие 110-й пехотной дивизии на плацдарм ожидалось только 13.07.1941 г. Её авангарды 9.07.1941 г. ещё находились в районе Поставы.

Все три дивизии корпуса различались между собой. Прежде всего — это были дивизии разной волны формирования. Термин «Волна» в германской армии употреблялся для упрощения подготовительных мобилизационных мероприятий и для обозначения различных типов дивизий. Он не указывал на качество той или иной дивизии, а отражал проблемы материально-технической базы и недостаточной подготовки подразделений резерва, что не позволяло формировать дивизии по единым штатам. 6-я и 26-я пехотные дивизии, выходявшие на г. Полоцк с юго-западного направления, были дивизиями 1-й волны, т. е. кадровыми дивизиями мирного времени. Или иначе — они являлись элитой Сухопутной армии Вермахта. 86-я пехотная дивизия была сформирована в августе 1939 г. на базе 6-й дивизии и мало чем от неё отличалась, получив из неё т. н. организационно-мобилизационное ядро офицерского, унтер-офицерского и рядового состава. Кроме того, 6-я пехотная дивизия не просто выделяла костяк будущей дивизии, но и организовывала её формирование. В качестве остального личного состава использовались военнообязанные 1-го разряда в возрасте до 35-ти лет с небольшим количеством военнообязанных 2-го разряда и ландвера, т. е. военнообязанных уже отслуживших в армии, имеющих военно-учётную специальность и на момент повторного призыва находящихся в долгосрочном отпуске (запасе). Предполагалось, что дивизии 2-й волны могли быть использованы в боевых условиях вскоре после их укомплектования. Пехотные дивизии 3-й волны — это бывшие дивизии ландвера, но с более совершенной структурой и вооружением. Из кадровой армии эти дивизии

личный состав не получали, а комплектовались главным образом призывниками 1-го и 2-го разряда старших возрастов. Такие дивизии предназначались для оборонительных действий. Уровень подготовки их офицерского и унтер-офицерского состава уступал коллегам из дивизий 1-й и 2-й волны. В нашем случае к таким дивизиям относится 206-я пехотная дивизия, сформированная в августе 1939 г. первоначально как учебная дивизия. И, наконец, 110-я пехотная дивизия — дивизия 12-й волны. Её создание началось 10 декабря 1940 г. в г. Люнебург. Она состояла на одну треть из личного состава 12-й и 30-й пехотных дивизий, местного охранного батальона пехотного полка № 400. Остальные две трети составляли военнообязанные старших возрастов, уволенные в долгосрочный отпуск [4, сс. 80, 81]. Несмотря на все вышеперечисленные различия, штат дивизий был примерно одинаковым: штаб дивизии со штабными подразделениями, три пехотных полка, артиллерийский полк, противотанковый артиллерийский дивизион, разведывательный, сапёрный батальоны и батальон связи, а также служба снабжения, административно-хозяйственная, санитарная, ветеринарная службы, служба поддержания порядка и военно-полевая почта. Остаётся добавить, что в 110-й и 206-й пехотных дивизиях запасной полевой батальон отсутствовал, и к началу войны с СССР в 110-й пехотной дивизии один пехотный батальон действовал в составе танковой группы «Африка». Состав и основные виды вооружения дивизий представлены в *таблице 1*.

Таблица 1. Состав и основные виды вооружения дивизий

	<i>86 ПД</i>	<i>206 ПД</i>	<i>110 ПД</i>
Волна формирования	2	3	12
Номера пехотных полков	167, 184, 216	301, 312, 413	252, 254, 255
Количество боевых батальонных групп	9	9	8
Численность личного состава без запасного батальона	15 273	17 025	ок. 15 000
Тяжёлая полевая гаубица (150-мм)	12	12	12
Лёгкая полевая гаубица (105-мм)	36	36	36
Противотанковая пушка (37, 50-мм)	72	65	81
Тяжёлое пехотное орудие (105-мм)	6	—	—

Лёгкое пехотное орудие (75-мм)	20	6	8
Тяжёлый миномёт (81-мм)	54	54	54
Лёгкий миномёт (50-мм)	84	84	78
Станковый пулемёт (7, 92-мм)	112	110	100
Ручной пулемёт (7, 92-мм)	437	513	381
Огнемёт	—	54	—

[4, сс. 608, 609, 611—613, 619], [13, ff. 00719, 00720, 00724].

Для того, чтобы представить возможности дивизий, в таблицу введено понятие «Боевая батальонная группа». Боевая батальонная группа — это, как правило, пехотный батальон, усиленный артиллерией, сапёрными подразделениями, силами и средствами противовоздушной обороны, способный решать тактические боевые задачи на поле боя.

На 22.06.1941 г. 86-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Иохим Виттхоф (Witthöft, Joachim). Первую мировую войну закончил в звании «капитан». Решением высшего руководства сохранён для будущей армии, но в рядах полиции. С 1936 г. — командир пехотного полка. В дивизии с момента её формирования.

На момент описываемых событий 206-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Хьюго Хофль (Höfl, Hugo). Активный участник Первой мировой войны. После резкого сокращения вооружённых сил по условиям Версальского мира, как перспективный офицер, оставлен в армии. С 1929 г. по 1935 г. в звании «полковник» служил в Турции в качестве военного советника. 1.12.1935 г. возвращён в Вермахт. Сформировал 206-ю пехотную дивизию в августе 1939 г. Участник Польской и Западной кампаний.

И, наконец, командир 110-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Эрнст Зейферт (Seifert, Ernst). Как и его коллеги, участвовал в Первой мировой войне. Назначен на дивизию с должности военного коменданта Берлина. Все трое — кадровые офицеры, получившие хорошее военное образование, закрепившие его на полях Первой мировой войны и сделавшие основную карьеру при нацистах. К моменту вторжения в Советский Союз все они имели практический опыт в руководстве соединением в условиях современной молниеносной войны.

Утром 10.07.1941 г. 206-я и 86-я пехотные дивизии переправились через Западную Двину и в ночь на 11.07.1941 г. произвели смену частей 19-й танковой дивизии. Для координации дальнейших наступательных действий большого числа соединений и отдельных частей на плацдарме была

создана группа войск «Дисна». В неё вошли 19-я танковая и 14-я моторизованные дивизии 57-го моторизованного армейского корпуса, соединения 23-го армейского корпуса в составе трёх пехотных дивизий, многочисленные сапёрные части под общим командованием моторизованного штаба сапёрного полка особого назначения «Бургер», артиллерия центрального подчинения под управлением двух артиллерийских командований (Арко 18 и Арко 122). Для прикрытия переправ и борьбы с долговременными огневыми точками Полоцкого укрепленного района выделены 271-й тяжёлый моторизованный зенитный артиллерийский дивизион и 607-й батальон ПВО. С воздуха боевые действия группы войск должен был обеспечить 8-й воздушный корпус. Общее руководство возлагалось на штаб 3-й танковой группы генерал-полковника Германа Гота (Hoth, Hermann). Приказом по 23-му армейскому корпусу № 18 от 10.07.1941 г. устанавливалось, что 57-й моторизованный армейский корпус в районе Борковичи изготавливается для удара через Бокачи, Дретунь в направлении Невель. 23-й армейский корпус ударом с плацдарма в общем направлении на Дретунь прорывает советские укрепления севернее Западной Двины. Начало удара запланировано на 13.07.1941 г., однако необходимо быть готовым к наступлению в течение 12.07.1941 г. На правом фланге корпуса в районе Боровуха-1 готовится к удару 206-я пехотная дивизия с задачей атаковать советские части укрепленного района, сосредоточив основные усилия через Боровуха — Машары на Залесье. Севернее оз. Званое к атаке изготавливается 86-я пехотная дивизия. Ей было приказано сосредоточить основные усилия в направлении на Межки через д. Званое. Передовой отряд Херцш 6-го армейского корпуса по-прежнему прикрывал правый фланг корпуса южнее Западной Двины и в случае обнаружения отхода противника должен нанести удар на Полоцк с целью захвата мостов. В приказе особо обращалось внимание на то, что *«Категорически запрещается атаковать ДОТы без тщательной разведки. Каждый ДОТ, который был взят, должен быть полностью приведён в небоеспособное состояние, так как русские во многих случаях вновь занимали уже взятые войсками ДОТы силами из междуполья в тылу передовых частей и обороняли их»* [8, ff. 01050—01056].

Учитывая данные всех видов разведки, опыт боёв танкистов и степень готовности дивизий генерал пехоты Адольф Штраус (Adolf Strauss) принял решение основной удар нанести силами 86-й пехотной дивизии. Поэтому в полосе её наступления были сосредоточены основные силы моторизованной артиллерии центрального подчинения. Их действия координировало 122-е артиллерийское командование. С 10.07.1941 г. ему были подчинены штаб 613-го артиллерийского полка и по одному тяжёлому артиллерийско-

му дивизиону от 39-го артполка тяжёлых полевых гаубиц, 51-го смешанного артполка, 62-го артполка 100-мм пушек, а также 271-й зенитный артиллерийский дивизион РГК (без одной батареи), 607-й зенитный батальон ПВО (без одной роты), 5-й дивизион химических миномётов (без одной батареи) и 25-й дивизион инструментальной артиллерийской разведки [14, f. 00547].

С советской стороны на этом направлении оборонялся 494-й стрелковый полк и три батальона Полоцкого УРа. Их поддерживали 56-й корпусной, 730-й гаубичный и один дивизион 390-го гаубичного артиллерийских полков. Советская пехота участвовала в тяжёлых боях с 3.07.1941 г. и к моменту решающих событий понесла большие потери. Оперативная сводка № 7 штаба 174-й стрелковой дивизии комбрига А. И. Зыгина за 12.07.1941 г. отмечала, что *«противник продолжает свои атаки в направлении Боровуха-1 с одновременным накоплением мотопехоты и танков в лесах западнее Ленинский Луч и Фариново»* [1, л. 2]. Самое главное, что к началу немецкого наступления все резервы Полоцкого боевого участка, 62-го стрелкового корпуса и 22-й армии уже были введены в бой.

13.07.1941 г. в 5.00 после тщательной подготовки 23-й армейский корпус перешёл в наступление. 206-й пехотной дивизии удалось вклиниться в укрепрайон на нескольких участках. Но прорвать систему обороны Полоцкого УРа ей не удалось. В 11.45 от штаба дивизии прошёл тревожный доклад, что *«Противник с направления Подбельцы сильно контратаковал 312 пехотный полк, вследствие чего он был вынужден произвести местное отступление, частично вплоть до исходного района»* [8, f. 01071]. Иными словами, немецкая пехота, попав под кинжальный огонь советских ДОТов, стремительно бежала, бросая оружие и раненых. Более того, к исходу дня не удалось собрать сведения о 151-м военнопленном, которые, как оказалось впоследствии, большей частью попали в плен к бойцам 494-го стрелкового полка.

86-я пехотная дивизия, ведя тяжёлый бой, захватывая многочисленные ДОТы и отражая ожесточённые контрудары противника, глубоко проникла в его оборону до дороги Дворец-Фрунзе.

110-я дивизия в течение дня совершала марш на левый фланг корпуса, выдвинув вперёд разведывательный батальон.

В отчётных документах дня немцы отмечали, что *«Противник обороняется ожесточённо и упорно в сооружениях, зачастую — двухэтажных и в полевых укреплениях, расположенных между ДОТами. Засев в масхалатах на деревьях и на земле, замаскировавшись мхом, ведёт стрельбу и воюет даже в тылу у наступающих войск. Огонь артиллерии противника очень силён»* [14, f. 00548].

Во второй половине дня командир корпуса принимает решение использовать частичный успех 86-й пехотной дивизии. С этой целью он приказывает

ваат 206-й дивизии оставить в первом эшелоне лишь один усиленный полк и связать им советские части местными ударами. Её 301-й пехотный полк он вводит в бой в полосе наступления 86-й дивизии, чтобы завершить прорыв в направлении Межки. 110-я пехотная дивизия должна вести наступление в направлении п. Фрунзе, обеспечивая безопасность правого фланга корпуса.

14.07.1941 г. 206-я пехотная дивизия, не выполнив боевую задачу предыдущего дня, приводит в порядок 312-й полк, передаёт в оперативное подчинение левому соседу боевую группу 301-го пехотного полка и действует штурмовыми группами по отдельным фортификационным сооружениям. В 7.00 86-я пехотная дивизия теперь уже четырьмя полками с тяжёлыми боями, отражая многочисленные ожесточённые контратаки, завершает прорыв Полоцкого укрепрайона и силами разведывательного батальона достигает рубежа оз. Белое — Рудня — Старина. При этом отмечалось, что с советской стороны в боях участвуют даже милиционеры из Полоцка. В это же время 110-я пехотная дивизия позади левого крыла корпуса авангардом достигла д. Фесюки. Ввиду сильных контрударов Красной армии по 86-й дивизии во второй половине дня перед командиром 23-го армейского корпуса возникает вопрос: следует ли продолжать прорыв на Дретунь, не обращая внимания на ещё сопротивляющегося противника в районе Боровуха-1 и Полоцка, или корпус должен повернуть главные силы непосредственного на город? После долгого раздумья генерал пехоты А. Штраус принимает решение в пользу второго варианта. При этом он исходит из возможности облегчить атаку 6-го армейского корпуса с южного направления. Для ликвидации группы ДОТов западнее оз. Званое в помощь 206-й пехотной дивизии выделяется особая боевая батальонная группа 110-й дивизии, оснащённая огнёмётами, тяжёлым пехотным оружием и 88-мм зенитными орудиями. В тоже время 86-й пехотной дивизии приказано наступать вдоль дорог Дворец — Полоцк, Рудня — Полоцк и 15.07.1941 г. захватить полоцкие мосты и городской коротковолновый передатчик.

В 7.00 следующего дня части 86-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта И. Виттхофа начали прорыв к Полоцку и в 15.00 захватили Зелёный Городок в 4-х км севернее города. Проникшая в город разведка доложила, что он горит, а мосты взорваны. 206-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Х. Хофля, преодолев ослабевающее сопротивление, захватила несколько ДОТов. Чтобы облегчить её действия генерал-лейтенант И. Виттхоф развёрнул на Боровуха-1 301-й пехотный полк с целью захвата казарм военного городка с тыла. К полудню 15.07.1941 г. 110-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Э. Зейферта достигла района севернее Межки.

Во второй половине дня перед корпусом возник вопрос: закрепить ли всеми силами положение у Полоцка или приступить к преследованию

отходящего противника в направлении на Дретунь? Т. к. связь с авангардами 6-го армейского корпуса ещё не была установлена, командир корпуса принял решение приступить к преследованию частей Красной армии в направлении на Труды. На наш взгляд, это была вторая ошибка генерала А. Штрауса за последние двое суток. Непоследовательность в действиях немецкого командования позволили войскам Полоцкого боевого участка избежать окружения в районе Полоцка и организованно отойти на восток.

Как показали дальнейшие события, основную работу по взятию города выполнил 6-й армейский корпус, а 23-й, отрапортовав об успешном штурме, развернул свои дивизии в невельском направлении. Его предварительные потери за период с 13.07. по 15.07.1941 г. показаны в *таблице 2*.

Таблица 2. Потери 23-го армейского корпуса

Дата	Офицеров			Унтер-офицеров и рядовых		
	Убито	Ранено	Пропало б/в	Убито	Ранено	Пропало б/в
13.07	6	16	2	97	437	151
14.07	7	6	—	64	144	8
15.07	1	5	—	23	73	13
Всего	14	27	2	184	654	172

В ходе боёв за указанный период 23-м армейским корпусом было взято 60 долговременных огневых точек тяжёлой и самой тяжёлой конструкции, захвачены 6500 пленных, 56 орудий и 8 зенитных пушек [14, ф. 00552].

Т. о., 23-й немецкий армейский корпус, как оперативно-тактическое соединение, своё боевое крещение получил под стенами г. Полоцка. Его участие в штурме обороны войск Полоцкого боевого участка переломило накал сражения в пользу германской армии. Но главная цель — захват мостов через Западную Двину целыми им не была достигнута. Воспользовавшись ошибками противника, советские войска сумели организованно отойти к Великим Лукам и подготовить там новый рубеж обороны.

Список литературы и источников

1. Боевые приказы, боевые донесения и разведывательные сводки 174 СД // Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО).— Фонд 22 А.— Опись 10803.— Дело 13.
2. Гальдер, Ф. От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи

- начальника генерального штаба сухопутных войск 1941—1942 гг. / Ф. Гальдер.— Смоленск: Русич, 2001.
3. Дашичев, В.И. Совершенно секретно! Только для командования! / В. Дашичев.— М.: Наука, 1967.
 4. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. / Б. Мюллер-Гиллебранд.— М.: Изографус, Эксмо, 2002.— 800 с.: илл.
 5. Kriegstadebuch № 6 XXIII A. K. Abt. Ia // National Archives and Records Administration USA (NARA).— Т. 314.— р. 678.
 6. Kriegstadebuch № 7 XXIII A. K. Abt. Ia. Anlage zum KTB. Befehle des Korps, Heft 2. Zeit: 16.1.1941—31.3.1941 // NARA.— Т. 314.— р. 678.
 7. Kriegstadebuch XXIII A. K. Abt. Ia. Anlage zum KTB. Befehle des Korps. zeit: 14.9.1940—31.12.1940. Tätigkeitsbericht Ia. S // NARA.— Т. 314.— р. 678.
 8. Kriegstadebuch № 8 XXIII A. K. Abt. I zeit: 1.4.41— 31.10.41. a // NARA.— Т. 314.— р. 678.
 9. Kriegstadebuch der 16. Armee. Abt. Ia. Anlage 1 zum KTB. // NARA.— Т. 314.— р. 679.
 10. Kriegstadebuch № 8 XXIII A. K. Abt. Ia. Anlage 3. Befehle des Korps. // NARA.— Т. 314.— р. 679.
 11. Kriegstadebuch № 8 XXIII A. K. Abt. Ia. Anlage 2 zeit: 1.4.41—31.10.41. // NARA.— Т. 314.— р. 679.
 12. Kriegstadebuch № 8 XXIII A. K. Abt. Ia. Anlage 1 zeit: 1.4.41—31.10.41. // NARA.— Т. 314.— р. 679.
 13. Kriegstadebuch № 8 XXIII A. K. Abt. Ia. Anlage 4 zeit: 1.4.41—31.10.41. // NARA.— Т. 314.— р. 679.
 14. Kriegstadebuch der 16. Armee. Mai 1941. Anlage 1 zum A. O. K.16. // NARA.— Т. 314.— р. 679.

Ю. Н. Кочерягина

ФОРМЫ РАБОТЫ С СЕМЕЙНЫМ ПОСЕТИТЕЛЕМ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения запросов и потребностей современного посетителя, а также обобщения, расширения и углубления опыта работы с семьёй в культурно-образовательном пространстве Детского музея.

На сегодняшний день проблема классификации форм работы с семейным посетителем наиболее полно изучена и освещена в теоретических трудах Оксаны Владимировны Сидоровой, в её исследовании «Работа с семейной аудиторией в музеях Западной Сибири в конце XX — начале XXI века».

Словарь актуальных музейных терминов (под редакцией Л. С. Глебовой и М. Н. Тимофейчук) не даёт определения конкретно музейной семейной аудитории, а даёт общее понятие аудитории музейной [6, с. 49].

О. В. Сидорова определяет понятие семейной аудитории так: «Это реальные и потенциальные посетители музея, связанные брачными или родственными отношениями разной степени близости» [1, с. 127]. Семья в пространстве музея обладает комплексом специфических характеристик, отличающих её от прочих категорий музейной аудитории, и дифференцируется на две основные группы: семью без детей и семью с детьми. Вторая группа представлена семьями с детьми раннего, дошкольного и младшего школьного, подросткового и юношеского возрастов [2, с. 16].

О. В. Сидорова выделяет 3 этапа процесса разработки теории и практики работы с семейным посетителем.

Первый этап — вторая половина 1980-х гг. В это время публикуются статьи об организации семейного досуга, в которых обобщается опыт работы музеев Сибири. Актуальность этого вопроса объясняется сложной социальной обстановкой, сложившейся в обществе, особенно в среде молодёжи. В деятельности музеев эта работа рассматривается как совершенно новая сфера, развивающаяся главным образом в контексте работы с детьми. Понятие «семья» в этот период включает детско-родительскую аудиторию, работа с которой осуществляется в контексте взаимодействия с детьми старшего дошкольного возраста.

Второй этап — 1990-е гг. В это время увеличивается число музеев, работающих с семьёй, разрабатываются специальные программы, что ука-

зывает на стремление музея к систематическому и комплексному взаимодействию с семейной аудиторией, а также свидетельствует о расширении понятия «семья в музее». В этот период происходит омоложение рассматриваемой аудитории, понятие «семья» расширяется за счёт появления новых категорий: будущие родители и родители с детьми раннего возраста (от 1,5 до 3 лет).

Третий этап — 2000-е гг. Этот период характеризуется повышением интереса исследователей к проблеме взаимодействия музея и семьи в условиях современного общества. В эти годы трансформируется понятие «семья». Оно включает не только семьи с детьми раннего, дошкольного и младшего школьного, подросткового и юношеского возрастов, но и будущих супругов, новобрачных, будущих родителей, а также супругов со стажем семейной жизни [2, с. 4–5].

Работа с семейным посетителем является одним из главных, но сложных направлений в работе Детского музея. В настоящее время мы предлагаем семейному посетителю следующие формы работы: обзорную и тематические экскурсии, праздник «День рождения в музее», новогодние утренники, «Клуб выходного дня», музейно-педагогические занятия на базе временных выставок, консультации и открытые занятия для родителей, которые проходят на базе ГУО «Ясли-сад № 29 г. Полоцка».

В 2015 г., по инициативе молодых родителей, с нами стали сотрудничать семьи с детьми в возрасте от 2-х до 4-х лет.

Учитывая пожелания родителей и возрастные особенности детей, нужно было разработать программу для этой, новой для нас, категории посетителей.

При разработке программы «Дошколёнок» и сценариев занятий, мы столкнулись со следующими трудностями:

- 1) Определение целей и тем будущей программы.
- 2) Выбор места проведения музейных занятий.
- 3) Организация предметной среды, которая должна быть содержательно насыщенной, вариативной, доступной, безопасной и, при необходимости, трансформируемой.

При подготовке занятий сотрудники должны были обратить внимание на:

- отбор предметов для показа;
- особенности восприятия предметного мира детьми этого возраста, в частности, обратить внимание на то, что ребёнок не воспринимает музейную экспозицию в целом, а фиксирует своё внимание на узнаваемых или эмоционально воздействующих на него объектах;

- особенности сенсорного развития детей дошкольного возраста, которое осуществляется посредством тактильного контакта в момент взаимодействия с объектами реального мира;
- сильную эмоциональную связь с мамой;
- отсутствие навыков межличностного взаимодействия и внешнего взаимодействия со взрослым (педагогом);
- отсутствие у родителей навыков работы со своими детьми в пространстве музея.

Цель I части программы «Дошколёнок» (для детей 2–3-х лет): накопление информации об окружающем мире.

Задачи:

- 1) Обеспечить личностное участие ребёнка во взаимодействии со взрослым в момент проведения занятий.
- 2) Способствовать формированию навыков наблюдения за предметами и явлениями.
- 3) Создавать условия для активных действий ребёнка с реальными предметами.

В самом начале реализации программы стала очевидной необходимость консультативной работы с родителями по вопросам тематики, структуры занятий, особенностям работы с музейными предметами в этой возрастной категории детей, ограничения места пребывания детей в музейной экспозиции.

Музейные занятия условно были разделены на 2 группы: организационные и познавательные.

Организационные занятия проводились на базе Детского музея. Перед научными сотрудниками стояла задача объединить детей в единую группу, сформировать первичные навыки слушания, понимания содержания бесед, умения действовать в соответствии с заданными установками.

Занятия познавательного характера проводились сотрудниками филиалов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее — НПИКМЗ).

Сценарии всех занятий совместно прорабатывались и анализировались. Результаты отслеживались путём метода наблюдений с проведением качественного анализа. Особое внимание уделялось изменениям в поведении детей, в частности, появление эмоциональной реакции на музейные предметы, проявление активности в общении с музейным сотрудником, а также умение наблюдать за объектом, слушать речь взрослого.

В 2016—2017 учебном году работа по программе «Дошколёнок» (дети 3—4-х лет) продолжается.

Цель II части программы: способствовать развитию навыков установления элементарных связей между отдельными событиями, явлениями, предметами окружающего пространства.

Задачи:

- 1) Систематизировать накопленные представления детей об окружающем мире.
- 2) Знакомить с предметами, явлениями, событиями, находящимися за пределами непосредственного восприятия и опыта детей.
- 3) Формировать положительное эмоциональное отношение ребёнка к окружающему миру.

Разработанная программа является одной из форм работы с организованным семейным посетителем в музеях НПИКМЗ.

Принимая во внимание тот факт, что 96% от общего числа индивидуальных посетителей (по данным за 2016 г.) составляет индивидуальный семейный посетитель, решено было разработать и предложить конкретный музейный продукт для этой категории посетителей. В связи с этим необходимо было проанализировать:

- особенности поведения членов семьи в пространстве Детского музея;
- особенности коммуникации каждого члена семьи с музейной экспозицией;
- особенности восприятия музейного предмета и информации о нём ребёнком и взрослыми членами семьи.

Результат наблюдений выявил следующие проблемы:

- 1) Во время посещения Детского музея не все родители вовлекают ребёнка в активную познавательную деятельность.

Эту проблему мы пытались решить, предлагая семейному посетителю информационный путеводитель по тематическим комплексам музея. Опыт работы показал, что информационный путеводитель решает только одну проблему: акцентирует внимание на самых интересных экспонатах, но не развивает игровые навыки, наблюдательность, не стимулирует познавательно-исследовательскую деятельность ребёнка. В связи с этим было решено разработать ещё один вид путеводителя для семейного посетителя — игровой.

- 2) Родители недостаточно владеют методами и приёмами, которые помогли бы их ребёнку приобрести соответствующие возрасту знания об окружающем мире.

Частично решить эту проблему нам помогают дидактические игры («собери часы», «предметы прошлого и настоящего», «собери пазлы»), загадки, листки с заданиями.

- 3) Родители не до конца понимают культурную ценность экспонатов, находящихся в экспозиции Детского музея, поэтому не могут сформировать у ребёнка ценностное отношение к музейным предметам и экспозиции в целом.

Учитывая перечисленные выше проблемы, было принято решение разработать экскурсию для семейного посетителя с элементами эвристической и продуктивной видами деятельности.

Эвристическая деятельность ребёнка дошкольного и младшего школьного возраста — это, прежде всего, творческая деятельность, организованная педагогом, в которой ребёнок самостоятельно действует, видит результат проведённого им опыта, т. е. выступает в роли исследователя [3, с. 6].

Цель:

- сформировать представления о различных сторонах изучаемого объекта: назначение, взаимосвязь с другими предметами, связь с абстрактными и конкретными понятиями.

Задачи:

- развивать умения анализировать, сравнивать и обобщать результаты экспериментальной деятельности;
- закреплять полученные знания в продуктивных видах деятельности (рисование, макетирование, лепка, изготовление поделок и т. п.);
- совершенствовать, обогащать и активизировать речевую деятельность ребёнка.
- К методам эвристической деятельности относятся:
 - эвристическая беседа;
 - экспериментирование;
 - моделирование;
 - решение проблемных ситуаций [3, с. 8].
- При организации эвристической деятельности необходимо использовать инновационные музейно-педагогические технологии: интерактивные, игровые, коллективных творческих дел, проблемного обучения.
- Предположительно, экскурсия будет состоять из 2-х частей:
 - информационной;

- эксперыментальна-практычнай, в якой прадусматриваецца правядзенне спроб, эксперыментаў з элементамі эврыстычнай беседы, замацаванне ведаў у прадуктыўных відах дзейнасці.

Для арганізацыі эксперыментальнай дзейнасці мы прадполагаем выкарыставаць памяшканне быўшага камп'ютарнага залы. Гэта будзе сваябразная лабараторыя, в якой дзіцяці будуць прапанаваны матэрыялы для спроб, інструменты для эксперыментаў і прыналежнасці для прадуктыўнай дзейнасці.

Прапануем прыклады некаторых спроб, эксперыментаў і заданняў, якія ўвайдуць у практычную частку экскурсіі для сямейнага наведвальніка.

ЭКСПОЗИЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС «ЧАСЫ».

Дзецям 3—4 гадоў можна прапанаваць эксперымент «Якія часы правільныя».

Мета эксперымента — фарміраваць умяшчэнні параўноўваць і аналізаваць, фармуляваць свае думкі, развіваць увагу, лагічнае мысленне.

Змест эксперымента. Педагаг прапанаваць дзіцяці карцінкі з выявамі лічбавых гадзін, на якіх не хапае стрэлкі, лічбы ці лічбы перапутаны. Затым дзіцяці неабходна адказаць на пытанні: якія з гэтых гадзін няправільныя? Чаму ты так думаеш?

На заключальным этапе дзіцяці прапанаваць зрабіць аплікацыю «Часы».

Дзецям 5—6 гадоў будзе прапанавана зрабіць макет немеханічных (сонечных) гадзін.

Мета эксперымента: пазнаёміць з прынцыпам дзеяння немеханічных гадзін, развіваць умяшчэнні фармуляваць свае думкі і лагічна аб'ясняваць свой адказ.

Змест эксперымента. Прадварыцельная беседы аб відах немеханічных гадзін. Разам з педагагам і бацькамі дзіцяці мадэлююць сонечныя гадзіны. Пасля мадэлявання педагаг задае шэраг пытанняў праблемнага зместу, напрыклад, па зрабленым гадзінам можна вызначыць час? Наскольна дакладна? Чаму сёння людзі не карыстаюцца такімі гадзімамі? Табе было б зручна карыстацца такімі гадзімамі? Чаму? Якія гадзіны замянілі ўсе немеханічныя?

Дзецям 7—10 гадоў можна прапанаваць параўнаць лічбавыя сонечныя і механічныя гадзіны.

Мета эксперымента: развіваць умяшчэнні знаходзіць адрозніжжы паміж прадметамі і рабіць высновы на аснове назіранняў, параўнанняў, разважанняў.

Содержание эксперимента. Педагог предлагает рассмотреть циферблат солнечных часов (на примере солнечных часов, находящихся во дворе музея) и циферблат механических часов, прокомментировать (если необходимо — с помощью взрослых), различия. Эксперимент завершается продуктивной деятельностью (конструирование модели солнечных часов).

В заключение хотелось бы в общем виде сформулировать условия успешного проведения экскурсии с элементами эвристической и продуктивной видов деятельности:

- диалогическое общение всех участников;
- экскурсовод сообщает определённый объём информации, на базе которой формулируются проблемные вопросы, т. о. создаётся ситуация поиска, исследования;
- вопросы должны быть посильными и вызывать познавательный интерес;
- неправильный ответ исправляется самими участниками диалога;
- участники экскурсии переживают успех и чувства первооткрывателя.

Список литературы и источников

1. Сидорова, О. В. Семейная аудитория как объект музейно-педагогической работы / О. В. Сидорова // Социс.— 2011.— № 11.— С. 126—131.
2. Сидорова, О. В. Работа с семейной аудиторией в музеях Западной Сибири в к. XX—XXI вв. / О. В. Сидорова // Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс].— 2012.— Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rabota-s-semeinoi-auditoriei-v-muzeyakh-zapadnoi-sibiri-v-kontse-xx-nachale-xxi-veka>.— Дата доступа: 19.01.2017.
3. Смолер, Е. И. Развитие старших дошкольников в эвристической деятельности / Е. И. Смолер.— Минск: Нац. ин-т образования, 2014.— 94 с.
4. Решетников, Н. И. Музей и музееведческие проблемы современности / Н. И. Решетников // Открытый текст. Электронное периодическое издание [Электронный ресурс].— 2014.— Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/museum/N.I.Reshennikov._Museum_and_the_Museological_problems_of_modernity/?id=6222.— Дата доступа: 10.01.2017.
5. Поправко, Е. А. Музееведение / Е. А. Поправко // Библиотека методических работ [Электронный ресурс].— 2014.— Режим доступа: <http://abc.vvsu.ru/books/muzeebed/page0016.asp>.— Дата доступа: 19.01.2017.
6. Словарь актуальных музейных терминов / под общ. ред. Л. С. Глебова, М. Н. Тимофейчук.— М., 2009.— С. 47—69.

УДК [351.7+639.21](476.5-21Полоцк)"19"

В. А. Ледник

ПОЛОЦКАЯ ОБЛАСТНАЯ ИНСПЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЫБНОГО НАДЗОРА В 40-Е — НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ ХХ СТ.

Полоцкая областная инспекция государственного рыбного надзора Главного управления рыбной промышленности при Совете Министров БССР была образована в 1944 г. и прекратила своё существование 8 января 1954 г. Большая часть документов, относящихся к работе инспекции, охватывает период с 1946 по 1951 г.

В первые годы своего существования работа инспекции только налаживалась. Во главе Полоцкой областной инспекции государственного рыбного надзора находился старший инспектор, который занимался управлением и составлением ежегодных отчётов о проделанной работе. В подчинении старшего инспектора находились межрайонные инспекторы, которые отправлялись в командировки из города Полоцка в районные центры Полоцкой области [15], где вели наблюдение за соблюдением законодательства, задерживали нарушителей и выписывали им штрафы. Также межрайонные инспекторы вели работу с предприятиями и наёмными артелями по контролю выполнения государственного плана по вылову рыбы. Кроме того, они вели агитационную работу с населением области по соблюдению законодательства, регулирующего рыбную ловлю [12]. В районных центрах и отдельных деревнях из числа лучших рыбаков назначались общественные инспекторы, задача которых заключалась в помощи межрайонным инспекторам в наблюдении за рыбной ловлей. Общественные инспекторы снабжались удостоверениями, но, в отличие от старшего и межрайонных инспекторов, не получали заработную плату [1].

Состав Полоцкой областной инспекции государственного рыбного надзора менялся с течением времени. Так, по документам, на январь 1946 г. в неё входили: один старший инспектор и два межрайонных инспектора, а к августу 1946 г. число межрайонных инспекторов увеличилось до трёх. Возглавлял инспекцию в 1946 г. старший инспектор Н. И. Семенов, по ведомостям о зарплате он являлся орденоносцем [2].

О деятельности инспекции в 1946 г. можно судить по приказу по управлению Госрыбнадзора от 26 июля 1947 г. [14] и приказу по отделу рыбоохраны и рыболовства Главрыбпрома при совете министров БССР от 31 мая

1947 г. [11], согласно которым старший инспектор Н. И. Семенов не подал данные с каждого водоёма в отдельности по выловленным породам рыбы и о вылове рыбы с 1 га озера и с 1 км реки. Не учёл замор некоторых водоёмов, в результате чего не были подготовлены рыболовецкие бригады и местное население выловило из заморенных водоёмов 59,5 ц рыбы. Остатки коры, леса и сваи оседали на дно реки Ушача и загромождали проход нерестящейся рыбе, но старший инспектор Полоцкой области на это не отреагировал. Н. И. Семенов не ставил в известность о фактах глушения рыбы отдел рыбоохраны и рыболовства Главрыбпрома. С общественными инспекторами не проводилось никаких инструктажей, водоёмы не изучались, поэтому было неизвестно их качество и породы рыбы, в них обитающие [14]. В 1946 г. инспектор Полоцкой области Н. И. Семенов не следил за проведением мелиорации, в результате чего был сорван государственный план [11].

Также в обязанности инспекции входило: воспроизводство рыбных запасов, освещение своей деятельности в местной печати, разъяснительная работа среди школьников, «о вреде глушения рыбы и наносимом ущербе в рыбном хозяйстве в водоёмах БССР», конфискация орудий лова и рыбы у нарушителей рыболовного Устава, с перечислением денег в государственный доход и удержанием 30% премиальных, подача данных об орудиях лова организаций, выдача удостоверений и недопущение к лову ни одного рыбака без удостоверения личности [12].

Согласно приказу по отделу рыбоохраны и рыболовства Главрыбпрома при совете министров БССР от 26 июля 1947 г., Н. И. Семенова сняли с должности старшего инспектора с понижением на должность межрайонного инспектора Полоцкой области с 1 августа 1947 г. и назначили на должность старшего инспектора области И. Ф. Мироненко [14].

Полоцкая область включала в себя 1/3 всех облавливаемых водоёмов БССР. Главным рыболовецким объединением в регионе был Полоцкий государственный рыбопромышленный трест, объединяющий 5 предприятий: Полоцкий, Ушачский и Освейский рыбзаводы, Браславский и Козловский рыбпромхозы. Второстепенными рыбодобывающими организациями в 1940-х гг. в области являлись: ОРС Браславского лесстройхоза, Миорская пищевая артель «Труд», Дисненская артель им. Баграмяна, Полоцкий райпотребсоюз, Россонский райпотребсоюз, Ушачский райпотребсоюз, Полоцкая артель «Пищевик», Ветринская артель «Победа» и Ветринский райпотребсоюз.

Согласно отчёту о деятельности государственной инспекции рыболовного надзора по Полоцкой области за 1947 г., область включала 444 озера. Их площадь составляла 64 930 га. Протяжённость рек Полоцкой области, согласно отчёту, была 595 км. Паспортизация водоёмов производилась в

1945 г. и в 1946—1947 гг., в период организации рыболовного хозяйства на освобождённых территориях.

Крупнейшие озёра области были: Освейское, Лисно, Нещедро, Плисса, Тетча-Черствяты, Паулье, Березово, Отолово, Белое-Каплярово, Укля, Дрисвяты, Богино, Обстерно, Снуды, Струсно, Дривяты. Облавливаемых рек было две — Друйка и Западная Двина.

Полоцкий госрыбтрест как крупнейшее рыболовецкое объединение в области получил государственный план вылова рыбы на 1946 г. 3 400 ц и выполнил его. Контроль за выполнением плана вылова рыбы был возложен на Полоцкую областную инспекцию государственного рыбного надзора Главного управления рыбной промышленности при Совете Министров БССР. В 1947 г. полоцкому Госрыбтресту был спущен новый план вылова рыбы — 5 300 ц, который был больше прошлогоднего на весьма значительную цифру — 56%. План был принят на областном совещании рыбаков и доведён до предприятий треста, которые на основании плана заключили договоры с рыболовецкими колхозами, промыслово-кооперативными товариществами, артелями рыбаков и одиночками-контрактантами.

Однако в мае 1947 г. Госрыбтресту был доведён новый план на год, в 9 900 ц, что составило увеличение по отношению к прошлогоднему плану на 291%. И рыболовецкие предприятия области с новым планом не справились. В своем отчёте за 1947 г. старший инспектор Полоцкой области И. Ф. Мироненко сообщает, что за 1947 г. Госрыбтрестом было выловлено 4 651 ц рыбы, что составило всего 46,8% от плана, принятого в мае 1947 г.

Перечисляя причины, по которым Госрыбтрест не справился с выполнением плана, И. Ф. Мироненко указывает, что рыбаки и транспорт Освейского рыбзавода были сняты во второй половине 1947 г. на выполнение других мероприятий, и подобное имело место во всех районах области.

Также среди причин перечисляются плохие метеоусловия: холодная весна, из-за которой нерест щуки шёл подо льдом, и был недружный нерест разных пород рыбы.

Оправдывая действия инспекции области и Госрыбтреста, И. Ф. Мироненко пишет, что план был спущен без учёта качества фактически освоенных и облавливаемых водоёмов области. Согласно отчёту, план был доведён и на водоёмы, которые трестом не облавливались вследствие их непригодности: захламление, заросли, неразминирование и т. д. Под новый план не была подведена и материальная база: дополнительные орудия лова, флот, автотранспорт и другие средства производства. А также не была учтена структура предприятия. По подсчётам Главка под план в 5 300 ц, необходимо было следующее количество орудий лова: 56 неводов, 1 351 сеть,

38 мутников и забротков, 4 053 мережа. И. Ф. Мироненко отмечает, что Главком было обещано увеличить орудия лова в течение года под новый план, но этого сделано не было.

И далее старший инспектор сообщает ценные данные по материальному обеспечению областной инспекции и Госрыбтреста. Согласно отчёту И. Ф. Мироненко, на 1947 г. для выполнения плана в предприятиях области было: 47 неводов, 687 сетей, 28 бредней, 3 383 мережа. Из обещанных Главком 7 машин, Полоцкая областная инспекция в 1947 г. получила только 3 машины марки «Шеврале» после капитального ремонта. Всего же на службе инспекции имелось 6 автомашин, однако для их ремонта не было запасных частей и машины обеспечивались горючим на 25—30% от необходимого для работы инспекции. Также на вооружении инспекторов было два пистолета марки «Парабеллум». Но для борьбы с птицами-хищниками И. Ф. Мироненко в отчёте просил охотничьи ружья.

Некоторые предприятия, согласно отчёту, не вели тоневого журналов, из-за чего невозможно было подать точные данные по вылову рыбы. Согласно сравнительному анализу И. Ф. Мироненко, водоёмы области в 1947 г. эксплуатировались лишь на 55%, по отношению к 1940 г., т. к. многие водоёмы за время войны заросли жесткой растительностью, некоторые были загромождены военной техникой. Очень важной причиной уменьшения вылова рыбы по отношению к 1940 г. старший инспектор считал бомбёжку взрыввеществами водоёмов во время войны военными и партизанами. Особенно пострадали водоёмы Освейского, Ветринского, Ушачского и Россонского районов.

Старший инспектор Полоцкой областной инспекции жаловался на имевшее место массовое глушение рыбы в 1947 г. На задержанных при этом лиц оформлялись дела, которые передавались в органы прокуратуры, но последние никаких мер по отношению к нарушителям не предпринимали. По сведениям И. Ф. Мироненко, глушением рыбы в значительной мере занимались военные, расквартированные на территории Полоцкого и Ветринского районов. Были случаи, что личность глушащих рыбу установить не удавалось, т. к. последние применяли огнестрельное оружие к работникам инспекции и другим лицам, пытавшимся помешать незаконному виду лова.

Неоднократно работниками инспекции задерживались незаконные средства лова браконьеров, но по распоряжению местных органов власти орудия лова возвращались браконьерам (в Ушачском и Россонском районах).

В отчёте имеются сведения и о работе 47 человек общественных инспекторов. Они не знали своих функций и не имели в большей части даже удостоверений, за 1947 г. с ними было проведено лишь в самом конце года

4 занятия. В 1947 г. на нарушителей правил было заведено 27 дел и собрано штрафов на сумму 1 900 рублей. В районах было проведено 9 собраний с рыбаками рыболовецких бригад. Рака за 1947 г. в Полоцкой области было выловлено 71 650 штук. Была острая необходимость восстановления прудовой площади.

Отчёт заканчивался просьбой пополнить штат инспекторов хотя бы до 5 человек, так как Полоцкая область включала в себя 1/3 всех облавливаемых водоёмов БССР. И обеспечить межрайонных инспекторов лошадьми или велосипедами, так как запасных частей для машин не было, а некоторые водоёмы Полоцкой области располагались на расстоянии в 100 км [7].

По отчёту 1948 г., за год практически была решена проблема ведения тоневых журналов предприятиями, что увеличило точность подаваемых инспекцией данных по вылову рыбы. По вопросу оказания помощи в деле прекращения глушения рыбы военнослужащими в 1948 г. было написано письмо начальнику гарнизона генералу Заводовскому, который в ответе обещал принять все меры к предотвращению подобных фактов, и массовое глушение рыбы военнослужащими прекратилось.

Полоцкому госрыбтресту на 1948 г. был доведён план вылова рыбы в 8 600 ц. Предприятия области вновь не справились с выполнением плана. Однако неудачный опыт прошлого года и ужесточённый вследствие него контроль инспекции, более слаженная работа рыболовецких бригад и заведение предприятиями тоневых журналов привели к значительному повышению вылова рыбы. Предприятиями Госрыбтреста за 1948 г. было выловлено 8 000,97 ц рыбы.

Оправдывая невыполнение плана областью в 1948 г., старший инспектор И. Ф. Мироненко вновь жаловался на снятие рыбаков на другие виды работы в колхозах Освейского района. Также из-за недостатка запасных частей к автотранспорту в Ушачском озрыбхозе в летнее время рыбаки прекратили лов рыбы потому, что озрыбхоз не вывозил от них рыбу, которая уже имелась в наличии.

Согласно отчёту старшего инспектора, в 1948 г. местные органы власти продолжали отказываться от сотрудничества с инспекцией. Так, прокурору Браславского района был направлен материал на рыбака Браславского ОРХ, который систематически продавал угря на сторону. Прокурор Браславского района намеренно оставил дело без результатов. Также прокурору Освейского района был передан материал на председателя колхоза «Приозёрный» тов. Чапкевича, который распоряжался рыбой по своему усмотрению, вместо того, чтобы сдавать её на склад озрыбхоза, но результатов расследования также не было.

Однако в случае нарушения законодательства местными рыболовецкими организациями следовало наказание. Так, озеро Отолово было передано для облова Ушачскому рыбзаводу. Но в 1948 г. облов на данном водоёме организовали бригады Лепельского рыбзавода, что являлось нарушением рыболовного законодательства. Директору Лепельского рыбзавода Главрыбпромом при совете министров БССР был объявлен выговор с предупреждением, а в целях возмещения убытков выловленная лепельскими бригадами рыба была отнесена к плану вылова Ушачского рыбзавода.

Сложнее складывалась ситуация, если законодательство нарушали рыболовецкие организации из других республик. Так, прокурору Видзовского района был передан материал на гражданина Богдановича, который нанялся заводничем у рыбаков Литовской ССР и завёл их на водоёмы, эксплуатируемые Браславским озрыбхозом, за что получил от них 900 кг рыбы, которую он продал на сторону райпотребсоюзу. Прокурор в возбуждении уголовного дела против гражданина Богдановича отказал.

В 1948 г. в области было 42 общественных инспектора из числа лучших рыбаков, однако работу среди них не провели. В момент пребывания сотрудников Госрыбнадзора в районах было проведено 8 собраний с рыбаками в населённых пунктах.

На вооружении сотрудников инспекции в 1948 г. было три огнестрельных пистолета, дополнительно к двум пистолетам марки «Парабеллум» на вооружении появился пистолет системы «Вальтер». В 1948 г. в Полоцкой области был сорван план мелиоративных работ. В 1948 г. в области началось искусственное оплодотворение икры ценных пород, но оно было выполнено лишь на 70%. Привлечённым к этому специалистам заплатить за работу инспекция не смогла, о чём старший инспектор неоднократно сообщал Главрыбпрому. Также шла борьба с лесосплавом и с выловом маломерных ценных пород рыб. В конце отчёта о деятельности инспекции за 1948 г. старший инспектор И. Ф. Мироненко жаловался, что транспорта для передвижения старшего и межрайонного инспекторов Полоцкой областной инспекции не было никакого. И попросил ускорить строительство рыбозаводного завода в Браславе [8].

В 1949 г., согласно отчёту старшего инспектора о деятельности инспекции за 1949 г., в Полоцкой области в промышленных масштабах начали облавливать реку Дисна.

План вылова рыбы для Госрыбтреста на 1949 г. составил 10 700 ц. Рыболовецкие предприятия Полоцкой области вновь не справились с планом, за 1949 г. было выловлено 9 757 ц рыбы. Старший инспектор области объяснял срыв плана вылова рыбы недостатком автомашин и моторного

флота, который в несколько раз повысил бы эффективность выполнения плана. А также отстранением от работы рыбаков в Освейском озрыбхозе. Озёра в ряде районов облавливались, по мнению старшего инспектора, недостаточно.

Количество общественных инспекторов было доведено до 57 человек, и в 1949 г. впервые была организована их слаженная работа. Общественные инспекторы Полоцкой области не допускали вылова мелкого леща и судака, лова рыбы в запрещённое время, вылова ценных пород рыбы на ямах в зимнее время, вели контроль за подрывными командами в весеннюю путину, не допускали глушения рыбы, вели разъяснительную работу среди рыбаков.

Всего за 1949 г. по области было задержано 57 нарушителей правил рыболовства. Оштрафовано в административном порядке 24 человека на сумму 2 005 рублей и, по решению суда, 3 человека оштрафованы на сумму 1 400 рублей. На 8 лет был осуждён 1 человек за хищение рыбы. Органы МВД, прокуратура неохотно начали сотрудничать с представителями инспекции в рассмотрении дел.

В мае 1949 г. инспекцией было организовано искусственное оплодотворение икры леща и судака, а также проведена проверка плана рыбодобычи контрактантами, содержания и количества орудий лова [9].

От 18 мая 1949 г. вышел приказ по управлению Госрыбнадзора, по которому в целях борьбы с браконьерством управляющим трестов и директорам озрыбхозов к 1 июля 1949 г. было необходимо нанести в носовой части лодок с обеих бортов белой краской четырехугольник размером 40x40 см, на котором чёрной краской проставлялся инвентарный номер Госрыбнадзора и внизу буквы Г. Р. Н. [13].

Согласно приказу Главка № 101 по хозяйствам Полоцкого Госрыбтреста с августа 1949 г. начато пломбирование орудий лова, которое закончилось в сентябре 1949 г. По результатам проверки орудий лова оказалось, что только 20% орудий лова были в состоянии годности. В связи с этим инспекция Госрыбнадзора составила акт, который выслала в отдел рыбоохраны и рыболовства Главрыбпрома. При проверке орудий Освейского озрыбхоза выяснилось, что орудия лова были частично осмолены плохой смолой, которая не выдерживала технически положенных норм [10].

В 1949 г. в области началась реорганизация разрозненных рыбопромысловых товариществ в рыболовецкие колхозы, были предложены меры для распространения угря и кроме завода в Браславе было запланировано строительство 2 плотин [9].

После 1949 г. данные Полоцкой областной инспекции государственного рыбного надзора, становятся значительно более фрагментарными. По дан-

ным инспекции, план вылова рыбы на 1950 г. был выполнен Госрыбтрестом лишь на 80%. А за 4 месяца 1951 г. план вылова рыбы Госрыбтрестом на квартал был выполнен на 84%. По расчётам старшего инспектора, за 1950 г. народное хозяйство недополучило 537 центнеров рыбы. План на 1950 г. по выращиванию карпа был выполнен на 49,6%, а зарыбления прудов — на 78%. Трестом был допущен срыв плана по горячему копчению и выпуску рыбных консервов. А холодное копчение и сушка рыбы совершенно не производились.

За 1950 г. убытки по тресту составили 124,4 тыс. руб., а растраты и хищения составили сумму в 59 тыс. руб.

В 1950 г. инспекцией было предложено организовать во всех районных центрах области ларьки и обеспечить в них бесперебойную продажу свежей рыбы. А также была просьба к совету министров БССР выделить Полоцкому Госрыбтресту: 4 грузовых автомашины, 300 пар резиновых и 100 пар кожаных сапог, а также 300 штук плащей для озрыбхозов. И просьба ускорить строительство копильного завода и холодильника в Полоцком озрыбхозе [16].

Представляют интерес и данные по составу рыболовецких бригад Полоцкой области. Так, трест объединял в 1947 г.: 3 бригады гослова, 6 колхозных рыболовецких бригад, 8 колхозно-кооперативных товариществ, 20 артелей-контрактантов. Всего 519 человек. Удельный вес гослова по тресту был всего 10%, а 90% — вылова рыбы производилось на договорных началах [7].

В 1948 г. трест объединял уже: 5 бригад гослова, 6 колхозных рыболовецких бригад, 8 колхозно-кооперативных товариществ, 17 артелей контрактантов, и определённое количество контрактантов одиночек. Общая численность треста 378 человек. Удельный вес гослова по тресту был уже 32%, а 68% плана скупалось на договорных началах. В восьми западных районах рыболовецких бригад и колхозов не было. Многие крестьяне там были зажиточные и занимались рыболовством от случая к случаю, в свободное время от сельскохозяйственных работ. Из 378 контрактантов 276 приходилось на западные районы области [8].

В 1949 г. предприятия треста включали: 12 бригад гослова, 9 колхозных рыболовецких бригад, 5 колхозно-кооперативных товариществ, 2 артели контрактантов и контрактантов-одиночек 30 человек [9].

Таким образом, доля гослова в Полоцкой области каждый год увеличивалась.

Составить представление о вылове рыбы в Полоцкой области в конце 40-х г. XX ст. можно по данным таблиц, представленным ниже:

Табл. 1. *Данные вылова рыбы по Полоцкому Госрыбтресту за 1948 г. в центнерах [3].*

щука	лещ	плотва	окунь	густера	судак	укляя	угорь
768,39	753,25	1 691,11	238,3	94,32	60,62	79,05	47,26

Табл. 2. *Данные вылова рыбы по Полоцкому озрыбхозу за 1948 г. в килограммах [4].*

щука	лещ	плотва	окунь	густера	судак
11 693	26 830	99 576	3 492	1 921	675

Табл. 3. *Данные вылова рыбы по Полоцкому озрыбхозу за 1949 г. в килограммах [5].*

щука	лещ	плотва	окунь	густера	судак
12 428	16 175	35 655	1 266	54 008	1 596

Табл. 4. *Данные вылова рыбы по Полоцкому озрыбхозу за 1950 г. в килограммах [6].*

щука	лещ	плотва	окунь	густера	судак
5 716	11 361	13 508	1 000	19 558	268

Таким образом, Полоцкая областная инспекция государственного рыбного надзора Главного управления рыбной промышленности при Совете Министров БССР содействовала успешному развитию рыболовецкой промышленности в области на протяжении всего своего существования. Вместе с тем, планы вылова рыбы, доводимые предприятиям Полоцкой области государством, контроль выполнения которых возлагался на инспекцию области, превышали реальные возможности предприятий. Причём не соответствовала как материально-техническая база предприятий, так и состояние водоёмов, на которые составлялись планы вылова рыбы. Местные органы власти только к 1949 г. начали сотрудничать с областной инспекцией в заведении уголовных дел на задержанных инспекторами нарушителей законодательства. Несмотря на недостаток финансирования, инспекция области занималась разведением ценных пород рыбы. Работа с общественными инспекторами на местах велась

плохо, многие из них даже не знали своих обязанностей. Данная работа была налажена только к 1949 г., что привело к значительному повышению эффективности работы инспекции. Проблема отсутствия транспорта для перемещения по области инспекторов так и не была решена, что зачастую сводило на нет работу инспекторов. Доля государственных работников в вылове рыбы по области, неизменно увеличивалась, видимо, искусственно. Поскольку государственных работников было проще контролировать, чем контрактантов и государственная работа больше соответствовала идеологии партии. Хотя стартовые позиции у наёмных рыбаков в экономике области после войны были хорошие, ещё в 1947 г. наёмные рыбаки контрактанты организовывали 90% вылова рыбы по области. Неохотное сотрудничество местных органов власти с инспекторами, как и отсутствие финансирования на транспорт, а также строительство завода для рыбозаведения в Браславе, говорит о второстепенности для государства рыболовецкой промышленности, на фоне необходимости восстановления экономики в послевоенный период.

Список литературы и источников

1. Ведомость по выплате зарплаты работникам Полоцкой инспекции Госрыбнадзора за август 1946 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 1.
2. Ведомость по выплате зарплаты работникам Полоцкой инспекции Госрыбнадзора за январь 1947 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 1.
3. Данные вылова рыбы по Полоцкому Госрыбтресту в центнерах за 1948 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 4.
4. Данные вылова рыбы по Полоцкому озрыбхозу в килограммах за 1948 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 4.
5. Данные вылова рыбы по Полоцкому озрыбхозу в килограммах за 1949 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 4.
6. Данные вылова рыбы по Полоцкому озрыбхозу в килограммах за 1950 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 4.
7. Отчёт о деятельности государственной инспекции рыбного надзора по Полоцкой области за 1947 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 3.
8. Отчёт о деятельности инспекции Госрыбнадзора по Полоцкой области за 1948 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 3.
9. Отчёт о деятельности инспекции Госрыбнадзора по Полоцкой области за 1949 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 3.
10. Отчёт по Инспекции Госрыбнадзора по Полоцкой области «Выполнение приказа Главка № 101 о пломбировании орудий лова» // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 5.

11. Приказ по отделу рыбоохраны и рыболовства Главрыбпрома при совете министров БССР от 31 мая 1947 года // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 2.
12. Приказ по управлению Госрыбнадзора от 15 марта 1947 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 2.
13. Приказ по управлению Госрыбнадзора от 18 мая 1949 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 2.
14. Приказ по управлению Госрыбнадзора от 26 июля 1947 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 2.
15. Приказ № 7 по Полоцкой областной инспекции государственного рыбного надзора Главного управления рыбной промышленности при Совете Министров БССР // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 5.
16. Решение исполкома полоцкого областного совета депутатов трудящихся № 491 от 14 июня 1951 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 774.— Оп. 1.— Д. 2.

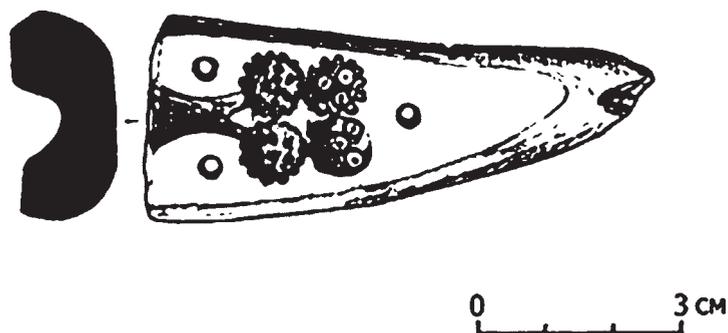
УДК [904-035+621.74](476.5-21Полоцк)

І. У. Магалінскі

РОГАВАЯ ЛІЦЕЙНАЯ ФОРМА XII—XIII СТСТ. З МУЗЕЙНЫХ ЗБОРАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

У вытворчасці ўпрыгожанняў масавага попыту пачатковай, а для многіх вырабаў адзінай формаўтваральнай вытворчай аперацыяй было ліццё. У сувязі з гэтым формы для адліўкі ювелірных упрыгажэнняў з'яўляліся важнымі прыстасаваннямі ліцейшчыкаў, якія выкарыстоўваліся як для вырабу цэлага прадмета, так і яго асобных канструктыўных элементаў ці нарыхтовак. Акрамя таго, у формах адлівалі васковыя ці металічныя мадэлі для наступнай рэдулікацыі прадметаў шляхам ліцця па адбітку [1, с. 78].

Ліцейныя формы рабілі з розных парод каменю, гліны, дрэва, бронзы ці рога. Яны адрозніваюцца складанай канструкцыяй і ўтрымліваюць інфармацыю аб ліцейнай тэхніцы, прыёмах апрацоўкі металаў і прафесійным узроўні майстроў [2; 3; 4; 5, с. 350; 6].

Малюнак. Рогавая ліцейная форма XII—XIII стст.

Паводле нашых падлікаў, на тэрыторыі Полацка было выяўлена не менш за 30 ліцейных форм. Сярод іх не толькі цэлыя экзэмпляры, але фрагменты, нарыхтоўкі і бракаваныя вырабы. У цяперашні час у музейных зборах краіны захоўваюцца 23 ліцейныя формы з Полацка [7].

Ліцейныя формы адрозніваюцца ад іншых вырабаў адмысловай канструкцыяй. Для заліўкі металу ў форме выразаўся спецыяльны канал-літнік, які звычайна меў выгляд варонкі. Частка форм раздымныя, складаюцца з дзвюх і больш частак. Для больш шчыльнага злучэння створах часта выкарыстоўваліся штыфты. Большасць полацкіх знаходак зроблена з каменю шэрага ці светла-шэрага з жоўтым адценнем колеру. Гэта мікрязярністая, а месцамі дробназярністая карбанатная парода, нераўнамерна раскрышталізаваная з адзінкавымі дробнымі зернямі кварцу [8, с. 130]. Акрамя каменю, полацкія ліцейныя формы рабіліся з металу, гліны і рога.

Вельмі рэдкай знаходкай з'яўляецца рогавая ліцейная форма (7,2×2,8×1,3 см). Прадмет раздымны, двухстворкавы, закрыты, з рабочай паверхняй у дзвюх створках, з адным літнікам (малюнак). Форма зроблена з расплаванага ўздоўж і добра апрацаванага шчыльнага рога. На вонкавай паверхні вырабу размешчаны невялікі варонкападобны літнік з двума каналамі, а таксама выявы будучых адлівак — гэта чатыры пацеркі (малюнак). На трох з іх павінна была размяшчацца імітацыя зерні, а на чацвёртай — цыркульны арнамент.

Прадмет паходзіць з матэрыялаў даследаванняў вытворчага ювелірнага комплексу XII—XIII стст. на тэрыторыі Вялікага пасада (раскопкі С. В. Тарасава). Падчас археалагічных прац у межах другога будаўнічага гарызонту быў выяўлены вялікі сядзібны комплекс, які складаўся з сямі пабудоў, размешчаных на плошчы 1 500 кв. м [9, с. 268]. У межах сядзібы знойдзена значная колькасць артэфактаў, якія ўказваюць на характар заняткаў

яе жыхароў. Сярод слядоў ювелірнай вытворчасці можна адзначыць раўнаплечыя вагі, гіркі-разнавагі, ювелірны пінцэт, тыглі для плаўкі каляровых металаў, ліцейныя формы, нарыхтоўкі і гатовыя вырабы (звярынагаловыя бранзалеты, спіралеканечныя падковападобныя фібулы, крыжапраразныя бразготкі, гузікі і інш.) [9, с. 270].

Рогавыя формы з'яўляюцца вельмі рэдкай знаходкай. Падобныя вырабы былі выяўлены ў Бірке, Хэдэбю, Ноўгарадзе, Пскове¹ і Сярэнску [1, с. 285]. Сярод азначаных аналогій толькі выраб з Сярэнска апублікаваны. Ліцейная форма прадстаўлена створкай з абточанага кавалка рога. Форма шматразовая, жорсткая, разная, аднабаковая, гарызантальная, адкрытая, моцна абпаленая. Выраб прызначаўся для адліўкі квадратнай бляшкі, упрыгожанай арнамантам з трохвугольнікаў. Датаванне прадмета адсутнічае.

Зыходзячы з фізічных характарыстык матэрыялу, з якога зроблена полацкая форма, можна дапусціць, што такія прыстасаванні маглі ўжывацца для вырабу васковых мадэляў.

Трэба адзначыць, што ў апошні час у гістарыяграфіі ўсё большае распаўсюджанне атрымлівае думка, згодна з якой усе ліцейныя формы, у тым ліку і каменныя, выкарыстоўваліся для вырабу васковых ці металічных мадэляў. Між тым, у матэрыялах раскопак старажытнага Ноўгарада сустракаюцца таксама і драўляныя ліцейныя формы, ужыванне якіх для адліўкі металічных упрыгажэнняў з алавяніста-свінцовых сплаваў з невысокай тэмпературай плаўлення не выклікае сумненняў [10, с. 220]. У сувязі з гэтым нельга выключаць магчымасці выкарыстання і дадзенай рогавай формы для непасрэднай адліўкі ўпрыгажэнняў.

Ювелірныя вырабы, зробленыя з алавяна-свінцовых сплаваў, знешне вельмі нагадвалі дарагія сярэбраныя ўпрыгажэнні, якія былі не даступныя для простых гараджан. Відавочна, што падобная тэхніка выкарыстоўвалася для вытворчасці ў першую чаргу простых у выкананні вырабаў масавага попыту, што азначае рыначную арыентацыю рамяства.

Верагодна, большую частку ліцейных форм рабілі самі ювеліры. На гэта ўказваюць знаходкі нарыхтовак, а таксама браку вытворчасці ў межах вытворчых ювелірных комплексаў. Акрамя таго, толькі ювеліры ведалі фізічныя характарыстыкі большасці металічных сплаваў, а таксама іх паводзіны пад уздзеяннем высокіх тэмператур, што дазваляла разлічыць неабходныя памеры літніка, а таксама аб'ём металу, патрэбны для адліўкі ўпрыгажэнняў.

¹ Інфармацыя Н. В. Еніосавай

Такім чынам, знаходка на тэрыторыі Полацка рогавай ліцейнай формы яшчэ раз падцвярджае высокі ўзровень тэхналогіі мясцовага ювелірнага рамяства, якое стаяла ў адным шэрагу з буйнейшымі рамеснымі цэнтрамі Сярэднявечча.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Зайцева, И. Е. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI—XIII вв. / И. Е. Зайцева.— М.: Индрик, 2011.— 404 с.: ил.
2. Дайга, И. В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) / И. В. Дайга // Советская археология.— 1960.— № 3.— С. 78—92.
3. Ениосова, Н. В. Литейные формы Гнёздова / Н. В. Ениосова // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина).— М., 1998.— С. 67—81.
4. Кізіюкевіч, Н. А. Знаходкі сярэднявечных ювелірных інструментаў на помніках Беларускага Панямоння / Н. А. Кізіюкевіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі.— Мінск, 2010.— Выпуск 19: Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны.— С. 92—99.
5. Рыбаков, Б. А. Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков.— М.: Академия наук СССР, 1948.— 784 с.
6. Зайцева, И. Е. Каменные литейные формы Серенска / И. Е. Зайцева // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара.— М., 2008.— Выпуск 4.— С. 152—160.
7. Магалінскі, І. У. Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка X—XVII стст. / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка).— Мінск: Беларуская навука, 2011.— С. 184—193.
8. Митрофанов, А. Г. Древний Полоцк (по археологическим данным) / А. Г. Митрофанов, Г. В. Штыхов, В. Р. Тарасенко // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі.— № 124.
9. Тарасаў, С. В. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII—XIII стст. / С. В. Тарасаў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі / уклад. Т. А. Джумантаева.— Полацк, 2003.— С. 267—272.
10. Рындина, Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. / Н. В. Рындина // Материалы и исследования по археологии СССР.— М., 1963.— № 117: Труды новгородской археологической экспедиции.— Т. 3.— С. 200—247.

УДК 355.48(09)(476.5-21)"1942/1944"

*К. А. Нарейко***СВЕДЕНИЯ О НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ОБЪЕКТАХ
В Г. ПОЛОЦКЕ СОГЛАСНО РАЗВЕДАННЫМ
ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ ИМ. В. И. ЧАПАЕВА**

Партизанская бригада им. В. И. Чапаева («Смерть фашизму») была создана в июне 1942 г. в Ушачском районе. Бригада возникла не стихийно, подготовка к её созданию велась ещё в 1941 г. В июле — августе 1941 г. в Ушачском районе под руководством оставленного в тылу врага для подпольной работы секретаря райкома КП(б)Б С. Я. Бородавкина и партийно-советского актива возникли и начали действовать подпольные партийно-комсомольские группы [2, с. 255]. В их состав вошли как местные патриоты, так и не вышедшие из окружения военнослужащие.

В мае 1942 г. из полоцкого лагеря для военнопленных бежала группа бывших командиров Красной Армии и красноармейцев в количестве 8 человек во главе с лейтенантом Т. Д. Плохотнюком. Через непродолжительное время они прибыли в Ушачский район. В лесу под д. Усвица Ушачского района их встретил местный активист В. Я. Василевский. В это же время в леса вышла группа крестьян Глыбочанского сельсовета и группа мл. лейтенанта А. Я. Конева из Бешенковичского района. Из этих групп был сформирован первый партизанский отряд Ушачского района. На совещании руководителей подпольных групп, состоявшемся 7 мая 1942 г., было принято решение об объединении групп в партизанский отряд «Смерть фашизму». В мае — июне 1942 г. в отряд влились группы подпольщиков дд. Ореховно, Апонасковичи, Яново и других, а также военнослужащих А. Я. Конева и Н. М. Пучкова. Командиром отряда был назначен Т. Д. Плохотнюк, с июня 1942 г. — В. В. Мельников, комиссаром — В. Я. Василевский [4, с. 178].

По указанию Витебского подпольного обкома КП(б)Б в июне 1942 г. отряд «Смерть фашизму» развёрнут в бригаду под тем же названием (осенью 1943 г. она была переименована в бригаду «им. В. И. Чапаева»). При создании бригады из партизан, выделенных отрядом «Смерть фашизму» организованы отряды 1-й и 2-й (позже — «им. Фрунзе» и «им. Суворова»). В июле 1942 г. в бригаду влились отряды А. И. Химины и Ф. Ф. Дубровского, получившим обозначения 3-й партизанский отряд (позже — «им. Кирова») [1, с. 167]. В дальнейшем бригада пополнилась отрядами «им. В. И. Чапаева», «им. С. Г. Лазо», «им. Я. М. Свердлова», «им. Н. А. Щорса», «им. А. Невского»,

«им. М. Ф. Сильницкого», «им. В. С. Гризодубовой» и т. д. Всего в бригаде к началу 1944 г. насчитывалось 10 отрядов общей численностью 1 295 партизан. Своим влиянием бригада охватывала 323 населённых пункта, в том числе районный центр Ушачи [4, л. 90].

Огромное значение для партизан имели достоверные сведения о жизни близлежащих немецких гарнизонов. По документам партизанской бригады им. Чапаева, по состоянию на 27.10.1942 г. в зону наблюдения партизанской бригады входили такие населённые пункты, как Полоцк, Лепель, Ушачи, Улла, Вороничи, Бобыничи, Боровка, Кубличи, Фариново, Ветрино, Прозороки, Боровуха-1. Самым крупным был немецкий гарнизон в г. Полоцке. В 1942 г. в нём насчитывалось более 2 000 гитлеровцев. Сведения о нём и других немецких гарнизонах в Полоцком районе позволяли командованию бригады не только успешно проводить разведывательно-диверсионные операции, но и вовремя парировать угрозы с их стороны. Поэтому усилия боевой и агентурной разведки бригады им. Чапаева были направлены на получение качественной, своевременной информации о состоянии, намерениях и планах противника. Кроме этого, благодаря налаженной работе боевой и агентурной разведки, разведанные партизан впоследствии сыграли большую роль в разработке Полоцкой фронтовой наступательной операции (29.06.1944 — 4.07.1944 гг.), благодаря чему г. Полоцк был освобождён в сравнительно короткий срок.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДКИ БРИГАДЫ

Как и в других партизанских соединениях, действовавших на территории временно оккупированной советской Беларуси, с самого начала основания бригады в структуре отрядов были созданы стрелковые роты. В ротах соответственно были созданы по 3—4 стрелковых взвода и взвод разведки. Командир отряда командовал отрядом непосредственно через командиров взводов.

Взвод разведки находился в непосредственном подчинении командира отряда. Кроме того, существовала и агентурная разведка, которая работала в гарнизонах противника и населённых пунктах. Перед ней ставились задачи в зависимости от общих задач, решаемых в данный момент конкретным отрядом или бригадой в целом. Командир отряда ставил задачи перед разведкой по изучению гарнизонов оккупантов, находящихся перед партизанской обороной, их численного и национального состава, вооружения, состояния и настроения солдат, намерений командования противника, наличия огневых точек и прочих укреплений гарнизонов, а также наличия подходов к ним. При подготовке нападения на выбранный немецкий гарнизон основная задача разведки заключалась в их всестороннем и тщательном изучении. Чтобы получить такие сведения, возникала необходимость одновременной и скоординированной работы боевой и агентурной разведки. Вся поступавшая

информация обобщалась с выводами и соответствующими предложениями на уровне командиров отрядов и командования бригады.

В связи со спецификой организации агентурной разведки, она возглавлялась заместителем командира бригады по разведке. В его аппарат входили: помощник, следователь, переводчик. В отрядах — заместители командиров отрядов по разведке. Каждый заместитель командира отряда отвечал за закреплённые за ним гарнизоны. На наиболее крупные гарнизоны ставились 2—3 отряда. Каждый заместитель имел свою агентуру, как правило, один агент не знал другого. Для встречи с агентами были установлены специальные места встреч — явки. Время от времени они менялись. Агенты в гарнизонах подбирались и проверялись лично заместителем командира отряда по разведке, после чего им давалось конкретное задание по тому объекту, где они работали [4, л. 194]. Так, например, агент Коваленко, работающий в Полоцке на бензоскладе, получил задание взорвать его, для чего получил из отряда необходимое количество магнитных мин. Склад охраняли добровольцы из бывших военнослужащих Красной армии. Ему удалось завербовать всю смену караула, которая в определённое время заложила мины и после передачи склада очередной смене должна была уйти в лес. Однако среди смены нашёлся провокатор, полностью склад взорвать не удалось, большинство мин было снято, а смена арестована и расстреляна немцами. Через агентуру в немецкий гарнизон г. Полоцка удалось переслать, а затем и продать немцам 300 штук отравленных сильным ядом яиц. В результате этого отравились 60 немцев [4, л. 194]. Через агентов, работающих на железной дороге в Полоцке и в других населённых пунктах, устраивались крушения поездов. Из документов известно, что через полоцких агентов бригады им. Чапаева на железнодорожной станции Полоцк большое количество толовых шашек с капсюлем и детонатором, замазанных смолой, удалось подбросить в каменный уголь, загружаемый в паровозы [4, л. 195].

Таким образом, можно сделать вывод, что в г. Полоцке существовала разветвлённая разведывательная сеть партизанской бригады им. Чапаева. Благодаря архивным документам — разведанным бригады, отчётам и справкам можно сделать определённые выводы о состоянии немецкого гарнизона в г. Полоцке, наличии укреплений и узлов обороны, долговременных дерево-земляных огневых точек, зенитных и артиллерийских батарей, о мероприятиях, проводимых оккупационными властями, об общей обстановке в г. Полоцке.

ГАРНИЗОН НЕМЦЕВ

Согласно агентурным сведениям бригады им. Чапаева, можно сделать определённые выводы о состоянии и численности немецкого гарнизона в г. Полоцке.

В документах партизанской бригады по г. Полоцку отмечалось, что в 1942 г. в городе находился постоянный гарнизон немцев и разветвлённая сеть инфраструктуры — склады, бензохранилища, гаражи, хозяйственные помещения и т. д. Живой силы в Полоцке находилось до 2 000 человек. Однако подчёркивается, что точное количество расквартированных немецких войск установить крайне сложно, так как войска постоянно прибывают и убывают, часть их размещается в городе, а большая часть проходит через Полоцк как через перевалочную базу. Обращалось внимание на то, что в левобережной части города, непосредственно в парках бывшего 5-го артиллерийского полка, расположены немецкие части в количестве до 1000 человек. Согласно сообщению бригадной разведки за 2.10.1942 г.: *«Прибыли войска, численность не установлена — велосипедисты, одетые в желтую форму, на рукавах красные повязки с номером 316, расквартированы в красных казармах бывшего артиллерийского полка № 5. 8.10.42 г. — прибыл эшелон войск, среди которых много добровольцев, в количестве одного полка, прибыли в 43-х вагонах и на платформах. Имеют вооружение — 2 батареи тяжёлой артиллерии. Прибыли по неточным данным из г. Курска. Настроение солдат паническое в связи бомбардировкой города советской авиацией в ночь на 8.10.42»* [7, л. 53].

В 1943 г. в связи с активными действиями партизанских отрядов и бригад на Полотчине, а также интенсивным наступлением Красной армии количество немецких войск и вооружения в городе возросло. Об этом свидетельствуют документы. Однако точные цифры установить крайне сложно. Из разведдонесения за 7.12.43 г.: *«Полоцк. Большое скопление автомашин. Танков и артиллерии не замечается. Количество войск не поддается подсчету»*. По состоянию на 5.02.1944 г.: *«Большого скопления войск не наблюдается. Прибывающие части в количестве 400—500 человек отбывают, после реформирования снова отправляются в сторону фронта. Наличие войск в городе увеличилось. Номер частей и откуда прибыли неизвестно. Со слов немецких солдат, в город с частями прибыли кухни, приготавливаемая пища увозится в сторону фронта»* [4, лл. 84—85]. На 5.02.1944 в районе станции Громы находилось до 1 500 немецких солдат. Общая численность гарнизона левобережной части города до 1 000 немцев, наибольшая концентрация наблюдается в районе продуктовых складов (бывший 5-й артполк) [4, л. 86].

Таким образом, документы практически не дают нам точных цифр о количественных характеристиках немецкого гарнизона в Полоцке, однако можно сделать вывод, что наличие войск в городе с начала 1943 г. постоянно увеличивалось.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ, НЕМЕЦКИХ ШТАБОВ, БАЗ ГОРЮЧЕГО, БОЕПРИПАСОВ В Г. ПОЛОЦКЕ

В разведывательных документах можно встретить некоторые данные о местах дислокации немецких воинских частей и штабов в городе. Приведём данные в период осени 1942 г.:

- 1) В здании бывшего Дома Красной Армии расположен немецкий штаб и транспорт.
- 2) По сообщению от 10.10.42 г. по ул. Пушкина в здании школы им. Сталина расквартирован немецкий командный состав, в количестве 50 человек, во дворе школы стоят автомашины, легковых 6 шт, грузовых 13 шт.
- 3) По ул. Фрунзе, северо-восточнее ж.д. моста расквартирован лётный состав, там же находится некоторое количество бочек с горючим, по той же улице за ж. д. переездом по левой стороне этой улицы находится база горючего, замаскированная сетками сверху.
- 4) По ул. Ленина в задании бывшего райвоенкомата, расквартированы немцы в количестве около 150 человек.
- 5) Около р. Зап. Двина под Екиманью расположен автотранспорт и горючее.
- 6) По ул. Карла Маркса против дома педучилища размещена военная комендатура и карательный отряд.
- 7) В парках (бывший 5-й артполк) около водокачки, в 2-х казармах расположен карательный отряд.
- 8) По улице Фрунзе на месте бывшего гаража НКВД — гараж немцев.
- 9) В предместье г. Полоцка в Новке за лесопильным заводом от хлебозавода до Зап. Двины немцами устроен подземный ход. Обнаружен один выход к реке.
- 10) По Вокзальной улице против тюрьмы, замаскированы бочки с горючим.
- 11) Против плаца, рядом с костелом, расположена жандармерия и полиция.
- 12) На месте бывшего мясокомбината расположена немецкая скотобаза (ул. Фрунзе).
- 13) Левее домов бывшего 5-го артполка в парках, находятся три замаскированных склада с боеприпасами.
- 14) В Полоцке в парках (бывший 5-й артполк) расположены немецкие учебные части в количестве до 1 000 человек одетых в шинели защитного цвета, на рукавах повязки с фашисткой свастикой.
- 15) По ул. Орджоникидзе около плаца размещена комендатура, начальник жандармерии по фамилии Юргис.

16) Бензосклад находится на бывшем скипидарном заводе.

17) По ул. Войкова около польского костёла расположены автомастерские, там же во дворе имеется бензосклад [4, лл. 85—87].

Далее эти данные дополняются сообщениями разведки за 1943 и 1944 гг.: *«Тыловые части противника размещены в пригородных населённых пунктах Екимания, Ксты, Фатыновка. Здесь находятся обозы и автомашины, которые размещены в парках. В д. Ксты находятся 800 эсэсовцев и немецких полицейских, на которых наложен карантин по причине эпидемии тифа. В городе 200 метров севернее церкви староверов в 3-х этажном белом доме — фронтовой штаб, номер не установлен [5, л. 11]. На ул. К. Маркса на расстоянии 200—300 метров от ж. д. переезда расположена танковая часть, номер не установлен, имеет 7 танков, тип не известен. По улицам Ветринской и Лепельской расположена в. ч. № 19741. В казармах около ж.д моста расположена в.ч. 49913. Около пешеходного моста на левом берегу Двины — в. ч. 05283» [5, л. 37].*

РАСПОЛОЖЕНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ И ЗЕНИТНЫХ БАТАРЕЙ

Интересную информацию из документов партизанской бригады можно получить о расположении немецких зенитных орудий и артиллерийских батарей в г. Полоцке. Документы, которые удалось просмотреть, касаются в основном зимы 1944 г. Но есть некоторые сообщения и за 1942 г.: *«Железнодорожный мост через р. Западная Двина ранее усилено охранялся 4-ми зенитными пушками, впоследствии они были сняты и увезены в Германию после бомбардировки Полоцка советской авиацией. Вновь была установлена 1 зенитная пушка и 1 зенитный пулемет» [4, л. 86].*

А вот уже данные на 5.02.1944: *«Зенитные орудия установлены в следующих пунктах:*

1. На бывшей Комсомольской площади — 3 зенитки.

2. На углу улиц Гоголевской и Канавной — 3 зенитки.

3. В Екимании — 3 зенитки.

4. На ж. д. переезде в Новке — 4 зенитки.

5. На ст. Громы — эшелон с 20 вагонами боеприпасов, 4 зенитками и 2 прожекторами на платформах.

6. На ул. Лепельской, в 300 м от ж. д. переезда установлена 4 зенитки, используются немцами для обстрела нашей зоны» [5, л. 44].

Что касается артиллерийских орудий полевой артиллерии и их расположения в городе, то по архивным документам бригады им. Чапаева, известно, что одна гаубичная батарея была расположена на

углу ул. Пушкина и ул. Советской. По дороге Полоцк—Ушачи было установлено 5 замаскированных дальнобойных пушек. Известно, что: «На Фатыновке, координаты 50—10, 200 м от ул. Лепельской и 300 м от железной дороги установлено 4 дальнобойных пушки калибра 122-мм, сектор обстрела на юг» [5, л. 45]. Отмечается, что в черте города, кроме названных объектов, полевой артиллерии не замечено. «Имеющаяся зенитная артиллерия расставлена по разным частям города, однако осуществляет и наземный огонь. На Краснознаменной и Южной улице расположена зенитная часть с 20 орудиями 37-мм, № части не установлен. У ж. д. моста на обеих сторонах по 3 зенитки калибра 37 мм. В 1 км юго-восточнее лесопильного завода по шоссе на Витебск — 3 зенитки 37 мм. На ст. Громы — эшелон с 4-мя 88-мм орудиями. На пересечении Пушкина и Советской две 37 мм пушки» [5, л. 34].

Таким образом, зенитные и артиллерийские орудия были установлены около стратегических объектов, достаточно надёжно прикрывая немецкие штабы, казармы, коммуникации и предприятия города.

АЭРОДРОМ

Интерес для исследования вызывает и состояние Полоцкого аэродрома в годы оккупации и характера использования его немцами. К сожалению, разведанные не дают должного представления о количестве и качестве немецкой авиации на Полоцком аэродроме, однако анализ их отрывочных данных даёт возможность предположить о слабом использовании немцами мощностей аэродрома в период 1942—1943 гг. По документам за 7.12.43 г.: «На аэродроме стоят 8—10 самолетов, тип не установлен». А вот в 1944 г. активность на аэродроме явно возрастает. На 5.01.1944 г.: «Аэродром функционирует. На нем базируется до 50 самолётов „Штука“. На аэродроме базируется 30—35 двухмоторных бомбардировщика. 4.02.1944 г. на аэродром прилетели 2 шестимоторных самолёта. В районе скотобазы находится ложный аэродром, настоящий аэродром координаты 5210» [5, л. 32].

На 10.02.1944 число самолетов полоцкого аэродрома увеличилось до 60 единиц, из них двухмоторных — 40, трёхмоторных — 10, истребителей — 6 [5, л. 39].

Согласно сообщениям разведки 1.02.1944 г. в результате налёта советской авиации на Полоцк, сожжён немецкий самолёт и убиты 2 немецких лётчика [5, л. 44].

НЕМЕЦКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ В Г. ПОЛОЦКЕ, НАЛИЧИЕ ДОТОВ, ДЗОТОВ

После поражения немецко-фашистских войск на Волге, под Курском и особенно после освобождения значительных территорий центральной России и части Украины, немцы начали форсированное строительство узлов и линий обороны. Хотя нужно иметь в виду — строительство простейших оборонительных сооружений на окраинах г. Полоцка и на территории самого города началось ещё весной 1942 г. Первоначально командование Вермахта преследовало цель создать систему примитивных оборонительных сооружений для обороны города от возможных нападений партизан. Так, известно, что уже в 1942 г. в Полоцке строились первые такие сооружения: *«Под Софийскую горку по ул. Ленина немцы роют окопы. Точно установлено, что вокруг города, еще с мая 1942 г. было построено проволочное заграждение»*. Однако форсированное возведение фортификационных сооружений началось в 1944 г. Строились окопы, траншеи, блиндажи, убежища, ДОТы и ДЗОТы как своими силами, так и с привлечением местного населения. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в том числе разведанные бригады им. Чапаева: *«Немцы спешно приступили к постройке в городе, а также и вокруг города окопов и Дзотов, блиндажей, Дзоты в городе строят преимущественно на месте сгоревших домов»* [5, л. 13] (рисунки). Согласно разведанным бригады им. Чапаева за январь 1944 г. известно, что: *«Строительство оборонительных сооружений в районе Громы-Юровичи закончено и продолжается только по левому берегу Двины от Полоцка к Дисне. Строятся укрепления с северной и восточной стороны города, в самом городе. Большие работы по укреплению выполняют на Верхнем замке и господствующей высоте в западной части города. В районе Лазовки от кирпичного завода на восток построен противотанковый ров»* [5, л. 14].

По другим донесениям партизан бригады известно, что постройка оборонительных сооружений производилась в частности в железнодорожном саду (200 м юго-западнее ж. д. станции), около бывшего кинотеатра, около бывшего дома Красной армии, в парках бывшего 50-го артполка. Усиленные фортификационные работы проводились в районе Экимани, в районе Подкостельцы, оборонительные укрепления немцами сооружались по левому берегу Двины [5, л. 34]. Документы партизанской бригады им. Чапаева свидетельствуют и о строительстве в черте города долговременных огневых точек (ДОТов). Известно, что в районе Волвьего озера по направлению к бывшему мясокомбинату в октябре 1943 г. немцами строились бетонированные ДОТы. Население к работам не допускалось. Сообщение разведки за февраль 1944 г.: *«В районе Зеленого городка немцы строят укрепления, возможно Доты, туда свозили кирпич, цемент, гражданское население не допускали»* [5, л.11].

Нужно сказать, что размещение ДОТов восточнее Воловьего озера и южнее Зелёного городка подтверждается разведданными 3-й Белорусской партизанской бригады и исследованиями на местности и в научной работе П. С. Рудакова «Немецкие долговременные инженерные сооружения 1944 г. в северном секторе обороны Полоцка».

По документам бригады в черте города известны следующие оборонительные сооружения:

- 1) Линия стрелковых окопов пересекающая ул. Южную, южнее улиц Краснознаменной и Лепельской. Обстрел на Юг.
- 2) В районе Софийской горы, по правому берегу Двины, стрелковые окопы с сектором обстрела на Экимань. На Софийском соборе — наблюдательный пункт.
- 3) В этом же районе — на левом берегу окопы.
- 4) В районе пригородного хозяйства — окопы [5, л. 39].

В документах бригады за 1943—1944 гг. отмечается, что оба двинских моста — железнодорожный и шоссейный — заминированы и обнесены по берегам проволочным ограждением. *«На шоссейном мосту круглосуточно четыре часовых, подьезды к мосту с обеих сторон заминированы, в ночное время баррикадируются „козлами“ и колючей проволокой. Немцами построена сплошная линия Дзотов, идущая от берега Зап. Двины в районе лесопильного завода к северо-востоку. Пересекая шоссе и железную дорогу Полоцк—Витебск линия идет к северо-восточной окраине ж. д. ст. Громы параллельно ж. д. ветке, соединяющей дороги Полоцк—Витебск, Полоцк—Невель, в 100 метрах к востоку от нее. Интервалы между Дзотами — 100—150 м. Дзоты охраняются патрулями, общей численностью до 6 чел.»* [5, л. 60].

Как известно, работы по строительству оборонительных сооружений одновременно велись и на южном берегу Зап. Двины, что подтверждают документы по бригаде им. Чапаева: *«На пересечении улиц Держинского и реки Бельчица на правом берегу к северо-востоку от моста расквартирован строительный батальон, который занят работами по сооружению окопов и укреплений вокруг города»* [5, л. 34].

Таким образом, разведданные партизанской бригады им. Чапаева лишний раз подтверждают факт существования хорошо продуманной и спроектированной линии укреплений, построенной немцами в северной и восточной частях города за период 1942—1944 гг., а также более примитивной системы укреплений с южного и западного направлений, которые явились экспромтом на неожиданное наступление советских соединений вдоль левого берега Западной Двины в июне — июле 1944 г.

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ И ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ

В годы временной оккупации территории современной Беларуси г. Полоцк, расположенный на важнейших шоссейных и железнодорожных коммуникациях, являлся важным транспортным узлом оккупантов, имеющим первостепенное значение в их системе обороны, обеспечивающим рокировку сил с севера на юг и обратно, поддерживающим непрерывную связь с ближайшим и глубоким тылами немецких войск. Общеизвестно, что гитлеровцы считали г. Полоцк воротами в Прибалтику. Поэтому через Полоцк осуществлялось интенсивное движение живой силы и техники противника, а также эвакуированного и депортированного населения на работы в Германию и в Прибалтику. Это подтверждают многочисленные документы бригады им. Чапаева: *«Из станции Полоцк в направлении Загатье прошло 37 эшелонов, вагонов с живой силой — 70, с эвакуированным населением — 146, с бочками горючего — 40, рельсами и досками — 246, железным ломом — 24, крытых автомашин — 307, разный груз в вагонах — 17. Данные только за дневное время, ночные передвижения слабы или вовсе отсутствуют. Движение эшелонов на участке Полоцк—Витебск малоактивное. В среднем проходят 12—14 эшелонов в ту и другую сторону. Груз в основном следующий: на Витебск везут автомашины, бензин, небольшое количество танков, продовольствие, снаряжение и немного с живой силой. На Полоцк в большинстве груз с железным ломом, санитарным оборудованием и эвакуированным населением. Движение авто-гужевого транспорта на этом участке очень активное, например, в среднем на Витебск проходит от 130 до 200 автомашин и от 25 до 35-ти легковых машин. В дневное время характер груза установить крайне сложно, так как машины в основном крытые. На Полоцк проходят от 150 до 200 грузовых машин и до 30 легковых машин в дневное время. Замечено частое передвижение бронемашин с целью патрулирования и охраны дороги. Ночью передвигается пешим строем живая сила, например: в ночь с 2 на 3 и с 3 на 4 декабря проходили обозы немцев с Витебска на Полоцк с артиллерией больших и малых калибров. 5.12.43 утром также проходил обоз немцев в направлении Полоцка. Количество передвигающихся войск и номер части установить не представляется возможным»* [5, лл. 1—2].

Как видим, интенсивность движения через Полоцк в это время, по сравнению с 1941—1942 гг. явно снизилась ввиду активных и главное эффективных действий многочисленных партизанских отрядов и бригад (в том числе бригады им. Чапаева) на Полотчине в 1942—1944 гг.

Таким образом, проанализировав архивные документы по действию бригадной и агентурной разведки партизанской бригады им. Чапаева в г. Полоцке можно сделать определённые выводы:

- 1) В г. Полоцке существовала разветвлённая агентурная разведывательная сеть партизанской бригады им. Чапаева.
- 2) Получение информации о состоянии немецкого гарнизона, военных объектов в г. Полоцке являлось одной из главных задач командования партизанской бригады им. Чапаева.
- 3) Разведанные партизанской бригады им. Чапаева о г. Полоцке дают значительный пласт информации о немецком гарнизоне, расположении и дислокации немецких воинских частей, военных приготовлениях гитлеровцев, наличии огневых точек и артиллерийских батарей, действиях немецких аэродромов и т. д.
- 4) Благодаря налаженной работе разведки партизанской бригады им. Чапаева, других партизанских соединений, информация о характере обороны города, количестве и типе оборонительных сооружений, была известна советскому командованию. Эти данные сыграли большую роль в разработке Полоцкой фронтовой наступательной операции, благодаря чему город был освобожден в сравнительно короткий срок.
- 5) Наряду с документами других партизанских бригад и отрядов, действовавших на Полотчине, разведанные партизанской бригады им. Чапаева — это значительный источник информации о г. Полоцке в годы его временной оккупации гитлеровскими захватчиками в 1941—1944 гг.
- 6) Вместе с тем, для получения полной и достоверной информации по этой теме необходим полный анализ всех доступных источников, в том числе разведанных других партизанских бригад, действовавших в г. Полоцке.

Список литературы и источников

1. Бригада им. В. И. Чапаева // Памяць. Полацкі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: І. Б. Каросцік, Р. І. Маслоўскі, А. Л. Петрашкевіч; уклад. С. С. Чарняўская; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: Выш. шк., 1999.— С. 167—168.
2. Бригада им. В. И. Чапаева // Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / авт. коллектив: А. Л. Манаенков [и др.].— Минск: Беларусь, 1983.— С. 255—259.
3. Докладные, информации и обзоры о положении на оккупированной территории Витебской и Полесской областей о боевых действиях партизанских

- отрядов и подпольщиков Витебской области и списки изменников Родины. 1942—1943 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 1450.— Оп. 2.— Д. 1308.— Л. 220.
4. Материалы по боевой деятельности партизанской бригады «Смерть фашизму» // НАРБ. Фонд 1450.— Оп. 4.— Д. 37.— Л. 242.
 5. Разведанные, опросы перебежчиков, схема обороны и связи партизанской бригады им. Чапаева (Мельникова) // НАРБ. Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 25.— Л. 75.
 6. Журнал учета боевой деятельности отрядов партизанской бригады им. Чапаева // НАРБ.— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 680.— Л. 222.
 7. Дневник боевых действий, отчеты агентурной разведки, список командного состава и наградные листы бригады им. Чапаева // НАРБ.— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 678.— Л. 76.
 8. Журнал учета, отчеты и сведения о боевой деятельности отрядов бригады им. Чапаева // НАРБ. Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 679.— Л. 121.

УДК 069.1(476.5-2137.01)

Н. И. Ситдикова

ИГРОВОЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЭКСПОЗИЦИИ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

Одним из приоритетных направлений в музейной педагогике в настоящее время является создание системы, ориентированной на целенаправленное приобщение детей дошкольного и младшего школьного возраста к музею и воспитание у них музейной культуры, выражающейся в уважении к истории, культуре, языку, традициям других народов.

Каким же способом можно привлечь ребёнка в музей?

Согласно исследованиям эксперта творческой группы «Музейные решения» А. А. Щербаковой [1, с. 44—54] и доктора педагогических наук МПГУ М. В. Коротковой [2, с. 173], в музейной практике сложилась традиционная система классификации текстов, которые используются в работе с детьми. Условно музейные издания можно разделить на три группы:

- которые приводят детей в музей;
- которые позволяют изучать музейное пространство;
- которые возвращают ребёнка в музей.

К первой группе изданий, которые призваны привлечь ребёнка в музей, относятся афиши, приглашения и буклеты. В них, в зависимости от вида и назначения печатной продукции, в краткой форме может быть предоставлена самая важная информация о музее: местоположение, режим работы, а также информация об услугах, коллекциях и мероприятиях.

Ко второй группе изданий относятся путеводители, каталоги и тематические книги. Они включают в себя соответствующие тематике тексты, иллюстрации и / или изображения, схематические планы залов и справочную информацию, которые помогают ребёнку изучить музейное пространство. Данная группа изданий также может включать теоретические и практические задания [3, с. 39—42].

К третьей группе изданий относятся рабочие тетради. Эта группа печатных изданий предполагает наличие несложных заданий воспроизводящего и преобразующего характера, которые могут быть как комплексными, так и тематическими. Выполнение этих заданий требует определённого времени, поэтому, чаще всего, рабочие тетради используются уже после музейного занятия, экскурсии или предназначены для индивидуального посещения.

Стоит заметить, что детские путеводители занимают особое место во второй группе музейных печатных изданий.

В статье «Музейные издания для школьников как методическая основа реализации образовательных программ с детской аудиторией» Марина Владимировна Короткова разделяет детские музейные путеводители условно на 6 категорий [2, с. 176]:

- 1) Путеводитель по залам. Содержит карту или фотографию зала с краткой информацией и самыми интересными экспонатами, также может включать словарь незнакомых терминов.
- 2) Маршрутный путеводитель по музею. Данный вид обязательно имеет карту с переходами от одной экспозиции к другой, героев, которые сопровождают ребёнка на протяжении всего путешествия, условные обозначения.
- 3) Путеводитель по предметам. Этот вид путеводителей предполагает маршрут и комплекс творческих заданий, которые влекут за собой знакомство и изучение экспонатов музея, связанных с определённой темой.
- 4) Игровой путеводитель. Может подразделяться на три подвида:
 - комиксы;
 - путешествие на тему;

- путешествие к историческому персонажу или вглубь веков.

По своей сути игровой путеводитель представляет собой путешествие, происходящее в настоящем или прошлом, выполненное в изображениях. Занимательность таким путеводителям придают диалоги с игровым персонажем, который сопровождает ребёнка по маршруту.

- 5) Интеллектуальный путеводитель. Содержит творческие логические задания, которые выполняются на протяжении всего путешествия по музею. Одним из самых известных его подвидов является путеводитель-квест — это игра, основанная на поиске целого ряда слов для разгадывания ключевого слова, которая связана с элементами экспозиции и музейными предметами.
- 6) Исследовательский путеводитель. Данный вид путеводителя основан на комплексе заданий, с помощью которых школьники самостоятельно ищут экспонаты, выступая в качестве детективов или исследователей.

Несмотря на разную структуру и форму подачи материала, все виды детских путеводителей преследуют одну цель: создание комфортных условий для коммуникации ребёнка с музейным предметом в любое удобное для него время. Через путеводитель он получает профессиональную помощь педагогов и музейных сотрудников, «спрятанную» в коротких текстах и заданиях [4, с. 96—101].

Основную часть целевой аудитории Детского музея (96% от общего числа индивидуальных посетителей, по данным 2016 г.) составляет семейный посетитель с детьми. Эта статистика стала определяющей при выборе вида путеводителя. Согласно классификации Коротковой М. В. [1, с. 48], наш путеводитель относится к игровым, форма подачи материала — путешествие с героем, развивающееся по определённом сюжету, с использованием заданий на наблюдательность, рассматривание, сравнение и размышление. Задания ориентированы на зоны ближайшего развития ребёнка, то есть, в них содержится новая, неизвестная ранее ребёнку информация, которую он осваивает с помощью взрослого.

При разработке концепции путеводителя мы ставили перед собой цель через игру и взаимодействие с музейными предметами помочь детям (с минимальной помощью родителей) освоить музейное пространство. Путеводитель решает следующие задачи:

- стимулирует самостоятельные открытия, исследования, совершаемые ребёнком;
- предоставляет возможность ребёнку самому находить нужную информацию, рассматривая предметы, сравнивая их;

- развивает внимание и память;
- развивает логическое мышление;
- расширяет знания ребёнка об окружающем мире.

Игровой путеводитель по Детскому музею включает в себя вступительную статью для взрослых, в которой прописаны правила пользования путеводителем и вынесены условные обозначения текстов заданий; шесть тематических остановок, объединённых сюжетной линией; собственно задания и ключи — ответы на вопросы.

Разделы игрового путеводителя:

- 1) Рубрика «Умкина школа» содержит информацию по разным темам экспозиционных комплексов.
- 2) Рубрика «Изучаем вместе» содержит вопрос или задание повышенной сложности, для выполнения которого необходима помощь взрослого.
- 3) Рубрика «Выполни сам» предлагает ребёнку самостоятельно (или с минимальной помощью родителей) справиться с предложенными заданиями.
- 4) Рубрика «Шутки-минутки» позволит ребёнку немного отдохнуть: отгадать загадку, прочитать стихотворение или просто повеселиться с маленьким Умкой.

В качестве примера подробнее рассмотрим страничку путеводителя по тематическому комплексу «Весы».

Мы уже знаем, что дружная медвежья семья отправилась в город за покупками. Умка увидел в городе много полезных и вкусных вещей. Заметил он и хитрого рыжего лиса, который пытался стащить рыбу с чаши весов.

Умка предлагает своему маленькому другу подумать над вопросом, можно ли определить вес при помощи ладошек и вообще нужен ли человеку точный измерительный прибор, который называется... конечно же, весы.

Для своих друзей, которым исполнилось 4 года, Умка предлагает найти в экспозиции весы, на которых можно взвесить следующие предметы: кольцо, арбуз, конфеты и яблоко.

И поскольку Умка сам очень весёлый медвежонок, он предлагает подумать и ответить на каверзный вопрос, что весит больше: 1 кг конфет или 1 кг арбуза?

Малышам в возрасте от 3 лет Умка предлагает «взвесить» цифры (дидактическое пособие «Весы») и определить, какое число больше, а те, кому исполнилось 7 лет, могут выполнить более сложную лабораторную работу.

Завершает страничку поощрительная рубрика «Молодец!».

Некоторые задания отмечены специальными возрастными знаками (например, 3+), которые позволяют родителям и детям ориентироваться в сложности заданий, но строго следовать возрастным ограничениям не обязательно. Знаки были включены в путеводитель после тестирования чернового варианта в связи с тем, что некоторые родители не могли сразу соотнести степень сложности заданий с возрастом и возможностями своего ребёнка. Из-за таких заминок терялась сюжетная линия сказки-путешествия.

Так как главное действующее лицо путеводителя — ребёнок, текст отвечает особым требованиям — это краткость и занимательность сюжета.

Текст путеводителя разделён на небольшие тематические части, соответствующие экспозиционным комплексам. Текст заданий выделен цветом, благодаря чему визуально отделяется от основного текста и привлекает внимание юного посетителя.

Помощник юного посетителя — игровой персонаж (в нашем случае — это белый медвежонок Умка), который ведёт ребёнка по маршруту, сообщает информацию, инициирует общение со взрослыми, заставляет проявлять свойственные ребёнку любопытство и любознательность.

Помимо самого путеводителя, в дорогу юному посетителю-путешественнику даётся ещё и небольшой рюкзачок с разноцветными мешочками внутри. В каждом из них находится задание, которое необходимо выполнить.

При разработке заданий мы ориентировались на «Несколько важных «Не» из статьи «Игровой путеводитель по музею. Практические рекомендации составителям» Софии Анатольевны Пантюлиной [5, с. 90]:

- Не использовать специальные термины, не объясняя, что они означают;
- Не сообщать посетителям, что они думают.
- Не высказывать оценивающих суждений.
- Не ссылаться на объекты, которых нет в экспозиции (хотя в нашем путеводителе мы посчитали нужным, используя QR-код, дать информацию о первом почтовом ящике в виде старинного башмака).
- Не давать описаний того, что посетитель видит сам.
- Не задавать вопросов, которые не предполагают ответов.

Учитывая данные рекомендации, мы предлагаем ребёнку комплекс заданий, которые не повторяются, а также служат для всестороннего развития юного посетителя. Одни из заданий направлены на развитие внимания, другие — на развитие мелкой моторики рук, третьи — на развитие логического мышления.

В случае необходимости, взрослый или ребёнок могут заглянуть на последнюю страницу путеводителя, на которой размещён лист с ключами — ответами.

На некоторых предметах, находящихся в экспозиции, будут наклеены стилизованные отпечатки лап медвежонка, которые подсказывают, какие предметы и дидактические материалы можно и нужно использовать во время путешествия.

В детских путеводителях часто используются графические изображения. В нашем случае в путеводитель были помещены фотографии экспонатов, которые помогают детям соотносить плоскостное изображение с предметом в экспозиции.

В конце путешествия Умка, который сопровождает ребёнка по музею, предлагает сделать совместное фото и разместить в альбоме на сайте музея. Фото станет сюрпризным моментом для ребёнка, а размещение снимков в социальных сетях позволит привлечь молодых родителей в наш музей.

В процессе разработки путеводителя мы столкнулись ещё с одной немаловажной проблемой — это формат путеводителя. Изначально планировалось сделать его в виде карты формата А3. Однако на сегодняшний день мы остановились на варианте брошюры на металлической пружине. Такой формат удобно держать в руках как взрослому, так и ребенку.

Детский игровой путеводитель очень важен для нашего музея, потому что предлагает посетителю вступить в диалог с экспозицией. И в этом диалоге важно не количество поданной информации, а участие ребёнка через действие, рисунок, выраженную эмоцию. Для родителей опыт самостоятельного изучения музейной экспозиции вместе с ребёнком, с помощью игрового путеводителя, очень важен. Они, работая вместе с ребёнком над заданиями, совершают маленькие открытия, получают навык общения с экспозицией, учатся задавать вопросы и искать на них ответы.

Список литературы и источников

1. Щербакова, А. А. Тексты в музее. Для кого они? / А. А. Щербакова // Музей как пространство образования: игра, диалог, участие.— М., 2012.— С. 44—54.
2. Короткова, М. В. Музейные издания для школьников как методическая основа реализации образовательных программ с детской аудиторией / М. В. Короткова // Наука и жизнь — 2015. — № 2 — С. 173—179.
3. Галкина Т. В. Музейная педагогика: проблемы структуры музейного путеводителя / Т. В. Галкина // Вестник ТГПУ.— 2010.— № 10 (100).— С. 39—42.
4. Тимофеева, Л. С. Тексты для детей в современном музейном пространстве / Л. С. Тимофеева // Детство в научных, образовательных и художественных текстах. Опыт прочтения и интерпретации: сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. редактор А. А. Сальникова.— Казань, 2011.— С. 96—101.
5. Пантюлина, С. Игровой путеводитель по музею. Практические рекомендации составителям / С. Пантюлина // Музей как пространство образования: игра, диалог, участие; под ред. А. Щербаковой.— М., 2012.— С. 84—94.
6. Леонова, О. Музейные издания для детей / О. Леонова // Музей как пространство образования: игра, диалог, участие.— М., 2012.— С. 62—84.

Т. Р. Смирнова

ВНЕДРЕНИЕ МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ, ФИЛИАЛА НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

В современных социальных условиях важно использовать образовательный потенциал Детского музея в решении задач, связанных с формированием творческих способностей личности ребёнка. Для решения этой задачи необходимо было перейти от единичных и эпизодических контактов с детьми дошкольного возраста к созданию многоступенчатой системы музейного образования в системе дошкольных учреждений города Полоцка.

В современной образовательной практике инновационная деятельность является показателем эффективности работы учреждения. В «Концепции по развитию дошкольного образования Республики Беларусь» инновационное развитие объявлено одним из главных приоритетов, обуславливающих стратегию развития образования [1].

Это положение и легло в основу создания модели внедрения музейно-педагогической технологии в образовательный процесс ГУО «Ясли-сад № 29 г. Полоцка».

Работа начиналась с апробации отдельных музейно-педагогических занятий с детьми 4-х лет. Цель начального этапа:

- подготовка детей 4-х лет к восприятию музейного предмета как символа определённой эпохи, обладающего научной, мемориальной, исторической и художественной значимостью;
- включение музейно-педагогической экспериментальной программы «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать» в воспитательно-образовательный процесс ГУО «Ясли-сад № 29 г. Полоцка».

Экспериментальная программа для детей 4–5-ти лет «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать» разрабатывалась, корректировалась, видоизменялась постепенно, в течение пяти лет (2010–2015 гг.).

Темы программы распределены по блокам:

- 1) «Здравствуйте, будем друзьями!»;
- 2) «Я не один на этой Земле»;
- 3) «Река времени»;
- 4) «Из истории привычных вещей».

Музейно-педагогические занятия имеют следующую структуру:

- 1) Ритуал приветствия, способствующий созданию благоприятного психологического микроклимата в группе и настраивающий на активное взаимодействие.
- 2) Интеллектуальная разминка, предназначенная для подготовки детей к восприятию информации на занятии.
- 3) Упражнения на развитие речи, направленные на активизацию словаря дошкольников, ознакомление их с такими языковыми явлениями, как многозначность слов, антонимия; игры на развитие фонематического слуха.
- 4) Внесение музейного предмета. Используя приём проблемной ситуации, педагог знакомит с музейным предметом, с историей его изобретения и ролью того или иного предмета в жизни человека.
- 5) Физкультминутка.
- 6) Дидактические игры, с помощью которых дети в игровой форме решают умственные задачи, предложенные взрослыми, способствующие формированию познавательной активности ребёнка.
- 7) Продуктивная деятельность детей.

Сейчас можно уже говорить о завершении данного этапа работы, практическая значимость которого заключается в том, что:

- 1) Музейный аспект стал выступать в качестве педагогически значимой составляющей социокультурной среды ребёнка в дошкольном учреждении как среды социализации и индивидуализации личности.
- 2) Методы и приёмы, используемые в программе для детей 4—5-ти лет, эффективны при формировании у детей навыков восприятия музейного предмета.
- 3) Результаты, полученные в ходе исследовательской деятельности, представлены в виде конкретных методических рекомендаций для педагогов экспериментального дошкольного учреждения, родителей, методистов дошкольных учреждений города.
- 4) Создана база наглядных пособий, дидактических игр, научной методической литературы.

- 5) Участники эксперимента разработали и осуществили итоговую психолого-педагогическую диагностику уровня развития воспитанников и подготовили аналитический отчёт.

Приобретённый опыт дал нам возможность перейти на следующий, проектный, уровень исследовательской работы.

На основании приказа «О порядке осуществления экспериментальной, инновационной и исследовательской деятельности в учреждениях образования Витебской области в 2015—2016 учебном году» Витебского областного исполнительного комитета управления образования от 31.08.2015 года № 329 педагогам дошкольного учреждения образования «Ясли-сад № 29 г. Полоцка» было официально разрешено осуществлять исследовательскую деятельность.

В связи с этим была создана творческая группа по реализации областного исследовательского проекта «Формирование творческой социальной активности личности дошкольника средствами музейной педагогики».

В 2015—2016 учебном году в проекте приняли участие 2 группы воспитанников 4—5 лет в количестве 40 человек и 6 педагогов с высшим образованием и стажем работы более 18 лет.

Образовательный проект рассчитан на 3 года (2015 / 2018 учебные годы).

- 1) Подготовительный этап (аналитико-диагностический): *апрель 2015 — ноябрь 2015.*
- 2) Проектировочный (основной) этап: *декабрь 2015 — май 2017.*
- 3) Этап обобщения результатов: *май 2017 — декабрь 2018.*

Сущностью проекта «Формирование творческой социальной активности личности ребёнка дошкольного возраста средствами музейной педагогики» является комплексный подход к образовательной работе с дошкольниками. Модель предполагает организацию совместной деятельности дошкольного учреждения и музея, которая имеет внутренне обоснованную структуру, включающую работу в четырёх направлениях: образовательная деятельность, выставочная деятельность, экскурсионная деятельность, проектная деятельность и определяется двумя блоками:

1 БЛОК «Музейная педагогика в дошкольном учреждении» включает:

- проведение различных форм работы с воспитанниками 4—5 лет, (в соответствии с программой «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать»);
- работу педагогов по самообразованию (обзорные экскурсии в музеях и по городу);
- организацию выездных выставок на базе дошкольного учреждения сотрудниками Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее — НПИКМЗ);

- работу по запросам педагогов детского сада (консультации, семинары-практикумы, открытые просмотры занятий как на базе дошкольного учреждения, так и на базе Детского музея, собеседования);
- совместную работу воспитателей дошкольного учреждения и сотрудников НПИКМЗ по организации тематических занятий;
- программу работы с родителями по формированию музейной культуры.

2 БЛОК «Дошкольное учреждение в пространстве музея» включает:

- выставки индивидуальных коллекций дошкольников в Детском музее;
- проведение «Клуба выходного дня» для родителей с детьми;
- занятия с воспитанниками 5—6 лет на базе музеев НПИКМЗ;
- проведение воспитателями дошкольного учреждения заключительных интегрированных музейно-педагогических занятий на базе Детского музея;
- совместное проведение мероприятий на базе Детского музея: «День рождения в музее», «Выпускной в музее».

Работа с воспитанниками и педагогами позволила также вовлечь в процесс взаимодействия родителей, сформировать единую психологическую общность родителей и педагогов в вопросах музейной педагогики. Сегодня можно констатировать тот факт, что воспитатели дошкольного учреждения:

- способны профессионально подготовить ребёнка к посещению музея, сформировать навыки восприятия музейного предмета,
- владеют проектно-педагогической компетентностью в работе с детьми.

За два года работы по проектам нами разработаны:

- 1) Долгосрочные общие проекты для детей среднего и старшего дошкольного возрастов:
 - «По стране сказок»;
 - «Чтобы помнили ...»;
 - «К нам приходит Рождество».
- Индивидуальный детский творческий проект «В стране стрелок и минут».
- 2) 9 краткосрочных познавательных-исследовательских проектов.
- 3) Учебное словесно-речевое пособие «Умные кубики». Его применение позволит создать благоприятные условия для активизации и развития речи детей, их общения. Пособие заняло диплом 3-й степени на областном этапе конкурса «Использование современных образовательных технологий в спецобразовании». В разработке принимали участие

сотрудник Детского музея Смирнова Т. Р., заместитель заведующего Хаткевич О. В., учитель-дефектолог Голубева Л. А.

- 4) Электронно-образовательный ресурс для педагогов дошкольных учреждений, работающих по музейно-образовательным программам.

Работа по исследовательскому проекту «Формирование творческой социальной активности личности дошкольника средствами музейной педагогики» находится на последнем этапе его реализации.

В 2017 / 2018 учебном году будет проведён мониторинг эффективности работы по проекту. Надеемся, что дошкольное учреждение № 29 г. Полоцка станет республиканской площадкой для дальнейшего проведения инновационной деятельности в дошкольном образовании г. Полоцка.

Как мы видим, музейная педагогика в дошкольном учреждении может применяться не только как научная дисциплина, но и как инновационная педагогическая технология наряду с другими технологиями: физкультурно-оздоровительными, личностно ориентированными, информационно-коммуникационными, игровыми, коррекционными.

Список литературы и источников

1. О Концепции дошкольного образования: Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 16.07.2000 № 35 // Новости Беларуси [Электронный ресурс].— 2000.— Режим доступа: <http://newsby.org/documents/rasn/pos11/postn11843.htm>.— Дата доступа: 25.01.2017.
2. Мастеница, Е. Н. Образовательная деятельность художественного музея. Музеология. Культурология / Е. Н. Мастеница, Л. М. Шляхтина // Труды Российского научно-практического центра по проблемам музейной педагогики [Электронный ресурс].— 2000.— Вып. VI.— Режим доступа: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=3&c_text=9.— Дата доступа 24.01.2017.
3. Старжинская, Н. С. Технология процесса речевого и лингвистического развития дошкольников (когнитивный аспект) / Н. С. Старжинская // Репозиторий Белорусского национального технического университета. [Электронный ресурс].— 2003.— Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/5438>.— Дата доступа: 24.01.2017.
4. Петрикевич, А. А. Метод проектов в образовании дошкольников: пособие для педагогов учреждений, обеспечивающих получение дошк. образования / А. А. Петрикевич.— Мозырь: Белый Ветер, 2008.— 102 с.
5. Кочкина, Н. А. Метод проектов в дошкольном образовании: методическое пособие / Н. А. Кочкина // ЛитРес: один клик до книги [Электронный ресурс].— 2012.— Режим доступа: http://bookz.ru/authors/natal_a-ko4kina/metod-pr_244.html.— Дата доступа: 23.01.2017.

УДК [94+528](476.5+21Полоцк)"16"

А. А. Соловьёв

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ
ЧАСТИ ПОЛОЦКОГО ВЕЛИКОГО ПОСАДА В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Реконструкция градостроительной ситуации части Великого посада, переданной королём Стефаном Баторием ордену иезуитов для возведения Полоцкого коллегиума, в настоящее время является достаточно сложной задачей. Сегодня практически невозможно представить эту часть города без Вала Ивана Грозного, перекрёстка улиц Стрелецкой и Замковой, от которого ведут два въезда на замковую гору. Невероятным кажется и тот факт, что относительно ровная территория современного размещения зданий бывшего коллегиума имела сложный и разнообразный рельеф. Несколько столетий назад здесь была возвышенность с пологими скатами, значительную часть которой занимало кладбище. Последнее было разделено на несколько частей дорогами, проложенными по трассе древних мощёных деревом улиц по направлению к воротам Верхнего замка. На выступе, нависавшем над Чёрным ручьём, высились стены полуразрушенного храма Рождества Христова (известного ныне как «храм на рву»). Немного далее, вероятно, располагались груды кирпича на месте начавшегося до Ливонской войны строительства городской ратуши (рис. 1).

Несмотря на многовековую обжитость Великого посада, иезуиты начинали возведение коллегиума практически на незастроенной территории. Дело в том, что по приказу Ивана Грозного, взявшего в 1563 г. Полоцк, главный посад города был ликвидирован. Часть его населения была угнана в плен, многие погибли. Оставшиеся горожане были переселены на Заполотье. Почти 16 лет полочане называли территорию бывшего Великого посада «пожарищем», на ней располагалось кладбище, «клоаки и другие грязные места» [4, с. 46]. Горожане на данной территории не селились, исключение составляли дома служивших при уцелевших храмах священников [6, с. 132; 5, с. 100]. Упоминается о шести таких домах около церкви Рождества Христова. Изменились также роль и статус самого «храма на рву», если ранее он размещался на торговой площади и был в центре городской жизни, то теперь фактически стал кладбищенским [11, с. 77–78].

За время запустения Великого посада древняя уличная планировка была практически утрачена. Частично сохранились только направления

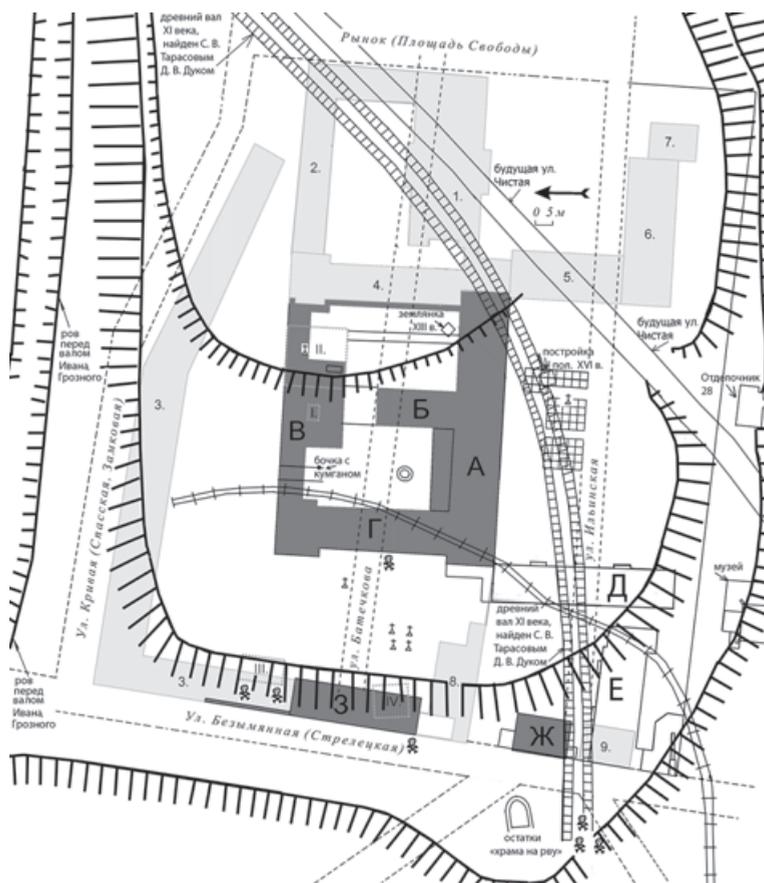

Рис. 1. Реконструкция очертаний территории и объектов, предшествовавших строительству коллегиума

улиц, ведущих к воротам Верхнего замка (ныне северная сторона проспекта Ф. Скорины и часть ул. Нижне-Покровской). Что касается древней торговой площади (названной в 1559 г. «Великим торгом») — от прежних её границ также не сохранилось значительных маркеров [4, с. 72]. За годы Ливонской войны северная часть площади была накрыта насыпью Стрелецкого замка (валом Ивана Грозного), юго-западную и центральную часть (практически до нынешнего корпуса «Б» бывшего коллегиума) заняло упомянутое выше обширное кладбище при храме Рождества Христова, действовавшее до середины XVII в. (рис. 1)

Точное время появления данного кладбища неизвестно. Расположенный в гуще городской жизни «храм на рву» первоначально мог иметь лишь небольшое число почётных захоронений у стен, принадлежав-

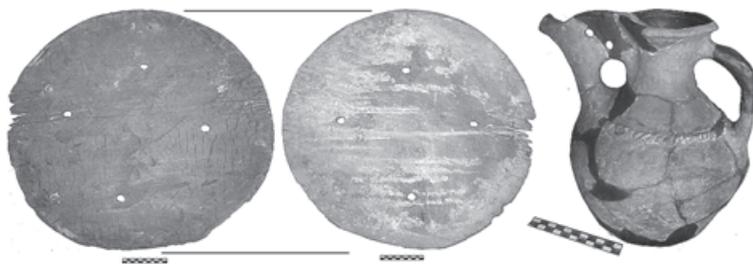

Рис. 2. Дно бочки и кумган

ших его покровителям. Не исключено также использование храма в качестве места заключения договоров и сделок между торговыми людьми, при нём могли располагаться и склады для хранения товара.

После Ливонской войны возникла острая необходимость в местах для захоронения убитых в боях солдат и умерших от ран и болезней горожан. Для этих целей полочане начинают использовать территорию бывшего Великого Посада, которая постепенно превращается в кладбище. В условиях послевоенного упадка городской жизни начался его неконтролируемый рост. При археологическом изучении территории кладбища на Великом посаде, проведённом Д. В. Дуком в 2003, 2010 и 2011 гг., было выявлено, что большинство захоронений, расположенных неглубоко от дневной поверхности того времени, оказалось повреждено или уничтожено. Раскопки не выявили наличие культурного слоя ранее XVI в. [5, с. 40—43]. Основная масса находок относилась к хронологическому периоду конца XVI — первой половины XVII века. Имелись и более поздние артефакты, связанные с деревянной застройкой, появившейся на месте кладбища в конце XVII—XVIII вв. [5, с. 40—43].

Древний рельеф территории будущего иезуитского коллегиума, как отмечалось выше, значительно отличался от существующего ныне (рис. 1). Фактически он представлял собой возвышенное плато, один скат которого был обращён в сторону реки Западной Двины, другой — в сторону так называемого Чёрного ручья у подножия Верхнего замка. Оба эти уклона (ската) территории хорошо прослеживаются и сегодня на отдельных участках, прилегающих к территории бывшего коллегиума. Наиболее показателен в этом отношении участок между современными корпусами «Д», «Е», и «Ж» Полоцкого государственного университета (далее — ПГУ), где отчётливо прослеживается значительный уклон рельефа. Наиболее высокие точки (характерные и для первой половины XVI в.) расположены у стен современных корпусов «А» и «Г» ПГУ. Незначительный уклон территории имелся

и в северо-западном направлении, особенно ярко это проявилось при ремонте фундаментов корпусов «И» и «К» (до 2009 г. корпус «З») ПГУ. Нижняя граница пластов, сформированных из строительного мусора, использованного для подсыпки ул. Стрелецкой, находилась на глубине около 1,5 м от современной дневной поверхности. В результате данной подсыпки цокольный выступ, служивший основанием для пилястр внешнего фасада производственных мануфактур, «утонул» в культурном слое, образовавшемся вокруг бывшего иезуитского коллегиума (рис. 1).

Самые ранние пласты с артефактами, предшествовавшими строительству иезуитов, находились на глубине до 1,5 м от современной дневной поверхности (район одноэтажной части корпуса «К» ПГУ). Слой разрушенных захоронений, оставшийся от кладбища на Великом посаде в районе двухэтажной части корпуса «К» ПГУ, также располагался на глубине от 1,0 до 1,2 м от дневной поверхности. Обращает на себя внимание и тот факт, что у стен современного корпуса «Г» ПГУ слой захоронений расположен на глубине от 0,5 до 1,0 м от дневной поверхности.

Относительно границ кладбища, нами замечено, что основная масса захоронений сосредотачивалась на территории здания бывшего (до 2012 г.) УПК (ранее школа № 8) и дома № 3 по ул. Стрелецкой. Отдельные фрагменты захоронений встречались и на территории, прилегавшей с востока к корпусу «Б» ПГУ. Очертания древнего рельефа местности прослеживаются и в характере прокладки подземных дренажно-канализационных тоннелей. Ранее они располагались на глубине от 0,5 до 1,0 м от древней дневной поверхности, в настоящее время на глубине до 3,5 м под спортивным корпусом ПГУ.

Границы торговой площади — «Великого торгога» — можно определить приблизительно. На существование здесь остатков линии укреплений и улицы вдоль них, найденных С. В. Тарасовым, указывают обнаруженные Д. В. Дуком в 1999 г. остатки землянки XIII в., расположенной под углом к существующим корпусам бывшего иезуитского коллегиума. Среди более поздних объектов особое внимание обращает на себя деревянный дом первой половины XVI в., выявленный Д. В. Дуком в ходе раскопок в 2001—2002 гг. Уникальность этого объекта не только в сохранности комплекса материалов, но и в его расположении. Если шурф Д. В. Дука был ориентирован и привязан относительно стен корпусов бывшего коллегиума, то найденный дом располагался под углом к ним [3, с. 102] (рис. 1, 2). Дальнейшие археологические исследования, проведённые Д. В. Дуком, показали, что тыльная сторона деревянной постройки была врезана в остатки фортификационного вала XI в., который мог примыкать к Чёрному ручью, заслоняя «храм на

рву» [4, с. 101] (рис. 1). Сруб найденной Д. В. Дуком постройки был ориентирован не по сторонам света, как постройки бывшего коллегиума, а относительно вала, т.е. под углом к существующим ныне зданиям и улицам [3, с. 102] (рис. 1, 2). Данный факт свидетельствует о том, что до 1563 г. остатки древнего посадского вала и стены, обнаруженные С. В. Тарасовым, были хорошо известны полочанам и учитывались при планировке уличной сети [11, с. 52—53]. Вдоль них была проложена улица, изгибы и трассировка которой в общих чертах повторяли и фиксировали следы древних укреплений посада. Данная улица могла завершаться в районе современного корпуса «Е» ПГУ, где вал был не прямым, а имел поворот в юго-западном направлении и был фактически ориентирован на угол подпорной стены архитектурного ансамбля корпусов ПГУ. Такое расположение древних укреплений было не случайным. Во-первых, за счёт южного ската территории будущего коллегиума высота вала со стороны Западной Двины увеличивалась в несколько раз. Во-вторых, южный скат территории, согласно реконструкции А. К. Мореля, имел неровную (вогнутую) поверхность. Данный участок расположен между нынешним Краеведческим музеем НПИКМЗ (бывшая лютеранская кирха) и особняком Н. О. Лосковича (ныне офис ОАО «Отделочник-28»).

Именно поэтому согласно реконструкции уличной сети Великого посада XVII—XVIII вв., предложенной Д. В. Дуком, данная особенность южной границы территории иезуитского коллегиума была использована для прокладки (или восстановления) ул. Чистой. После Ливонской войны она соединила новую рыночную площадь с ул. Великой у подножия Верхнего замка, где начинался «взвоз» на Верхний замок (ныне на его месте размещена подъёмная лестница к Софийскому собору).

Время возникновения и точное расположение ул. Чистой установить довольно сложно. Частично её трассировка проходила вдоль древних укреплений XI в. и изначально могла быть проездом вдоль них, приблизительно на этой же территории начинался и Невельский тракт. Данная планировочная особенность обусловила значимость ул. Чистой в структуре Полоцка до Ливонской войны. Ещё одним фактором, подтверждавшим значение улицы, может быть наличие магистрального коллектора дренажной системы. Последний располагался вдоль улицы и выводил по склону к западной Двине. О наличии такого дренажного коллектора может свидетельствовать найденный в ходе археологических раскопок Д. В. Дука в 2002 г. деревянный сток у подклети постройки.

Таким образом, вполне вероятно, что ул. Чистая могла существовать уже в XI в. и в годы Ливонской войны сохраняла свою функцию проезжей дороги, тогда как Великий посад был уже ликвидирован [4, с. 101].

Рис. 3. Керамика, найденная с кумганом

Ещё одним объектом, возведённым на территории будущего иезуитского коллегиума до Ливонской войны, стала косторезная мастерская XV—XVI вв., выявленная в 2003 г. [4, с. 123] (рис. 1).

Таким образом, вышеописанные объекты позволяют очертить приблизительный контур юго-восточной части торговой площади, существовавшей до 1563 г. При этом обращают на себя внимание находки изделий, предположительно появившихся в Полоцке либо в результате торговли с Москвой, либо изготовленных на месте по московским образцам. Речь идёт о гигиенической посуде — кумганах и рукомойниках. Практически целый кумган был найден в 2008 г. в районе корпуса «В» бывшего коллегиума в деревянной бочке, впущенной в культурный слой, сформировавшийся до Ливонской войны. Данная бочка предположительно использовалась для сбора мусора в одной из лавок рынка (КП 35919; НД 009097; НД 009098; НД 009099; НД 009100; НД 009102; НД 009111; НД 009112). Кроме обломков кумгана, встречены так же обломки горшков, крышек к ним, части кожаных изделий, обломки костей домашних животных (рис. 2, 3). Датируется описанный комплекс концом XV — первой пол. XVI вв. Также возле корпуса «Б» ПГУ в перекопе найдены носики сливы от рукомойников. Данные изделия отличались крайне грубой ручной выделкой и плохим обжигом, они имеют прямые аналогии из раскопок Москвы.

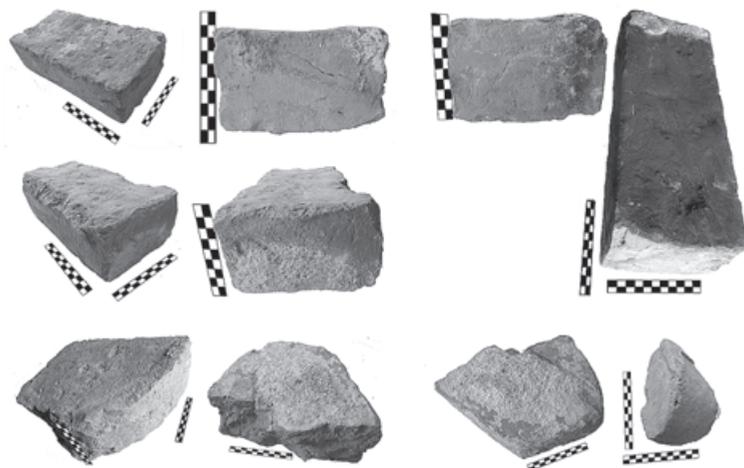

Рис. 4. Образцы кирпича, найденные в корпусах и на территории бывшего Полоцкого иезуитского коллегиума (вверху – обычный кирпич, внизу – лекальные изделия)

В числе наиболее значимых объектов торговой площади Великого посада накануне Ливонской войны могло быть здание городской ратуши. До настоящего времени не сохранилось сведений о расположении, внешнем облике и конструкции данного сооружения. Согласно «Привилею на Магдебургское право 1498 г.» и предписанию верховной власти 1510 г., ратушу необходимо было возвести на «месте годном» (обычно это была торговая площадь). При этом полочане «мають плитницу справити на будоване ратуша и места Полоцкого» (плитницей называлось мастерская по изготовлению кирпича) [12, с. 61].

Преимственность традиции называть кирпич плитами сохранялась у горожан длительное время. Впервые она фиксируется в житии Евфросинии Полоцкой, где так была названа плинфа [7, с. 34]. Позднее технология производства пригодного для строительства зданий кирпича была утрачена. Небольшие изделия плохого обжига, толщиной напоминавшие плинфу, иногда применяли только в кладке печей.

Улучшению качества кирпича и производству изделий нового формата могли способствовать не только давние связи Полоцка через немецкую колонию с Ганзейским союзом, но и повышение уровня социально-экономического развития города, обусловленное получением Магдебургского права. Немаловажен и факт наличия опытных мастеров-каменщиков, которые возводили и поддерживали в надлежащем состоянии замки в соседнем Витебске.

Рис. 5. Кладка свода впущенного помещения в составе корпуса «В» ПГУ из кирпича вторичного использования

Свидетельством начала производства в Полоцке кирпича, пригодного для монументального строительства, могут быть отдельные его экземпляры, найденные археологами при раскопках [9, с. 104]. Такой кирпич обнаруживался также в составе кладок более поздних зданий коллегиума. Он зафиксирован как в виде отдельных экземпляров, так и в кладке стен и сводов сохранившихся иезуитских построек, датированных концом XVII — началом XVIII вв. (рис. 4—6).

Сам факт возведения кирпичной ратуши как символа городского самоуправления мог значительно повысить статус Полоцка не только среди городов ВКЛ, но и Западной Европы в целом. В пользу возможности её постройки говорит тот

факт, что в городе имелись древние каменные храмы, свидетельствовавшие о существовании некогда утраченной местной традиции монументального зодчества и необходимой основы для её восстановления [2, с. 244].

Строительные материалы, выявленные в ходе археологических исследований на территории бывшего иезуитского коллегиума, могут свидетельствовать о возможном возведении кирпичного здания ратуши именно в этой части города. Среди находок можно отметить как простые образцы кирпича, так и лекальные изделия, которые (прежде всего своими габаритами или соотношением размеров сторон) не вписывались в общую коллекцию видов кирпича, изготовленного в XVII—XIX вв. и использованного при иезуитском строительстве в Полоцке. В ряде случаев соотношение их граней не 1:2, а приближается к 2:3 или 3:4, что более характерно для готических и ренессансных изделий. Подобное соотношение сторон — 6:3:2 имел кирпич готических и раннеренессансных сооружений Литвы [1, с. 222]. Полоцкие образцы кирпича по формату и размерам имеют прямые аналогии с кирпичом Мирского замка, датируемого первой половиной XVI в.

При изучении корпуса «В» бывшего коллегиума обращает на себя внимание «впущенный» в контур существующих фундаментов отсек в

Рис. 6. Кладка из кирпича вторичного применения под полом бывшей иезуитской конюшни (современные корпуса «И», «К» ПГУ)

юго-восточной части подвала. Габариты кирпича, использованного в кладке — 7,5–9,0×13,0–15,0×30,0–31,0 см (в пределах одного изделия они могут различаться на 0,5–1,0 см) (рис. 5). Торцевые стены помещения были выполнены в технике смешанной кладки из более тонкого кирпича. На лицевой стороне кирпича было выявлено 3–5 продольных борозд, прочерченных пальцами или гребёнкой, аналоги которым есть в материалах, найденных при изучении Никольской церкви в Вильне, Благовещенской церкви в Супрасле и стенах Мирского замка [9, с. 104–106; 8, с. 25, 30].

Интерес также представляет и повреждённая кладка стены на сером растворе, выявленная под полом одной из бывших иезуитских конюшен (ныне спортивный корпус ПГУ). По наличию в кладке обломков массивной плоской черепицы и скоплений изразцов середины — конца XVII в. можно полагать, что стена также возведена иезуитами. Использованный в ней кирпич массивен, вероятно, он принадлежал более древней постройке. Изделия имели размеры 7,0–8,0×15,0×30,0 см, на лицевой стороне было 4–5 слабо прочерченных продольных борозд (рис. 6). Позже был найден фрагмент булыжной кладки, примыкавшей к стене под конюшней с юга и выполненной на таком же сером растворе [9, с. 30]. При этом кирпич из кладки стены под конюшней по форме, характеру поверхностей и размерам был также близок к кирпичу, из которого сложены стены и башни Мирского замка, возведённые в первой половине XVI в. [9, с. 104–106].

Нестандартный кирпич был обнаружен и в кладке котельной и корпуса «Е» ПГУ, возведённых в начале XX в., его размеры составляли $8,5 \times 13,5 \times 28,0$ см (рис. 1), борозд на поверхности не обнаружено [9, с. 104—106].

Среди найденных экземпляров кирпича вне кладок особое место занимают образцы из корпуса «Б» ПГУ, извлечённые из закладки оконных проёмов, выполненной в 40-х гг. XX в. Некоторые экземпляры имели габариты $8,0—8,5 \times 13,0—13,5—14,0 \times 27,0$ см, борозды на них так же отсутствуют (рис. 4). Данный кирпич имеет прямые аналогии с кирпичом из стен Мирского замка, возведённого в конце XVI начале — XVII в. [9, с. 104—106]. Таким образом, найденные нами образцы кирпича из корпуса «Б» ПГУ по формату и соотношению сторон можно отнести к первой половине XVI в. По наблюдениям О. А. Трусова, подобный кирпич в последний раз фиксируется при возведении Смоленского замка в 20-х годах XVII в. [9, с. 106].

На фоне описанных выше экземпляров особенно выделяется кирпич с габаритами $8,0 \times 15,0 \times 36,0$ см (!) со слабо прочерченными продольными бороздами (рис. 4). Возможно, подобный кирпич планировалось использовать при устройстве нервюрных сводов строящейся ратуши. В отличие от традиционных нервюрных изделий, он не имел декоративного завершения выступающего торца кирпича. Это может быть связано с начавшимся отходом от готической традиции оформления интерьеров зданий и адаптации старых технологий к ренессансным влияниям. Экземпляры близкие по размерам применялись на территории Польши [1, с. 228].

Лекальные кирпичи представлены единичными экземплярами. Кирпич данного типа из подвала корпуса «В» бывшего коллегиума имел вид неправильного четырёхугольника, большие стороны которого превышали 20,0 и 24,0 см, а толщина составляла 10,0 см. Судя по форме, им могли обвязывать углы между смежными стенами или откосы оконных проёмов. В одной из постелей такого кирпича прослежен отпечаток от вдавленного в сырую глину деревянного бруска (рис. 1). При расчистке бывших иезуитских конюшен (современный корпус «К» ПГУ) найден кирпич для выкладки колонн и округлых углов. Его размеры $10,5 \times 28,0 \times 28,0$ см позволяли складывать круглые столбы (колонны) диаметром до 57—60 см (рис. 4).

О месте расположения самого здания полоцкой ратуши сегодня сказать что-либо сложно, как и о том, была ли она вообще выстроена. Отсутствие ярко выраженного развала архитектурно-строительных материалов, характерных для завершённых зданий первой половины XVI в., позволяет считать, что строительные работы могли быть только начаты и прерваны Ливонской войной.

Косвенным указанием расположения ратуши, построенной до Ливонской войны на территории, занятой иезуитами, является факт захвата Орденом «пустого ратушного места» в XVII в., однако где конкретно располагалось данное место неясно [5, с. 100].

Относительно «места годного» для постройки ратуши можно предположить, что этот участок размещался в треугольнике, углами которого были корпуса «Е», «З» и «А» бывшего иезуитского коллегиума. Это была наиболее хорошо видимая часть площади со стороны Западной Двины и Чёрного ручья.

Расположение ратуши увязывалось и с остатками вала XI в. К началу XVI в. он, скорее всего, прослеживался частично, будучи нивелированным и скрытым наросшим культурным слоем. Место расположения вала отмечала только ул. Чистая и возведённый на месте его трассировки ряд построек, одна из которых была обнаружена Д. В. Дуком в ходе раскопок 2001—2002 гг.

Ещё одним немаловажным фактором, определявшим планировку территории коллегиума, является её геологическое строение. Фактически материковой основой древнего рельефа являлись мощные слои красной глины, местами прорезанные водоносными жилами. Непосредственно под культурным слоем во многих местах глину перекрывал слой песка или суглинка, который из-за близости глины был нередко настолько влажен, что хорошо консервировал древесину и прочие органические остатки. Подобная структура материковых пород обеспечивала устойчивость каменных зданий, но она же приводила к сырости в их подвалах и нижних этажах.

Таким образом, в годы Ливонской войны (1563—1579 гг.) территория будущего иезуитского коллегиума опустела, уцелела только церковь Рождества Христова («храм на рву») на склоне Чёрного ручья. При храме имелось несколько домов священников, а также кладбище, которое за годы Ливонской войны разрослось, заняв значительную территорию города. За первую половину XVII в. восточная граница кладбища пролегла в районе существующего ныне корпуса «Б» ПГУ.

К моменту строительства первых зданий коллегиума на его территории предположительно размещались также остатки вала XI в. в виде невысоких насыпей с разрывами в местах прохождения улиц начала XVI в. Древние трассы улиц, которые вели ранее к городским воротам, трансформировались в проезжие дороги. Одна из них располагалась в районе ул. Стрелецкой и соединяла ворота замков. Проезжие дороги имелись также на месте будущих ул. Великой и ул. Чистой, которые пересекали территорию будущего коллегиума с юго-восточной стороны.

Список литературы и источников

1. Абрамаускас, С. О некоторых вопросах развития каменных конструкций в Литве в XV—XVI веках / С. Абрамаускас // Науч. труды. высш. учеб. заведений ЛитССР. Стр-во и архитектура.— 1962.— Т. 1.— № 5.— С. 219—231.
2. Воронин, В. А. Магдебургское право в Полоцке в 1498—1563 гг. / В. А. Воронин // Полоцк: Полоцк и полоцкое княжество (земля) в IX—XIII вв., летопись древних слоёв, Полоцк и его округа XIV—XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т истории.— Минск: Беларус. навука, 2012.— 743 с.: ил.— С. 237—245. — (Древнейшие города Беларуси).
3. Дук, Д. У. Археалагічны комплекс Пабудова першай паловы XVI ст.» (па выніках раскопак 2001—2001 гг. на Вялікім пасадзе г. Полацка) / Д. У. Дук // Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 75-годдзю Полацкага краязнаўчага музея, Полацк 16—19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско.— Полацк: НППКМЗ, 2003.— С. 88—106.
4. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук.— Наваполацк, 2010.— 180 с.
5. Дук, Д. У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX—XVIII стст. (па выніках раскопак 2004—2012 гг.) / Дук Д. У.— Наваполацк: ПДУ, 2014.— 248 с.
6. Квітніцкая, Е. Д. У Полацку бачыў святога Стэфана... / Е. Д. Квітніцкая // Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь [і інш.]; уклад. Т. В. Габрусь.— Мінск., 1998.— С. 101—105.
7. Полоцкое радованіе: Свято-Евфросиньевские Торжества 1910 года.— Полоцк, 2010.— 440 с.: іл
8. Соловьёв, А. А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581—1914): Архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв.— Полоцк: Полоцк. Кн. изд-во 2012.— 97 с.: ил.
9. Трусов, О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв.: архитектурно-археологический анализ / О. А. Трусов.— Минск, 1988.— 160 с.
10. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў.— Мінск: Беларуская навука, 1998.— 183 с.: іл.
11. Тарасаў, С. В. Полацк у 2-й пал. 13 — сяр. 16 стст / Тарасаў С. В. // Памяць: гіст.- дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: Бел.Эн, 2002.— С. 122—132: іл.
12. Хорошкевич, А.Л. Полоцкие грамоты XIII — начало XVI вв. В 6 т. / А. Л. Хорошкевич.— М., 1980.— Т.3.— 213 с.

УДК [069+391](476.5-21Полацк)

*Н. А. Шыпіла***КАЛЕКЦЫЯ АБРУСАЎ З МУЗЕЙНАГА ЗБОРУ
НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-
КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА**

Адным з асноўных напрамкаў музейнай справы з’яўляецца даследаванне музейных прадметаў і калекцый з мэтай раскрыцця іх навукова-практычнага патэнцыялу, стварэння паўнаwartаснай крыніцазнаўчай базы для выканання музеям адукацыйна-выхаваўчай і асветніцкай функцый. Пачэснае месца ў музейным зборы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (далей музей-запаведнік) займае калекцыя «Тэкстыль». Прадметам дадзенага даследавання выступаюць абрусы вышэй названай калекцыі. Такім чынам, мэта дадзенай працы — сістэматызаваць і даць характарыстыку абрусам з калекцыі «Тэкстыль» з музейнага збору музея-запаведніка.

Актуальнасць даследавання абумоўлена вяртаннем цікавасці і звароту да традыцыйных рамёстваў і культуры ў сучасным грамадстве. Вывучэнне калекцыі абрусаў з музейнага збору дае магчымасць прасачыць розныя віды і тэхнікі дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, якія выкарыстоўвалі для стварэння гэтага прадмета.

Паводле «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» — «настольнік», «настольніца», скацерць, скацерка абазначалі часцей за ўсё абрус хатняга вырабу, саматканы, без узораў, якім засцілалі стол кожны дзень. Словам «сурвэта» звычайна называлі святочны абрус фабрычнай вытворчасці, з узорамі, часта каляровы, таксама гэта мог быць абрус вязаны з нітак.

Варта адзначыць, што ў традыцыйнай культуры ўсе галоўныя моманты нараджэння, жыцця, смерці і памінання чалавека маркіруюцца абрусам, якім засцілаюць стол — адзін з найбольш рытуалізаваных і шанаваных прадметаў у традыцыйнай культуры. Паводле прасторавай характарыстыкі інтэр’ера, стол стасуецца з верхам, усходам і, адпаведна, святлом (трывалае месца знаходжанне стала — покуць, чырвоны кут). Абрус у традыцыйным светапоглядзе беларусаў выступае як адзін з асноўных атрыбутаў каляндарнай і сямейнай абраднасці.

Найбольш архаічнай функцыяй абруса з’яўляецца выдзяленне ачышчальнага і асвячонага месца для правядзення рытуалу (старэйшая за абрус функцыя любой распрасцёртай і засланай тканіны). Напрыклад, на Радаўніцу на

могілках родзічаў, сваякі расцілалі на насыпе абрус і пачыналі памінальную трапезу [4, с. 168]; шырока распаўсюджаным на Падзвінні быў звычай ва-рожбаў на Каляды па сене, пакладзеным пад абрус, каб даведацца аб урад-жаі збожжа ў новым годзе. Таксама на Каляды гаспадыня карміла курэй на настольніку, каб прывучыць іх да сваёй хаты [2, с. 219].

Акрамя каляндарнай абраднасці, абрус выступае неабходным прадме-там і ў сямейнай абраднасці. Абрус абавязкова ўваходзіў у пасаг нявесты. Новым абрусам накрывалі стол, калі прымалі сватоў, у «зборны вечар» перад вячаннем, калі прыязджалі ў дом маладога пасля вянца [3, с. 67]. Маладая, калі выходзіла з хаты бацькоў, цягнула са стала абрус — каб яе сяброўкі выходзілі замуж. Перамены страў падчас вясельнага піру ў старажытнасці прадугледжвалі і перамену абрусаў. Так, пад час адной «трапезы» павінны былі мяняць у «ідэальным» варыянце 12 абрусаў. Паводле некаторых зве-стак, перамены страў рабілі, здымаючы адзін за адным абрусы, што былі ў шмат слаёў пасланы на стале [6, с. 232].

Паводле метрычнай характарыстыкі, у канцы XIX — пачатку XX стст. абрусы рабілі даўгімі — да 214,0 см. Шырыня вырабу вагалася ад 108,5 да 183,0 см (у залежнасці ад шырыні стала, які быў разлічаны на вялікую сям'ю). У пасляваенны час форма абрусаў змянілася: яны сталі меншага па-меру і квадратнай формы. Абрусы, якія складаюць калекцыю, захавалі тэн-дэнцыі, што былі характэрны для часу іх стварэння.

Калі казаць пра канструктыўныя асаблівасці крою, даматканы абрус складаецца звычайна з дзвюх полак, уяўляючы сабою два злучаныя ручнікі праз мярэжку — «размежаванне». Месцы злучэння полак у абрусах маркіра-ваныя альбо чырвонай ніткай, альбо плеценымі ці вязанымі карункамі. Трэба пазначыць, што абрусы, якія рабілі такім чынам, адносна позняя з'ява ў культуры XIX ст. Тым не менш, прынцыпы іх канструявання захавалі на інтуітыўным узроўні ўніверсальны прынцып архаічных тэхналогій, які аказаўся фактарам кансервацыі культурных традыцый.

Калекцыя абрусаў з музейнага збору НППКМЗ не абмяжоўваецца толькі да-матканымі вырабамі. З пачатку 30-х гг. XX ст. паралельна суіснуюць абрусы, выка-наныя ў розных тэхніках: пляценне, вязанне, вышыўка. Гэта тлумачыцца ўплы-вам гарадской культуры, а таксама развіццём прамысловасці. Аднак неабходна дадаць, што нягледзячы на тое, што абрусы маглі быць выкананы майстрыхамі рознымі спосабамі, застаецца трывалай кананічная форма вырабу (квадратная, прамавугольная), захоўваецца выкарыстанне раслінна-геаметрычных арнамен-тальных матываў, а таксама аздабленне перыметра палатна (карункі, мохры-кі, кутасы). Варта адзначыць, што для абрусаў з калекцыі «Тэкстыль» НППКМЗ з'яўляюцца характэрнымі агульныя тэндэнцыі развіцця беларускага ткацтва.

Асноўны шлях папаўнення калекцыі — гэта экпедыцыйныя пошукі навуковых супрацоўнікаў запаведніка і добраахвотная перадача прадметаў у фонды мясцовымі жыхарамі. Матэрыялы для музейнага збору набываліся альбо перадаваліся ў дар ад прыватных асоб у вёсках, мястэчках, гарадах. Калекцыя штогод папаўняецца.

Сёння ў калекцыі налічваецца 71 абрус (з іх 1 фрагмент вырабу). У калекцыі прадстаўлены абрусы з тэрыторыі БССР (70 адз.) і Заходняй Еўропы (1 адз.)

- Віцебская вобласць (64)
- Верхнядзвінскі р-н (4 адз.),
- Ветрынскі р-н (2 адз.),
- Глыбоцкі р-н (9 адз.),
- Дзісенскі р-н (2 адз.),
- Докшыцкі р-н (6 адз.),
- Міёрскі р-н (11 адз.),
- Пастаўскі р-н (2 адз.),
- Полацкі р-н (14 адз.),
- Расонскі р-н (2 адз.),
- Ушацкі р-н (1 адз.),
- Шаркаўшчынскі р-н (6 адз.),
- Гомельская вобласць (2)
- Петрыкаўскі р-н (1 адз.),
- Буда-Кашалёва (1 адз.),
- Мінская вобласць (2)
- Валожынскі р-н (2 адз.).

Па часе вырабу абрусы, якія прадстаўлены ў калекцыі, ахопліваюць храналагічны перыяд з 1900 да 1970-х гг., (акрамя КП 14-10613, які датуецца 1887 г.).

У аснову сістэматызацыі музейных прадметаў пакладзены тэхналагічны прынцып пабудовы каталога. Каталог складаецца з пяці раздзелаў з адпаведным тыпам вырабаў абрусаў. Тыпы падзяляюцца на віды і разнавіднасці. Пры вылучэнні першаснасці тэхналагічнага прынцыпу пры сістэматызацыі абрусаў вырабы былі падзелены на наступныя групы:

- 1) тканья — (34)

Шматнітовае ткацтва:

- 1-уточнае 4-нітовае — 1

- 1-уточнае 5-нітовае — 1
- 1-уточнае 8-нітовае — 18
- 1-уточнае 12-нітовае — 1
- 1-уточнае 16-нітовае — 4
- 2-х уточнае 4 нітовае — 5
- 2-х уточнае 8 нітовае — 1
- 1 уточнае бранае ткацтва — 4
- ажурнае ткацтва — 1
- 2-х баковае пераборнае ткацтва — 2
- 2) вязаныя — 18
 - кручком — 17
 - пруткамі — 1
- 3) плеценыя (сеткавыя) — 14
 - аднасценныя — 11
 - трохсценныя — 2
 - дэкаратыўныя — 1
- 4) вышытыя — 3
- 5) фабрычнай вытворчасці — 2

ТКАНЫЯ АБРУСЫ

Калекцыя ўтрымлівае 34 тканыя настольнікі.

Да сярэдзіны XX ст. найбольш распаўсюджанымі відамі ўзорных тканін у беларускім сялянскім тэкстылі былі вытканыя на чатырох, шасці, васьмі і большай колькасці нітоў. Гэтая тэхніка атрымала назву «шматнітовае ткацтва». Росквіт шматнітовага ткацтва ў беларускай вёсцы прыпадае на 1920—1950 гг. Тыпалагічныя прыкметы шматнітовых тканін — перапляценне асновы і ўтка без выкарыстання дадатковага ўзорнага ўтка, геаметрычны арнамент з прамавугольных слупоў альбо «шашак», якія складаюць адзінае цэлае са структурай тканіны, і двухбаковы пазітыўна-негатыўны характар узору [5, с. 289]. Самым распаўсюджаным відам шматнітовага ткацтва з’яўляецца 1-уточнае 8-нітовае ткацтва. Аб гэтым сведчыць і пераважная большасць такіх абрусаў у калекцыі (18 адзінак). Адносная прастата выканання, але пры гэтым прыгажосць і лаканічнасць малюнку палатна, рабілі гэты від шматнітовага ткацтва адным з самых любімых сярод вясковых жанчын.

Менш распаўсюджанымі для выканання абрусаў, з’яўляецца 1-уточнае 4-нітовае і 1-уточнае 5-нітовае ткацтва. Вырабы абрусаў у гэтых тэхніках ёсць ў даследуемай калекцыі, але, на жаль, пакуль што слаба прадстаўлена ў

калекцыі 1-уточнае 12-нітовае ткацтва, якое было даволі распаўсюджаным для вырабу абрусаў.

Максімальная магчымая колькасць нітоў у сялянскім ткацтве — 16, 22, 24. Складанасць выканання тканіны на такой колькасці нітоў абумовіла стварэнне падобных вырабаў сапраўднымі вясковымі майстрыхамі, а схемы з ткацкімі ўзорамі старанна захоўваліся і маглі перадавацца ў спадчыну [5, 310]. Калекцыя НППКМЗ налічвае 4 абрусы, якія выкананы ў тэхніцы 1-уточнага 16-нітовага ткацтва.

Паралельна з 1-уточным шматнітовым ткацтвам існавала і 2-уточнае шматнітовае ткацтва, якое таксама прадстаўлены ў калекцыі. Для тканін гэтага віду характэрным з’яўляцца рэльефны геаметрычны арнамент з шашччай пабудовай узорных матываў [9, с. 74]. Спосаб 2-уточнага шматнітовага ткацтва мае дзве тэхналагічныя разнавіднасці, якія адрозніваюцца па складанасці выканання і арнаментальным рашэнні. Першую тэхналагічную групу складаюць найбольш простыя па дэкору і структуры перапляцення тканіны, кампазіцыйнае рашэнне якіх адрозніваецца прамалінейнай пабудовай [9, с. 74]. Другая тэхналагічная група 2-уточных шматнітовых тканін атрымала народную назву «арцабы» альбо «арцабы з мандэлямі». Назва тканін «арцабы» захавала рарытэты старабеларускай лексікі і азначае «шашкі» [5, 318]. Арнаментальныя рашэнні другой групы нашмат складаней, чым першай, характар іх больш пластычны. Аснову кампазіцыі часта складаюць ромб, круг, авал, геаметрызаваныя кветкі [9, с. 77]. Калекцыя абрусаў НППКМЗ утрымлівае вырабы першай і другой тэхналагічнай групы, што добра дэманструе вышэйпрадстаўленую тэхніку ткацтва.

Абрусы, выкананыя 1-уточным браным спосабам ткацтва, маюць народную назву «паўажур», «ажурападобныя». У беларускім народным ткацтве тканіны з ажурападобным перапляценнем традыцыйна выконвалі з белага ільну (часам бавоўны) і выкарыстоўвалі ў асноўным у якасці абрусаў [9, с. 92]. Абрусы, прадстаўленыя ў калекцыі НППКМЗ, спалучаюць у сабе два віды перапляценняў: палатнянае і фасоннае. У выніку фасоннага перапляцення ўтвараецца геаметрычны арнамент, які складаецца са структурных узорных элементаў з маленькімі квадратнымі прасветамі, што надае такім тканінам лёгкасць і вытанчанасць.

Адной з рэгіянальных асаблівасцей народнага тэкстылю Віцебшчыны з’яўляецца шырокае распаўсюджанне тут ажурных тканін, якія маюць назву «рэдчыкі». Тонкія ільняныя тканіны з разрэжанай структурай атрымлівалі, выкарыстоўваючы прыёмы аднаўточнага бранага ткацтва пры дапамозе дошчачкі ці прыёмы ажурападобнага ткацтва [10, с. 844]. На сённяшні дзень калекцыя абрусаў утрымлівае толькі адзін прадмет, які зроблены такім чынам.

Пасля 1950-х гг. распаўсюджванне атрымала тэхніка 2-х баковага пераборнага ткацтва. Росквіт прыпадае на 1960—1970 гг. і паступова выцясняе шматнітовую тэхніку ткацтва. Пераборная тэхніка дазваляла ўва-сабляць разнастайныя арнаментальныя матывы, ствараць складаныя тэк-стыльныя кампазіцыі.

Паралельна з даматканымі абрусамі вялікае распаўсюджванне атры-малі плеценыя (сеткавыя) абрусы, час бытавання якіх прыпадае на 1930—1940 гг. У аснове абруса палягае тэхніка пляцення рыбалоўных сетак — ад-насценных альбо трохсценных.

Аднасценныя сеткі (цянеткі, стаўкі) былі распаўсюджаны на тэрыто-рыі ўсёй Беларусі. Абрус плецены (аднасценны) прадстаўляе сабой выраб прамавугольнай формы, паліхромны; аснова — сетка вузляковага пля-цення ў квадратную ячэйку, на якой дывановая кампазіцыя вышытая «ў насціл» [8, с. 64]. Кожная майстрыха аздабляла абрус вышыўкай па свай-му густу і фантазіі, звычайна раслінна-геаметрычнымі кампазіцыямі. Плеценыя (аднасценныя) абрусы даволі разнастайна прадстаўлены ў ка-лекцыі «Тэкстыль» НППКМЗ.

Што датычыцца абрусаў плеченых трохсценных, то іх налічваецца ў калекцыі толькі 2 прадметы. У адрозненне ад аднасценных сетак, трох-сценныя сеткі (трыгубіца, абор, дрыгавіца) складаліся з аднаго палотнішча з малымі вочкамі і двух палотнішчаў з вялікімі вочкамі [8, с. 65]. Абрус плече-ны (трохсценны) прадстаўляе сабой выраб прамавугольнай формы, аснова — сетка вузляковага пляцення, «трохсценная» ў ячэйку. Ажурны. Мог альбо аздабляцца вышыўкай расліннага характару, альбо не аздабляцца. Пры вы-карыстанні такога абруса спачатку на стол клалі звычайны белы настольнік, а пасля ўжо сеткавы, як святочны.

У даследуемай калекцыі ў адзіным экзэмпляры прадстаўлены плецены дэкаратыўны абрус, які выкананы ў арыгінальнай аўтарскай тэхніцы: узор вырабу складаецца з чаргавання ў шахматным парадку груп крыжыкаў і квадратаў з «павучкоў».

Значную колькасць прадметаў калекцыі складаюць вязаныя абрусы, якія спачатку былі распаўсюджаны сярод гараджан, пасля яны паступо-ва пранікаюць у вясковае асяроддзе. Большая частка настольнікаў, прад-стаўленая ў калекцыі звязана кручком, і толькі адзіны выраб — пруткамі. Па спосабу выканання вязаныя абрусы падзяляюць на 2 віды: суцэльнавя-заныя і з асобна вязаных фрагментаў. Больш за палову ўзораў настольнікаў паўтараюць геаметрычныя сімвалы (зорка, ромб, крыж), якія характэрны для ткацтва, што сведчыць пра пэўную пераемнасць традыцый вырабу з больш раннімі перыядамі.

Асобна стаяць вышытыя абрусы, аздабленне на якіх рабілася самастойна, але на палатне з крамнай тканіны (лён, бавоўна). Гэтыя абрусы можна лічыць пераходным тыпам ад самастойнага да пакупнога вырабу.

Што датычыцца абрусаў фабрычнай вытворчасці, то іх у калекцыі пакуль налічваецца толькі 2: настольнік фабрычнай вытворчасці БССР 1960—1970 гг. і абрус, зроблены ў Заходняй Еўропе, канца XIX ст. з вытканым надпісам на кромцы «PATENT №2186.AD.1881».

Такім чынам, вылучаная калекцыя налічвае 71 прадмет, яе можна ахарактарызаваць як няпоўную, што тлумачыцца адносна невялікай колькасцю прадметаў для аналізу. Па часе вырабу абрусы, якія прадстаўлены ў калекцыі, ахопліваюць храналагічны перыяд з 1900 да 1970-х гг., (акрамя КП 14 10613, які дагуецца 1887 годам). У аснову сістэматызацыі музейных прадметаў аўтрам пакладзены тэхналагічны прынцып пабудовы каталога, які складаецца з пяці раздзелаў з адпаведным тыпам вырабаў абрусаў. Пры вылучэнні тэхналагічнага прынцыпу пры сістэматызацыі настольнікаў, вырабы былі падзелены на наступныя групы: тканяныя, вязаныя, плеценыя, вышытыя, фабрычнай вытворчасці. У канцы XIX — сярэдзіне XX ст. асноўнай сыравінай для вырабу тканін у хатніх умовах у беларусаў з’яўляліся кудзелістыя расліны (найбольш распаўсюджаныя — лён, каноплі), бавоўна, воўна.

Варта адзначыць, што нягледзячы на тое, што геаграфія калекцыі абмяжоўваецца толькі 11 раёнамі Віцебскай вобласці (з магчымых 21), 2 раёнамі Мінскай і 2 раёнамі Гомельскай вобласці, у цэлым калекцыя ўтрымлівае і дэманструе амаль усе віды і тэхнікі, якія выкарыстоўвалі для стварэння абрусаў за перыяд ад канца XIX да другой паловы XX ст. на тэрыторыі Падзвіння.

Самай распаўсюджанай тэхнікай для вырабу абрусаў з’яўляецца 1-уточнае 8-нітовае ткацтва, якім валодалі практычна ўсе жанчыны на вёсцы. Абрусы выкананыя ў гэтай тэхніцы выкарыстоўвалі для штодзённага ўжытку. Іншыя тэхнікі ткацтва былі распаўсюджаны крыху менш і патрабавалі больш складанай запраўкі і валодання майстэрскімі навыкамі, якія патрабавалі шмат часу і ўвагі ад ткачыхі. Такія абрусы выкарыстоўвалі ў большасці выпадкаў падчас сямейных і каляндарных святаў.

З’яўленне і распаўсюджванне плеценых абрусаў яскрава дэманструе як прадмет утылітарнага прызначэння (рыбалоўная сетка) дзякуючы народнай фантазіі, майстэрству і мастацкаму аздабленню пераходзіць у катэгорыю рэчаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, якія выкарыстоўвалі ўжо як прадмет упрыгожвання інтэр’ера.

Што датычыцца вязаных і вышытых абрусаў, то пры іх вырабе майстрыхі працягваюць захоўваць кананічныя памеры, арнаментальныя матывы і спосабы ўпрыгожвання, якія былі характэрны для даматканых абрусаў.

Пры далейшым папаўненні калекцыі трэба звярнуць увагу на абрусы, тэхніка вырабу якіх прадстаўлена фрагментарна альбо адсутнічае цалкам. У першую чаргу гэта датычыцца ажурнай тэхнікі ткацтва, як адной з самых прадстаўнічых і характэрных для тэрыторыі Падзвіння. Што датычыцца шматнітовага ткацтва, то ў калекцыі адсутнічаюць вырабы, выкананыя 1-уточным 6-нітовым і 1-уточным 10-нітовым спосабам ткацтва, без якіх калекцыя пакуль не можа лічыцца поўнай. Вялікую цікавасць прадстаўляюць сабой плеценыя трохсценныя абрусы, якіх налічваецца пакуль што толькі дзве адзінкі ў калекцыі.

Захаванне і папаўненне калекцыі абрусаў з фондаў НППГКМЗ дае магчымасць прасачыць трансфармацыю і пэўныя змены ў вырабе і выкарыстанні абрусаў носьбітамі традыцыйнай беларускай культуры, вылучыць найбольш характэрныя тэхнікі для пэўнага прамежку часу. Вяртанне цікавасці да традыцыйных рамёстваў сучасным насельніцтвам (ткацтва, вышыўка, вязанне) дае добрую падставу для вывучэння і папулярызацыі калекцыі абрусаў з музейнага збору НППГКМЗ.

У выніку праведзенай працы аўтар прыходзіць да высновы, што для вылучэння і даследавання асаблівасцей абрусаў этнаграфічнага рэгіёну Падзвіння неабходна папаўненне калекцыі абрусаў як падчас этнаграфічных экспедыцый навуковых супрацоўнікаў, так і шляхам добраахвотнай перадачы прадметаў мясцовымі жыхарамі ў фонды НППГКМЗ.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Балашова, М. Я., Ручное вязание / М. Я. Балашова, С. А. Глекель.— Мінск: Польша, 1977.— 191 с.: ил.
2. Валодзіна, Т. Багач / Т. Валодзіна, У. Васілевіч // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск: Беларусь, 2011.
3. Курилович, А. Н. Белорусское народное ткачество / А. Н. Курилович.— Мінск: Наука и техника.— 1981.— 119 с.: ил.
4. Лобач, У. А. Этнаграфія Беларусі: вучэбна-метадычны комплекс для студ. спец. 1-21 03 01 «Гісторыя», 1-02 01 02 «Гісторыя. Замежная мова».— Наваполацк: ПДУ, 2006.— 328 с.
5. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О. А. Лобачевская.— Мінск: Беларуская навука.— 2013.— 527 с.: ил.
6. Мішына, В. І. Структура і сімволіка традыцыйнага вясельнага абраду беларусаў цэнтральнага і заходняга Падзвіння ў 1930—1950-я гг. (па матэрыялах

- этнаграфічных экспедыцый ПДУ) / В. І. Мішына // Беларускае Падзвінне: вопыт і методыка палявых даследаванняў: Наваполацк, ПДУ, 2009.— С. 231—236.
7. Павлович С. С. Узоры вязания на спицах и крючком / С. С. Павлович, В. И. Логвенкова, А. И. Шпаковская.— 4-е изд.— Мінск: Полымя, 1992.— 351 с.: ил.
 8. Помнікі этнаграфіі: методыка выяўлення, апісання і збірання / Беларус. добраахвот. т-ва аховы помнікаў гісторыі і культуры, Сектар этнаграфіі Ін-та мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР; пад рэд. В. К. Бандарчыка.— Мінск: Навука і тэхніка, 1981.— 150 с., іл.
 9. Селивончик, В. И. Возрождение ремесла: пособие по ручному узорному ткачеству / В. И. Селивончик, М. Н. Винникова.— Мінск: Полымя.— 1993.— 142 с.: ил.
 10. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (складальнік), А. М. Боганева, М. А. Козенка [і інш.].— Мн.: Бел. Навука, 2004.— 910 с.
 11. Фадзеева, В. Я. Беларуская народная вышыўка / В. Я. Фадзеева.— Мінск: Навука і тэхніка, 1991.— 199 с.: іл.

УДК 75.03-051(476.5-21Полоцк)"16"

Т. В. Явич

К ВОПРОСУ ОБ УТРАЧЕННОМ НАСЛЕДИИ ПОЛОЦКА: С. РОЗА

Имя знаменитого итальянского художника XVII в. Сальватора Розы всем нам хорошо известно. Ни один рассказ о музейных традициях Полоцка не обходится без упоминания имени этого художника, чьи работы примерно с 1800 г. находились в алтарях собора Св. Стефана и считались неотъемлемой частью картинной галереи Полоцкого иезуитского коллегиума (академии). И, казалось бы, сомневаться в правдивости этой информации нет оснований, поскольку её можно встретить во многих источниках по истории Полоцкого иезуитского коллегиума, Полоцкого кадетского корпуса и в целом по истории Полоцка XIX — начала XX вв.

Так, В. Викентьев в своей книге «Полоцкий кадетский корпус» (1910 г.), описывая картинную галерею полоцких иезуитов и ссылаясь на архив отцов-пиаров, говорит о двух картинах этого художника, а именно: «работы Сальватора Розы, или, как сказано в описи, просто Розы — «Собор святых

мучениц» и «Святая Троица», написанные в Вероне» [1, с. 26]. Ещё один документ из архива Полоцкого кадетского корпуса, который приводит Викентьев, это «Опись иконам и предметам католического культа, оставшимся после иезуитов и в 1843 г. отправленным в Варшаву». Согласно этой описи, в Варшаву была отправлена работа «Св. мученица Фекла», писаная Сальватором Розою в Вероне, 1 ар. 2 в. — 1 ар. ½ вер.» [1, с. 120].

Ещё одна работа под авторством Сальватора Розы «Мученичество св. Стефана» упоминается во многих документах начала XX в. Например, П. Красавицкий в своей работе «Памятники церковной старины в Витебской губернии и их охранение» (1911 г.) пишет «...несколько лет тому назад из Полоцкого Николаевского собора удалена в Софийский собор высокохудожественная картина, приписываемая Сальватору Розе, изображающая побиение Первомученика Стефана камнями» [4, с. 47].

Болеслав Бжэзга, руководитель Витебского отделения Московского Археологического института (1911—1922), известный исследователь искусства, в своей работе «Sztuki piękne w kolegium oraz w Akademii OO. Jezuitów w Połocku w XVIII i XIX w.» (1938—1939 гг.) среди иезуитских алтарных картин, оставленных для Николаевского собора, называет: «Смерть св. мученика Стефана» (с изображением в верхней части св. Троицы) кисти Сальватора Розы написанная в Вероне», а среди работ, вывезенных в Варшаву — «Св Фекла», «Собор святых мучениц» (с изображением св. Франциска) и «Святая Троица» (с изображением Игнатия Лайолы)» [7, с. 38].

Несколько позже в своей работе, посвящённой древней полоцкой истории, И. П. Дэйнис, описывая картинную галерею иезуитов, также упоминает о двух работах Сальватора Розы: «Собор святых мучениц» и «Святая Троица» [3, с. 87].

А наша современница, искусствовед Лариса Михневич организовала даже проведение искусствоведческой и криминалистической экспертизы для портретной идентификации, т. е. с целью установить, что лик полоцкого «Стэфана» имел портретные черты итальянского художника, что, в свою очередь, должно было доказать влияние полоцких работ Сальватора Розы в целом на белорусскую школу живописи, где образу Св. Стефана из полоцкого храма была уготована роль эстетического идеала [5, с. 26—27].

Здесь приводятся только самые показательные примеры упоминания присутствия работ Сальватора Розы в Полоцке. Источники эти весьма и весьма авторитетные. Не доверять им, казалось бы, не было причин. И мы с вами снова и снова с гордостью повторяли это имя, рассказывая об утраченных шедеврах музея полоцких иезуитов.

Однако во многих источниках повторяется один факт, который вынуждал все-таки сомневаться в том, что автором названных работ был именно

Сальватор Роза. А именно: источники один за другим повторяют, что полоцкие работы художника были написаны в Вероне. Сальватор Роза прожил богатую на события, порой самые драматические, жизнь, но ни один факт его биографии не связан с Вероной. Неаполитанец по рождению и по принадлежности художественной школы, он большую часть жизни провёл в Риме, Флоренции и снова в Риме.

Ещё один момент, вызывающий вопросы, это датировка. Как известно, работы Розы в Полоцке появляются около 1800 г. во время частичной модернизации внутреннего убранства собора Св. Стефана. А работы Сальватора Розы могут быть датированы самое позднее — 1673 г. Конечно, работы до 1800 г. могли находиться в Италии, а в Полоцк их привезли прибывающие сюда иезуиты, среди которых было немало итальянцев. Но что с уверенностью можно утверждать — работы точно не были заказными, в том числе и «Мученичество св. Стефана», о чём писали некоторые исследователи [5, с. 25].

И, наконец, в приписываемых Сальватору Розе полоцких работах была зафиксирована особенная подпись-криптограмма художника, что нашло отражение в местной краеведческой литературе 1920-х гг.: «Сальватор Роза на своих картинах вместо подписи помещал в правом нижнем углу картины рисунок цветка розы», или «...в правом нижнем углу картины изображена роза, а над ней — имя художника» [5, с. 23]. Однако в специальной литературе нет информации о такой подписи этого художника, но встречается совсем другая: это монограмма из переплетённых латинских букв S и R. Чаще же всего работы Сальватора Розы не подписаны. Так, в Государственном Эрмитаже хранится пять работ Сальватора Розы, монограмму содержит только одна — «Блудный сын». Одна из трёх работ в коллекции Эрмитажа, приписываемых к кругу Сальватора Розы, содержит фальшивую монограмму [2, с. 231]. Но кто же тогда мог оставить подпись-криптограмму на полоцких работах? Сальватор Роза в истории итальянского искусства был только один.

Ответ всё это время был рядом, но, видимо, вера в красивую легенду не позволяла увидеть его.

Мария Каламайская-Саед, доктор искусствоведения из Варшавы, одно из своих исследований посвятившая судьбе культовых предметов искусства, вывезенных из Полоцкого иезуитского костёла в Польшу, и Ирена Кадульская, доктор искусствоведения из Гданьска, автор монографии, посвящённой культурной миссии Полоцкой иезуитской академии — оба исследователя в своих работах цитатно приводят довольно большой фрагмент документа 1817 г., в котором впервые упоминаются работы Розы в Полоцке. Это «*Krotka wiadomosc o obrazach Chechowicza znajdujacych sie w kolegium*

Akademickim Towarzystwa Jezusowego w Polocku» И. Лахницкого. Описывая модернизацию внутреннего убранства костёла Св. Стефана, автор пишет: первоначально «костёл украшен был только иконами Сымона Чаховича. Позже на их месте в трёх главных алтарях были размещены: 1. Мученичество св. Стефана. 2. Св. Игнатий Лайола. 3. Св. Ксаверий, прибывшие из Италии руки художника Далла Роза из Вероны, который сейчас является президентом музея во Флоренции» [9, s. 133; 8, s. 188].

Одна эта цитата не только даёт нам имя художника — Далла Роза из Вероны — но и позволяет говорить о том, что художник этот был современником Лахницкого и в 1817 г. находился в полном здравии. Итак, художника звали Далла Роза, точнее — Саверио Далла Роза.

М. Каламайская-Саед находит подтверждение информации Лахницкого в итальянских источниках. Так, Диего Жанандрэ в своей книге «Жизнеописания художников, скульпторов и архитекторов Вероны, 1891» указывает, что Саверио Далла Роза (1743—1821) написал икону «Мученичество св. Стефана» по заказу для костёла иезуитов в Полоцке ок. 1800 г. Перед отправкой в Полоцк образ был выставлен в Болонье в *Academia Clementina*, якобы вызывая всеобщее восхищение знатоков — профессоров живописи названной Академии [9, s. 133]. Также в книге-справочнике Филиппо Де Бони «Биографии Художников» (1840 г.) есть информация о том, что Далла Роза больше двадцати лет работал в России [6, s. 881], что может в некоторой степени объяснить причины заказа икон для Полоцка именно у него.

Мария Каламайская-Саед в своём исследовании опиралась на «Акт интенданта Варшавского замка, касающийся предметов оставшихся от иезуитов в Полоцке». Документ содержит подробный перечень предметов культового искусства, прибывших транспортом, состоящим из 23 ящиков, в 1843 г. в распоряжение наместника Королевства Польского генерала Ивана Паскевича. Транспорт остался в замке Варшавском и был вверен его интенданту, оказавшемуся скрупулёзным служащим. Он составил ведомость, в которой чётко фиксировал даты, названия предметов и фамилии тех лиц, которым по распоряжению Паскевича эти предметы выдавались. К акту прилагались квитанции (расписки в получении) получателей, содержащие описание полученного предмета.

Среди прибывших из Полоцка алтарных картин работа с изображением Св. Игнатия Лайолы в квитанции, прилагавшейся к акту интенданта Замка варшавского, значится как «Икона св. Троицы с изображением И. Лайолы, высотой 6 аршин 7 вершков (4,57 м) и шириной 2 арш 14 вершков (2,04 м), ценой 500 руб серебром». В ходе реставрации образа в 1957 г. реставраторы Анна Чезикова и Альдона Романовичева зафиксировали авторскую под-

пись «xaveriusaRosapinxit 1800 a Verona», окончательно подтвердившую авторство и проезд работы из Италии. В настоящее время картина находится в Кафедральном соборе в Люблине.

Алтарная картина с изображением св. Франциска Ксаверия известна как третья из полотен Далла Розы, привезённых в Полоцк из Вероны. Подтверждает это авторская подпись, аналогичная подписи на работе с образом И. Лайолы. Находится также в Кафедральном соборе в Люблине.

Судьба центрального образа главного алтаря полоцкого костёла «Побиение камнями св. Стефана» кисти Саверио Далла Роза по-прежнему неизвестна.

Итак, сегодня мы можем утверждать, что в коллекции картинной галереи полоцких иезуитов было как минимум три алтарные работы кисти Саверио Далла Роза из Вероны. Были ли в Полоцке работы Сальватора Розы? Сомнительно. Сегодня нет убедительных фактов их существования здесь. Ошибка в определении имени художника, приведшая к тому, что сложилась целая легенда о полоцких картинах Сальватора Розы, не вызывает большого удивления. Сальватор Роза, в отличие от Саверио Далла Роза, был знаменит во многих странах. Современники ставили его искусство в один ряд с творчеством Рафаэля, Микеланджело, Пуссена. В эпоху романтизма творчество Сальватора Розы активно изучалось, его картины копировали, стихи читали, музыку слушали. «Перенесите Сальватора Розу в ледяные поля, к полюсу, — и его гений украсит льды», — писал ещё в XVIII в. Дидро в одном из «Салонов». Художника Сальватора Розу очень хорошо знали в России. Известно, что А. Орловский и О. Кипренский активно изучали его живопись. Художника Саверио Далла Розу не знали вовсе.

Саверио Далла Роза происходил из скромной веронской семьи. После завершения обучения гуманитарным наукам и риторике он стал учеником своего дяди по матери, известного художника Джанбеттино Чиньяроли, основателя Академии изящных искусств Вероны.

После окончания обучения Саверио Далла Роза жил и работал в основном в Вероне и его окрестностях. В 1770 г. он написал портрет четырнадцатилетнего Вольфганга Амадея Моцарта, когда последний приехал в Верону во время своей первой поездки в Италию. Портрет этот до сих пор считается самой известной работой художника.

Саверио Далла Роза стал одним из самых популярных художников в Вероне последней четверти XVIII — первой четверти XIX вв., работал в направлении неоклассицизма.

В 1796 г. Далла Роза был назначен почётным членом *Academia Clementina* в Болонье. Этим, по всей видимости, объясняется факт экспонирования в академии работ, написанных для полоцкого костёла, перед отправкой их в Полоцк.

Но главным достижением Далла Розы была его деятельность по предотвращению вывоза во Францию изобразительного наследия Вероны во время наполеоновского правления.

В мае 1797 г. Верона стала французской, новые власти сразу предприняли действия с целью закрыть многочисленные монастыри и церкви города, а затем вывести из них произведения искусства. Комиссия, состоящая из местных художников и французских наместников, должна была составить перечень всего самого ценного с точки зрения искусства и культуры и установить, что именно вывезти из Вероны. В 1801 г. в эту комиссию муниципалитет Вероны назначил Саверио Далла Роза.

Художник был якобинцем, поддерживал настроения французской революции и перемены, но вместе с тем Далла Роза был веронцем и понимал, что большинство предметов искусства — картин и скульптур из монастырей, церквей и частных коллекций будет вывезено. В 1806 г. от имени своей Академии он пишет обращение к вице-королю Италии Эжену Богарне с призывом создать в Вероне городскую галерею, для которой оставить лучшие произведения знаменитых художников Вероны.

Проект создания городской веронской галереи понравился вице-королю, он издал декрет о создании комиссии для отбора экспонатов для будущего городского музея из почти 7 тысяч уже собранных и сваленных на складах произведений искусства.

После долгих споров 7 октября 1812 г. был утверждён перечень из 197 картин, которые остались в Вероне и составили ядро коллекции городского музея — Пинакотеки (сегодня Музея Кастельвеккио). Эти картины, отражающие пять столетий истории веронской живописи, которые отстоял для Вероны Саверио Далла Роза, назначенный тогда же хранителем музея, стали наглядными экспонатами для учеников Академии Чиньяроли.

Саверио Далла Роза стал также замечательным каталогизатором художественного наследия Вероны. Сделанная им подробная опись картин и скульптур в монастырях и в церквях, общественных местах Вероны стала основным документом, по которому впоследствии власти Вероны требовали назад увезённые во Францию картины и скульптуры.

Таким образом, Саверио Далла Роза — не только художник, писавший заказные работы в портретном жанре и на религиозную тематику, но и создатель первого городского музея в Вероне, его первый руководитель, а также ревностный борец за сохранение национального культурного наследия.

Вот такое имя мы должны вписать в историю культуры Полоцка, в историю картинной галереи Полоцкого иезуитского коллегияума (академии).

Список литературы и источников

1. Викентьев, В. П. Полоцкий кадетский корпус: ист. очерк 75-летия его существования / В. П. Викентьев.— Полоцк: Тип. Х. В. Клячко, 1910.— 396 с., XLIII.
2. Всевожская, С. Н. Итальянская живопись XVII в.: каталог коллекции / С. Н. Всевожская.— Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013.— 344 с.: ил.
3. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс.— Мінск: Медисонт, 2007.— 330 с.
4. Красавицкий, П. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение / П. Красавицкий // Полоцко-Витебская старина. — Витебск, 1911.— Вып. 1.— С. 1—64.
5. Міхневіч, Л. Шукаць як былую ўласнасць / Л. Міхневіч // Мастацтва.— 1998.— № 8.— С. 23—27.
6. Biografia degli artisti / F. De Boni [Electronic resource].— Venezia: CO' Tipi del Gondoliere, M DCCC XL.— Mode of access: http://books.google.it/books?id=dg1BAAAAcAAJ&printsec=frontcover&dq=biografia+degli+artisti&source=bl&ots=fKYHyScYVvk&sig=TLC5-QEaJMBhVmKtj17hc2EFCz0&hl=it&ei=93ufTZ_jG42MswbKy_mHAg&sa=X&oi=book_result&ct=result#v=onepage&q&f=false.— Date of access: 14.02.2017.
7. Brezgo, B. Sztuki piekne w kolegium oraz w Akademii OO. Jezuitow w Polocku w XVIII i XIX w. / B. Brezgo // Pr. I materialy sprawozdawcze Sekc. Historii Sztuki.— 1938 / 1939. T. 3.— S. 29—39.
8. Kadulska, I. Akademia Polocka: osrodek kultury na Kresah 1812—1820 / I. Kadulska.— Gdansk: Wydaw. Uniw. Gdanskiego, 2004.— 308 s.
9. Kalamajska-Saeed, M. Losy wyposazenia kosciola jezuitow w Polocku / M. Kalamajska-Saeed // Rocznik Historii Sztuki.— 1988.— T.17.— S.131—147.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Андрэева Наталля Аляксандраўна, загадчык Дзіцячага музея — філіяла НППКМЗ.

Аўчыннікава Юлія Аляксандраўна, загадчык навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ.

Воднева Ірына Пятроўна, загадчык Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Гаўрылава Славiна Вячаславаўна, вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Грыб Яўген Пятровіч, вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Даўгун Вольга Міхайлаўна, старшы навуковы супрацоўнік аддзела фондаў НППКМЗ.

Капыл Сяргей Пятровіч, загадчык Музея баявой славы — філіяла НППКМЗ.

Качарагіна Юлія Мікалаеўна, старшы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НППКМЗ.

Леднік Валерый Аляксандравіч, загадчык Прыродна-экалагічнага музея — філіяла НППКМЗ.

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч, старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ.

Нарэйка Канстанцін Аляксандравіч, вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы — філіяла НППКМЗ.

Салаўёў Аляксандр Аляксандравіч, вядучы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ.

Сітдзікава Наталля Ільдараўна, старшы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НППКМЗ.

Смірнова Таццяна Рафаілаўна, вядучы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НППКМЗ.

Шыпіла Наталля Аляксандраўна, вядучы навуковы супрацоўнік Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я — філіяла НППКМЗ.

Явіч Таццяна Уладзіміраўна, намеснік дырэктара па навуковай рабоце НППКМЗ.

Ягоранка Вольга Дзмітрыеўна, старшы навуковы супрацоўнік Мастацкай галерэі — філіяла НППКМЗ.

Навуковае выданне

МАТЭРЫЯЛЫ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

*(на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2016 г.)*

Укладальнік **Явіч** Таццяна Уладзіміраўна

Камп'ютарная вёрстка В. У. Гаўрылаў
Карэктар В. Я. Ашуева

Макет выкананы на абсталяванні
навукова-інфармацыйнага аддзела НПКМЗ
211400, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22

Падпісана да друку 12.04.2019. Фармат 70x100 ¹/₁₆.
Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура «ПТ Сериф».
Ум. друк. арк. 8,8. Улік.-выд. арк. 6,4.
Наклад 50 ас. Замова 10017.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/142 ад 09.01.2014.
№ 2/34 ад 23.12.2013.
Вул. Ціміразева, 9, 220004, Мінск.

Полоцкъ.—Polock.

Спасская ул. Николаевскій соборъ.

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі:
па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2016 г. / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск:
Медысонт, 2019. — 152 с.

*У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў
канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні
гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы
музейнай дзейнасці.*

*Выданне адрасуецца музейным спецыялістам,
гісторыкам, культуролагам.*

Нацыянальны Полацкі гісторыка-
культурны музей-запаведнік
Рэспубліка Беларусь, 211400,
Віцебская вобл., г. Полацк,
вул. Ніжне-Пакроўская, 22
<http://polotsk.museum.by>

ISBN: 978-985-7199-92-1

9 789857 199921